

ISSN 0869-6403



**ЖУРНАЛ
ВНУТРЕННИХ
ВОЙСК**

**НА
БОЕВОМ
ПОСТУ**

**11
'94**





У НАС В ГОСТЯХ —

ПОГРАНИЧНИК

ЖУРНАЛ ПОГРАНИЧНЫХ ВОЙСК РОССИИ



Где в горных ущельях хранится
До времени спрятанный гром,
Там наша проходит граница,
Как грань между злом и добром.
Страны и покой и величие
Бессоницей зорких застав
Надежно хранит пограничье —
Сердец и оружия сплав.

В. РАДКЕВИЧ

Фото Г. БИБИКА



НА БОЕВОМ ПОСТУ



11 '94

Издается с 1958 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

В номере:

■ АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

АВДЕЕНКО П.: "На наших плечах полумиллионный город..." 2

■ ВОЙСКА: ПРОБЛЕМЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

КАРПОВ Б. Моздокский базар... 8
ШУТОВ И. Мы выбираем? Нас выбирают!... 13
МУЧАК И. Долговая яма, или "Приходите к нам лечиться"... 16
КИБАКИН М. Беспристрастные цифры... 19

■ РЕТРОСПЕКТИВА

СЫСОЕВ Н. Генерал каторги, или Карьера рядового зека... 22

■ ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

ЛАНЩИКОВ А.: "Идеология военных — государственность..." 27

■ У НАС В ГОСТЯХ "ПОГРАНИЧНИК..."

ЗОЛОТЦЕВ С. Меж двух огней... 34
МАЗУРЕНКО Н. Быть может, за хребтом Кавказа... 40
СОКИРКО В. Мужчины не плачут... 45
АЛЕКСЕЕВА Е. Чья звезда дальше полетит... 51
СЕНЯВСКАЯ Е. Лицо в зеркале... 57
НЕМЕНОВА Л. Щен из созвездия Гончих Псов... 60
Стихи... 68

■ КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ

ЛИНДЕР И. Гармония силы и души... 70
Рыболовам и охотникам... 74
Автодайджест... 76
ЛОМОВ Б. "Скорая помощь", (рецепты народной медицины)... 77
Шахматный клуб... 79

Главный редактор
ЛУКИЕНКО Л. И.

Редакционная
коллегия:

АРТЮХОВ Е. А.,
АФАНАСЬЕВ В. В.,
БОНДАРЕВ П. Т.,
ВОРОЖЦОВ В. П.,
ДУРБАЖЕВ В. А.,
ЕРМИЛОВ А. М.
(зам. главного редактора),
ЕРХОВ Е. И.,
ЗАЙЦЕВ А. П.,
КАВУН С. Ф.,
КАРЕВ А. Н.
(ответственный секретарь),
КАРПОВ Б. В.,
КОЗЛОВ И. Т.,
КОТЛЯРОВ А. П.,
КУДРЯШОВ В. И.,
КУЗЬМИН Н. П.,
МАЛЮТИН С. Н.,
ОВЧИННИКОВ В. В.,
СЕНОКОСЕНКО Л. Ф.
(зам. главного редактора),
УШАР А. Г.,
ЧЕРНЫШОВ П. П.,
ЯКУБОВСКИЙ В. И.

Учредитель — МВД России.

Издатель — Главное управление
командующего внутренними войсками:
111250, Москва, Е-250, ул. Красноказарменная, 9а.

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Регистр. № 01420.
Имеет приложения: газету «Ситуация» и сборник учебно-методических материалов «Войсковой вестник».

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат ответственность несут авторы. При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна.

© Журнал «На боевом посту», 1994

Сдано в набор 29.09.1994 г. Подписано к печати 31.10.1994 г.
Формат бумаги 70x1081/16. Усл. печ. л. 7, 0.
Уч.-изд. л. 11, 0. Зак. № 1942. Тираж 10 000.
Цена по каталогу для индивидуальных подписчиков 480 руб.,
(индекс 70610), для предприятий и организаций — 1500 руб.
(индекс 73175), в розницу — свободная.

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда»,
123826, ГСП, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

Художественное оформление

Э. П. Копылова.

Корректоры

Е. А. Богданова, И. Н. Инюшина.

На первой странице обложки:

фото А. Д. Александрова.



Адрес редакции:

107120, Москва, Б-120,
Сыромятнический проезд, 8.
Телефоны:
361-82-57, 361-81-71.

**Заместитель начальника тыла
внутренних войск,
начальник отдела ГУКВВ
МВД России
полковник П.АВДЕЕНКО:**

“На наших плечах полумиллионный город”



— Петр Николаевич, в нынешней редакционной почте, пожалуй, самые горькие, самые безрадостные письма — те, которые касаются жилищных проблем. Отсутствие своего угла тяжело воспринимается молодежью, но особенно — семьями офицеров и прапорщиков, служба которых подходит к концу. Люди пишут, что бесквартирье начинает приобретать формы хронической болезни. Так где же выход? Как решить этот больной вопрос?

— Прежде всего хотелось бы поблагодарить редакцию за то, что мне предоставлена возможность объясниться с многотысячной читательской аудиторией. Действительно, проблема, которую мы поднимаем на журнальных страницах, очень актуальна. По сути, она затрагивает интересы каждого военнослужащего.

Вынужден отметить, что за последнее время жилищная проблема резко обострилась. Вот вы упомянули о письмах, попадающих в журнал. А я скажу так: поток заявлений и жалоб идет сегодня во все инстанции — и в правительство, и к командованию войск, и к начальнику тыла, и лично ко мне. И он нарастает, ибо острую нужду в жилье ныне в войсках испытывает каждая четвертая семья. А, например, в таком молодом округе, как Северо-Кавказский, квартиру ждет каждая вторая.

Вы сказали “бесквартирье”... Этот термин, пожалуй, очень точно характеризует сложившуюся ситуацию, являющуюся причиной социальной напряженности в воинских коллективах, сказывающуюся на результатах воинского труда. И командова-

ние, военный совет войск, руководство тыла делают все возможное, чтобы ее поправить. Могу сказать, что этот вопрос неоднократно выносился на обсуждение межведомственной комиссии Совета безопасности, по нему проходили специальные парламентские слушания. От нас в них принимали участие начальник тыла войск генерал-лейтенант Дурбажев, а также генерал-лейтенант Гафаров, генерал-майор Кавун. Практически все заместители командующего представляли интересы войск на этих и подобных им совещаниях...

— И удалось сдвинуть воз или он и поныне там?

— Тут ведь что нужно понимать: проходит экономическая реформа, статьи федерального и местных бюджетов сокращаются, резко снизились финансовые возможности хозорганов, с которыми взаимодействуют войска. И тем не менее благодаря своему оперативному вмешательству, активной позиции нам удалось, во-первых, создать хорошую законодательно-правовую базу и, во-вторых, в нынешних непростых обстоятельствах сохранить все источники, по которым в войска поступало жилье последние полтора-два десятилетия. Единственно, кто перестает выделять квартиры нашим военнослужащим, — это исправительно-трудовые учреждения.

— Так ведь лесные подразделения отходят к ГУИНу, а с ними, стало быть, и заботы по обеспечению жилплощадью, да и не только ею, офицеров, прапорщиков, охраняющих колонии. Петр Николаевич, думается, нашим читателям небезынтересно будет узнать, из чего во-

обще складывается войсковой жилищный фонд, на основании каких документов и откуда мы получаем квартиры.

— Сошлюсь на законы о внутренних войсках, о статусе военнослужащих, на постановление правительства Российской Федерации за номером 775. Это основные документы, с которыми мы сегодня работаем. Главным же источником получения жилья является федеральный бюджет. Значительную часть жилого фонда выделяют местные органы исполнительной власти, хозорганы охраняемых государственных объектов. Пока не было перебоев в финансировании жилищных программ, удавалось немало квартир приобрести через жилищные и жилищно-строительные кооперативы. Учитывая острую ситуацию, министр внутренних дел издал специальное распоряжение, согласно которому нам выделяется жилье в домах, которые строятся по титульным спискам МВД, УВД, т.е. практически восстановлена старая традиция, когда войска получали 10 процентов возводимой своему министерству жилплощади. Ну и строим сами. Вот, если кратко, об источниках.

Не могу не сказать и вот о чем. В текущем году весомую прибавку принесло погашение задолженностей местными органами власти. Президент, правительство неоднократно давали указания на места — вернуть нам долги. И вот благодаря этому мы получили 287 квартир, что составляет 18 процентов от общего количества жилплощади, поступившей в 1993 году. Это немало. Практически задолженность нам во многих городах ликвидирована.

— Все это хорошо, но вы заметили, что четверть военнослужащих постоянного состава у нас остро нуждается в жилье. Хотелось бы все-таки конкретнее узнать: сколько на сегодня семей не имеют собственной крыши над головой и сколько ждут улучшения жилищных условий?

— По состоянию на 1 июля 1994 года во внутренних войсках на квартирном учете состояло 19146 семей. Из них 7984 семьи значились как не имеющие своего жилища. Мы регулярно получаем данные с мест, обрабатываем их, исходя из этого, распределяем ассигнования. Я уже говорил, что на сегодня тяжелее всех приходится нашему горячему региону. В Северо-Кавказском округе войск не имеют своего жилья и нуждаются в расширении 4017 семей. Могут называть и другие нерадующие цифры. В Приволжском округе таковых 2117, на Урале — 1357; Хабаровск запрашивает 1556 квартир, Новосибирск — 1173; управление по охране важных государственных объектов и спецгрузов подало сведения на 4562 очередника.

К сожалению, приходится отмечать, что темпы получения жилой площади пока отстают от наших реальных потребностей и на данном этапе не позволяют хотя бы

стабилизировать количество очередников.

— Как резко оно возрастает?

— За истекшие полгода примерно на 1800 семей.

— Тут, видимо, не последнюю роль играет количественный рост войск. Вот и недавним Указом Президента о неотложных мерах по реализации Федеральной программы борьбы с преступностью численность наших соединений и частей оперативного назначения увеличена на 52 тысячи человек.

— Причины, в первую очередь, кроются в том, что войска, как всем нам известно, согласно концепции своего развития претерпевают значительную реорганизацию. Появляются новые виды воинских частей, подразделения передислоцируются туда, где для внутренних войск никто никогда ничего не строил. Естественно, военнослужащий, влившийся в их строй, возможно, и имел где-то квартиру, но теперь лишился крыши над головой. Вот поэтому за полгода мы и получили столь резкий рост нуждающихся в жилье.

— На одном из недавних совещаний я услышал и такой веский довод: в 1992—1993 годах внутренним войскам России выделялось больше жилья, чем внутренним войскам Союза ССР в 90-м. Однако в связи с тем, что у нас немало военнослужащих, вышедших из стран СНГ, благоприятная в общем-то картина смазалась.

— Да, общая картина действительно смазалась, если можно, конечно, применить такой термин к происшедшему. Три с половиной тысячи семей, переехавших из республик Прибалтики, Средней Азии, Закавказья, нужно было в срочном порядке расселять, что мы и делали. А вообще, с 1992 года мы действительно почувствовали, что жилья стали получать побольше, чем прежде. И за счет того, что нам возвращают долги, как уже упоминал, и за счет того, что в общем хаосе мы не потеряли каналы его получения. Положительная динамика ощущалась и в 1993-м.

— И сколько же нам было выделено в нем?

— 1595 квартир.

— А в этом? “Красная звезда”, например, постоянно информирует своих читателей, как осуществляется Государственная программа по строительству жилья для военных. А если точнее — как она проваливается, подобно предыдущей — “Жилье-2000”. И все из-за недостаточного финансирования. Из 1,6 триллиона рублей, предусмотренных федеральным бюджетом на первое полугодие текущего года, армия получила менее 0,9 триллиона. Задолженность за выполненные работы там составила свыше 600 миллиардов рублей. А что у нас?

— Недофинансирование на сегодня, пожалуй, общий самый главный бич. Он и

нам не дает развернуться, чтобы реализовать Государственную программу обеспечения жильем военнослужащих внутренних войск и членов их семей. Согласно ей войска в 1993 году должны были получить 220 тысяч квадратных метров жилплощади, в 1994-м — 340 тысяч и в 1995-м — выйти на уровень 550 тысяч квадратных метров. Если сравнить последнюю цифру с той, что имели внутренние войска СССР в 1990 году — а это 96 тысяч квадратных метров, то получится планируемый рост в 4 раза! Для того чтобы реализовать впечатляющие планы, нам на нынешний год выделено 259 миллиардов рублей централизованных государственных капиталовложений.

— Выделено или должно быть выделено?

— Выделено. Из них на долю жилищного строительства приходится 242 миллиарда, т.е. практически все объемы должны были быть направлены на строительство жилья. А вот как финансировалась жилищная программа, я вам сейчас расскажу. Передо мной данные и на начало года, и на конец первого полугодия. По структуре плана к 1 июля из 242 миллиардов мы должны были получить 96, но получили всего лишь 23,1. Вот и судите сами. Даже по освоенным капиталовложениям не доплачено 13 миллиардов рублей.

— Жизнь непроста, и недаром ее сравнивают с зеброй. Видимо, и на возглавляемом вами участке работы чередуются светлые и темные периоды. Послушать ветеранов, так выпадали годы, а то и десятилетия, когда с жильем было очень туго, потом острота проблемы постепенно снималась. В семидесятые годы наблюдались полосы, когда семейные военнослужащие буквально в считанные месяцы получали прекрасные, благоустроенные квартиры. Сегодня мы, по всей вероятности, входим в густую тень. Или вы не согласны с мной?

— Это непростой вопрос: с каким периодом войсковой истории да и самой нашей жизни соотнести нынешнее время? Первую в своей жизни квартиру я, например, получил, перейдя служить в главк, и был я в должности старшего офицера. Ордер выдали, на удивление, быстро — месяца не прошло. Сегодня же офицер нашего отдела два с половиной года живет с семьей в общежитии. И это в порядке вещей. Так что сами решайте: улыбается нам ныне солнце или нет. Пока могу сказать только одно: задание Государственной программы на 1994 год будет не выполнено. Хотя, если рассматривать итоги первого полугодия, получено 745 квартир. Это примерно половина того, что было в прошлом. Так что скорее всего нам по силам будет не только выйти на показатели 93-го года, но даже несколько превзойти их. Однако радоваться тут нечему: это дают отдачу сред-

ства, направленные нами в жилищное строительство полтора-два года назад. Иначе говоря, тогда мы сделали определенный задел, и вот деньги вернулись к нам в виде реального жилья. Конечно, объемы его уже не те, на которые мы рассчитывали, поскольку инфляция каждый месяц съедает небольшие суммы. Мы должны постоянно доплачивать.

— А если я вас правильно понял, доплачивать нечем?

— Выходит, так.

— Петр Николаевич, положение с жильем стало ухудшаться не вчера и не позавчера. Вы сказали, что за последние годы наработана хорошая правовая база, сохранены источники получения квартир. Но, наверно, были и другие практические шаги?

— Что касается правовой базы, приведу хотя бы один пример. 44 статья Закона о внутренних войсках устанавливает норму, согласно которой офицеры и прапорщики, проходящие службу в отдельных гарнизонах и обособленных военных городках, при выслуге 15 календарных лет и более, независимо от места прохождения службы, имеют право вступать в жилищные, жилищно-строительные кооперативы и строить индивидуальные дома в избранных ими городах или населенных пунктах. Я хочу обратить ваше внимание на то, что законодатель не требует обязательности нахождения этих гарнизонов в районах Крайнего Севера или к нему приравненных местах, где, собственно, и существует такая льгота, — он просто говорит: "В отдельных гарнизонах и обособленных военных городках". А такие могут быть, допустим, на Урале... Такой нормы нет нигде в Вооруженных Силах! Наши военнослужащие, видимо, еще толком не вчитались в данную статью закона, поэтому и за разъяснениями к нам пока никто не обращался.

— В таком случае, Петр Николаевич, как ознакомиться с перечнем военных городков, о которых вы вели речь?

— Он будет утвержден министром внутренних дел. Эту норму мы заложили в проект нового Устава внутренних войск, который на сегодняшний день согласован во всех заинтересованных инстанциях и находится на утверждении. Как только этот документ выйдет (а мы ждем его с нетерпением, поскольку им устанавливается еще ряд норм, снимающих накопившиеся у нас проблемы), представим перечень министру, доведем до войск. Я думаю, это поддержит людей, даст дополнительную уверенность, что их социальные интересы защищены в достаточной степени.

Теперь вторая половина вашего вопроса — о других наших практических шагах. Да, они были. Мы приступили к созданию в военных округах и ряде соединений собственных строительного-квартирных органов, чего не было за всю историю внутренних войск. Уже действуют отделения, отделы

капитального строительства в Приволжском, Северо-Западном, Северо-Кавказском округах. Причем все соединения, замыкающиеся на Ростов-на-Дону, имеют собственные отделения. И это дает отдачу — ведь именно в адрес этих организаций направляются сегодня материальные средства и именно ими производятся инвестиции в жилищное строительство, ведется расчет с подрядчиками.

— А раньше?

— А раньше под наш план деньги получали отделы капитального строительства МВД, УВД. В условиях дефицита финансовых ресурсов министры внутренних дел республик, начальники УВД, будучи распорядителями кредитов, использовали поступающие суммы по своему усмотрению. По крайней мере, до нас деньги доходили уже в очень незначительных объемах.

И потом, когда-то хозорганы брали на себя обеспечение военнослужащих, охраняющих объекты, не только жильем, а и всем необходимым для нормальной человеческой жизни. Сегодня времена иные. В бытовом отношении мы остаемся наедине с собой. Но по силам ли существующим службам КЭС нести ношу, которая ложится на их плечи?! Строительство, работа с подрядчиками, обустройство военных городков и содержание в надлежащем порядке всего находящегося на балансе жилья — кому всем этим заниматься? Взгляните на численность войск, прибавьте сюда численность семей офицеров, прапорщиков, контрактников — и вы получите полумиллионный город! Огромный мегаполис на войсковом балансе. Если смотреть на вещи здраво, то в таком городе должны существовать многие РЭУ, ЖЭУ, не говоря уже о домоуправлениях, жэках. Коль жилье служебное, у нас на балансе, должен быть и персонал, его обслуживающий. А что сейчас? Как были в полку начальник КЭС, делопроизводитель и начальник хранилища, так эти три человека и несут на себе по сей день все бремя возрастающих нагрузок.

Строительно-квартирные органы уже сегодня нужны войскам как воздух! И нужны свои собственные строительные мощности. По крайней мере не меньше, чем в Погранвойсках. Ведь далеко не в каждый пункт поедут подрядные организации что-то для нас строить. Единственный выход — создавать свои ремонтно-строительные и строительные подразделения.

— Вы практически опередили мой вопрос: каковы на сегодня наши собственные строительные возможности?

— Если в прошлом по войскам сдавалось один, максимум два дома в год, и то в основном для ОДОНа, то сейчас по России мы возводим до пятидесяти таких зданий одновременно. Из 242 миллиардов, которые предстояло освоить в нынешнем году, 42 как раз приходилось на собственное строительство. Практически не только в каждом округе, в каждом соединении се-

годня можно встретить строительные площадки. И темпы работ высокие. Скажем, в феврале прошлого года в Новочеркасске было заложено два жилых дома. Один из них сдан в декабре, другой — в текущем году. В том же Новочеркасске мы приобрели две линии по производству безобжигового кирпича. В подмосковном Софрино собираемся ставить жилые корпуса из легких металлоконструкций...

— Петр Николаевич, а что такое контрактное строительство, в котором войска тоже принимают участие?

— Это когда мы заключаем контракты с исполнительными органами власти и они строят целевой дом конкретно для внутренних войск. Недавно такой дом сдан в Курске, три таких дома возводятся в Санкт-Петербурге, два — в Новосибирске...

— Вы назвали громадную цифру очердников из частей, соединений, охраняющих важные государственные объекты, спецгрузы. Но ведь реформирование войск их пока затронуло в меньшей степени. Остается предположить, что источник, питавший их жильем, хоть и существует, как вы говорите, но уже очень обмелел. Не так ли?

— Одно время хозорганы нам действительно практически перестали выделять жилье. Дело в том, что материальные возможности их заметно ограничились, а финансирование всей жизнедеятельности частей, несших службу в их интересах, должно было оставаться на прежнем уровне. С выходом Закона о внутренних войсках, где оговорено, что финансироваться войска должны из госбюджета, хозорганы охраняемых объектов вздохнули с облегчением. Как только высвободились финансовые ресурсы, их стали направлять на разрешение жилищного вопроса офицеров и прапорщиков. И вот за первое полугодие мы получили от хозорганов 1640 квадратных метров жилья, или 37 квартир.

— Это при четырех с половиной тысячах очердников?! Недавно я был в командировке в одном из полков этого управления. 44 семьи там ждут квартир! Разговаривая с людьми, я ловил себя на мысли, что все чаще вспоминаю рассказ тестя о том, как, приехав после войны к новому месту службы, был он встречен старшиной, который поинтересовался лишь тем, может ли дочка спать в обычной кровати или нужно пока еще натягивать сетку? В остальном — все было готово к дальнейшей жизни: комната, мебель с алюминиевыми кэчевскими номерками, нехитрая солдатская посуда... В общем, офицер мог сразу полностью включиться в службу: о семейном быте у него ни минуты не болела голова. Так не пробил ли час вспомнить изрядно подзабытый опыт?

— В президентском Указе за номером

1016 поставлена задача Минюсту разработать типовое положение о фонде служебного жилья. Определено, что в каждом возводимом здании до 20 процентов квартир должны становиться служебными. Но при нынешнем дефиците жилплощади легко представить, сколько лет пройдет, прежде чем обзаведемся служебной площадью в достаточном количестве.

— И как же быть?

— Выход найден. Нас должны выручить дома, возводимые пакетно-контейнерным способом.

— А нельзя ли поподробнее?

— Пожалуйста. Это дома, строительство которых ведется из объемных блоков, изготавливаемых ныне на предприятиях Минэнерго. Объемный блок — это практически жилая квартира. Прихожая, ванная, санузел (в двухкомнатных квартирах они разделены), уютные комнаты, кухня. В ванной подогреватель воды на 150 литров, в кухне — на 20. Готовьте фундамент, подводите коммуникации, а монтаж займет считанные дни.

— И в войсках уже есть первые опыты?

— Во Владикавказе, например, мы таким способом заметно разрядили обстановку. Направили туда 70 блоков, и вскоре был готов к заселению 60-квартирный жилой дом.

— Петр Николаевич, а не рекламируем ли мы "хрущобу" нового поколения?

— Дома, о которых я вам рассказываю, с хрущевскими сравнивать нельзя. Те имели значительно выше степень капитальности, их постройка требовала немалых затрат, люди получали в них жилье постоянное. Мы же в быстро возводимые дома будем заселять людей временно. Они помогут нам обустроить старшекурсников военных училищ, солдат и сержантов — контрактников. Кстати, мы отправили партию блоков в Пермское военное училище. Так что в скором времени там будут сданы в эксплуатацию два общежития на 88 человек каждое.

— К сожалению, в нашей жизни нет ничего более постоянного, чем то, что задумывалось как временное. Когда в 60-е годы людей из барачных и полуподвалов переселяли в неказистые пятиэтажки, тоже наверняка надеялись, что не за горами тот день, когда для них возведут хоромы, достойные человека эпохи социализма. Что из этого вышло, мы уже знаем. Но, может быть, служебное жилье в доме, построенном пакетно-контейнерным способом, станет своеобразным барьером для всякого рода ловчил? Ведь это раньше на офицера смотрели как на человека, минимум на двадцать лет связавшего себя с войсками, прапорщика и в очередь на жилье не ставили, пока не даст вторую подписку. С принятием Закона "О статусе военнослужащих" все переменя-

лось. Не появятся ли сегодня люди, которые будут заключать контракты ради жилья и уходить из войск? Ведь на производстве, чтобы получить квартиру, надо отработать не менее 14—15 лет. Купить кооперативную — дело проблематичное: двухкомнатная обойдется миллионов в 30—40, трехкомнатная — в 50—70.

— Ваши цифры уже неточны. Сегодня приличная трехкомнатная квартира встанет без малого в 90 миллионов. Во всем же остальном мы будем стремиться выдерживать линию: на первые пять лет службы получайте служебное жилье, подписан следующий контракт — ждите постоянно-го.

— Петр Николаевич, то, о чем вы говорите, касается войсковой молодежи, а как быть тем, кого время поставило в более сложное положение? Дети выросли, внуки появились, в доме теснота, увольняться пора, а очередь на улучшение жилищных условий не движется. В Законе "О статусе военнослужащих" предусмотрена безвозмездная помощь отслужившим 25 и более лет при вступлении в кооператив. Но реально ли это? Например, в августовской книжке журнала майор Воронин — по сути, беженец из Казахстана, проживающий сегодня с семьей из четырех человек в шестнадцатиметровке общежития, — пишет, что пытался было просить денег на ЖСК, но получил отказ. Как быть ему и ему подобным людям?

— С кооперативным жильем ныне действительно большие трудности. О какой покупке квартир можно вести речь, если в частях задерживается выплата денежного содержания?! В этом году через кооперативы мы сумели приобрести всего-навсего десять квартир. Письмо же майора Воронина я читал. Мы взяли его на заметку, послали запрос по месту службы, постараемся помочь.

— Будем признательны вам за это. Но хотелось бы спросить вас и вот о чем. На 1 января в России 109 тысяч семей военнослужащих, уволенных в запас и отставку из Вооруженных Сил, подлежали обеспечению жильем как бесквартирные. А есть ли у нас ветераны, уволенные из войск без крыши над головой?

— Не секрет, что в связи с сокращением армии и флота, выводом соединений и частей из ближнего и дальнего зарубежья многие семьи военнослужащих испытывают большие жилищные трудности. Что касается внутренних войск, то обстановка у нас все-таки иная. Мы всегда стремились и стремимся к тому, чтобы человек, отдавший войскам четверть века и более, уходил в запас, отставку без обиды. Поэтому мы даже не ведем статистику "бездомных" пенсионеров. Более того скажу. По существующему положению уволенный в запас,

419

если он нуждается в улучшении жилищных условий, становится на учет в военкомате и ждет, когда пробьет его счастливый час. Мы же стремимся по возможности идти навстречу и этим людям. Как ни трудно, в качестве исключения кое-кому все-таки удается помочь.

— А нельзя ли конкретно назвать кого-либо?

— Обращался к нам майор запаса Николай Павлович Вахрушев. Его семья до последнего времени занимала крошечную комнатушку в многолюдной коммунальной квартире. Теперь у них отдельная квартира.

Тридцать три года отдал службе в войсках полковник запаса Борис Владимирович Белевитин. Жил последнее время в Грузии, ну а после известных событий стал беженцем, перебрался в Самару, поселился в однокомнатной квартире у сына, кстати, тоже военнослужащего наших войск. Сегодня ветеран занимает эту площадь, а семье сына мы предоставили новую квартиру.

— Петр Николаевич, называя жилищную проблему самой большой и острой, читатели имеют в виду и вот еще что: квадратные метры жилья люди воспринимают ныне не иначе как квадратные метры справедливости. А вот с этим, судя по всему, у нас далеко не все в порядке.

— К сожалению, да. Стяжательство, которым больно общество, сказывается на войсковой среде. Развелось немало и таких, кто не прочь поживиться за чужой счет. И там, где слаб должностной контроль, плохо работают жилищные комиссии, где сами руководители пытаются обойти закон, приказ, творятся разные махинации, обделываются грязные делишки.

— А насколько эффективна борьба?

— Ни один случай стараемся не оставлять без должного реагирования. Виновные привлекаются к разного рода ответственности. В войсках уже насыщены, что в отношении подполковника Березнякова — заместителя начальника финансового отдела Приволжского округа, изъявшего из окружной кассы 53 миллиона на приобретение квартиры вне очереди и без решения жилищной комиссии, возбуждено уголовное дело.

— Но это все-таки случай, как говорится, из ряда вон выходящий. Наши же читатели жалуются на отсутствие гласности при распределении квартир, на стремление должностных лиц обойти существующую очередь, получить то, что по закону им не положено.

— И с такими мы боремся вплоть до суда. Могу привести конкретные примеры, хотя, откровенно говоря, стыдно называть людей, которых...

— ... которых "испортил жилищный вопрос" — так, кажется, об этом сказано в знаменитом булгаковском романе

"Мастер и Маргарита"?

— Вот именно! Иной ведь с женой разводится, только бы выгадать комнату. А сколько таких, кто, переезжая к новому месту службы, стараются и новую квартиру получить, и прежнюю не сдавать?! Если на январь 93-го в войсках таким образом удерживалось 185 квартир, то на середину нынешнего года уже 256, и это еще без учета положения в Московском округе.

— Петр Николаевич, мы с вами пока не коснулись проблем солдатской казармы, а ведь они...

— ... стоят не менее остро, чем обеспечение жильем офицеров и прапорщиков! Вот вы упоминали июньский указ Президента, исходя из которого численность войск увеличивается на 52 тысячи человек. Это ведь целый город! Доля офицеров, прапорщиков тут процентов 10—15, остальные — солдаты и сержанты. Где и как их размещать? Вот над чем ломаем головы. У нас ведь и при существовавшей численности недоставало 96 тысяч квадратных метров казарменной площади. Это примерно на 30 тысяч личного состава. Опять-таки целый город! На возведение его даже при нормальном финансировании потребовались бы годы. А тут — новые проблемы.

— А не выручат ли нас высвобождающиеся армейские военные городки?

— Мы это учли. В перспективе они могли бы помочь с расквартированием 4,2 тысячи наших бойцов. Еще 6,8 тысячи мы могли бы разместить на своей собственной казарменной площади при самом рациональном подходе к ней. Но как ни крути, а под 32,6 тысячи военнослужащих надо вести строительство. Причем возводить военные городки со всем объемом инфраструктуры. А люди начинают уже поступать, их полтора солдатских года в палатке не выдержишь.

— Насколько я понимаю, и тут все упирается в финансирование?

— Разумеется. Во всех инстанциях, куда бы мы ни обращались, нас понимают и поддерживают, кроме Минфина. Там считают, что необходимые суммы мы должны изыскать из своего бюджета.

— Но ведь он и так урезан?!

— То-то и оно! Могу лишь пояснить: бытоустройство одного солдата обходится ныне в 35,5 миллиона рублей в год. Вот и подсчитайте, сколько нам надо.

— Я благодарю вас за откровенный разговор.

Вел беседу полковник Е. АРТЮХОВ.



ВОЙСКА: проблемы, события, люди

Из кавказского дневника

Моздокский базар

"Моздок — процветающий маленький город, расположенный на берегу Терека и имеющий основательный гарнизон под командованием полковника, являющегося одновременно и губернатором этой местности".

*Кер-Портер. "Путешествие по Грузии, Персии, Армении.
1817—1820 гг."*

*Моздок: "месс" — лес, "док" — глухой.
(черкес.)*

Несправедливо-парадоксально старинный форпост Кавказской линии стал интересен не сам по себе, а исключительно по причине соседства с Чечней. Признаюсь, заголовок для этих заметок позаимствовал у Василия Ивановича Белова. Уж очень он оказался кстати, очень по существу и сегодня. Калейдоскоп лиц (кавказских, конечно, национальностей), многоцветье даров природы, особенный дух самого северного района Северной Осетии четверть века тому назад подвигли русского писателя на яркий путевой очерк о городе, своеобразии которого именно в том, что это российский город в южной степи, подходящей к самым кавказским предгорьям.

И хоть говорят, что нельзя дважды войти в одну реку, в свинцово-серые волны Терека вновь и вновь входят российские военные: встарь наводили мосты, купали коней из казачьих станиц, нынче — снова охраняют мосты и транспорты, а в реке омывают разгоряченную броню, под которой сотни лошадиных сил спрятаны хитроумно и предостерегающе.

Указом от 19 апреля 1793 года Главнокомандующему войсками на Кавказской линии генералу Гудовичу вменялось в обязанность установить в Моздоке и в других местах ярмарки и меновые дворы для привлечения горцев к торговле и к знакомству с россиянами. По сведениям городничего, весеннюю ярмарку 1834 года в Моздоке посетило до 200 человек дворян, штаб- и обер-офицеров, 170 купцов из соседних городов, 2900 человек "азиатского и кочующего

народа,, 2600 человек простонародья и до 600 человек нижних чинов. Все, как видим, по-военному точно было просчитано и зафиксировано и для памяти, и в назидание.

Третий век шумит моздокский базар. И вот уже приметливый писатель Белов обнаруживает в пестрой толпе военного: "Молодой офицер с красивой супругой только что приобрел куль картошки и спешит удалиться. Он явно стесняется этого недостойного воинского звания занятия, старается изобразить на лице брезгливую надменность, но по молодости лет у него ничего не выходит. Супруга же его, при всем своем изяществе, чувствует себя словно рыба в воде и всерьез торгуется. Лейтенант нервничает,,.

Сегодня на моздокском базаре военных еще прибавилось — и прапорщики, и полковники в камуфлированной форме деловито торгуются и несут в семью, а чаще в холостяцкую компанию дешевые помидоры и арбузы, вяленую рыбу под хорошее здешнее пиво и копченое сало под плохую местную водку.

В былые времена крепость с 40-пущечным гарнизоном была начальным пунктом Военно-Грузинской дороги, и никто не мог начать путешествия по ней, не получив на то разрешения моздокского коменданта. Засвидетельствовать почтение коменданту было, надо заметить, не пустой формальностью. Как сообщает один из путешественников, профессор Дерптского университета Мориц Федорович Энгельгардт, посетивший Моздок в 1811 году, "в связи с сильными грабежами по ту сторону линии нельзя совершенно путешествовать в Грузию без военного конвоя,,. Он же сообщает, что конвоирами тогда были осетины: "Из них составлен отдельный полк, и они конвоируют почту или путешественников и, как казаки во время войны, получают за это от правительства провиант, порох и свинец, но не вносят за пользование предоставленными им угодьями никаких налогов,,.

Помню, два года назад, летом, когда еще не схватились между собой осетины и ингуши, местные жители встречали российские внутренние войска с серьезной надеждой на будущее спокойствие в регионе. Встречали не только хлебом-солью. На солдатском столе были обильные дары щедрой моздокской земли: фрукты-овощи, птица-рыба, мясо-молоко. И все это в самых разнообразных вариациях, по самым низким ценам и в угощение солдаткам-ребятушкам. Атаман станицы Терской Петр Антонович Потапов со свои-

ми станичниками вез в расположение войсковой части всякую снедь возами. Стражники из внутренних войск моздокчанам отвечали добром. Глава администрации района Вячеслав Семенович Паринов вспоминает порядок и организованность в том самом полку, которым командовал полковник Владимир Сидоров. Помню, как расставлялись вокруг Моздока КПП, метались маневренные группы, задерживая одну за другой — десятки за день, десятки за ночь — многотонные фуры, на которых развозилась по суверенным углам разворованная Россия. Сибирский лес, волгоградские шины, ростовские племенные бычки шли не на честный моздокский базар. Никаких официальных документов, только всякая туфта и филькина грамота, обман и ложь, какая-то абракадабра из бартера, "безнала,, СП, АО и т.д. и т.п. Российское добро отдавалось задешево — за суррогатное пойло, которым травить будут опять же рязанцев, сибиряков и питерцев, за "бабки,, отобранные у россиян же на рязанских, сибирских и питерских базарах-вокзалах прощелыгами-наперсточниками, комочными рэкетирами и банковскими темными воротилами.

Внутренние войска задерживали нарушителей на дорогах, пересекающих Моздок. Вершить же правосудие, т.е. расследовать, судить, было некому... Потом лучшие, элитные части оперативного назначения с опытными авторитетными командирами стали менять новыми, сформированными на скорую руку. Эти, оказавшиеся в атмосфере кавказского базара, над ним не возвысились, а стали перенимать его нахрапистость, безоглядность, торгашество. И воинская порядочность кое-где затерлась, истлела в моздокской жаре. А где истлела прочная прежде военная ткань, появились прорехи.

Но неприятные эпизоды, которые неизбежны при большом и долгом скоплении людей в непривычной, дерганной обстановке, остаются эпизодами. А куда Кавказу без российских войск?

Моздокское степное марево расплылось над просторным военным аэродромом. Вязкий перегретый воздух не колышется. "Ну, что там?,, — вопрос каждого каждому. "Там,, — это в Чечне. Слава Богу, что мы не там, а здесь, у края беды. Под ногами бетонка, серая тонкая, как цемент, пыль, выжженная, гремящая, как проволока, трава — наша земля. Но тучи собрались, и дождь пролился, третий за нынешнее лето, и вихрь пронесся, растрепав антенны и сдернув кое-где маскировочные сетки. Меняется лексикон офицеров: "аб-

рек,, “арбуз,, “абрикос,, “тополь,, “склон,, — то ли моздокские реалии, то ли поэзические, то ли нечто третье, понятное только им.

Моздок — город-миротворец в нынешней кавказской свистопляске. И по своему прежнему ставропольскому происхождению, и по всекавказскому пестрому народонаселению, и по географическому положению — в окружении Ставрополя, Кабардино-Балкарии, Ингушетии и Чечни — Моздок просто не может не быть связующим узлом, на крепость которого остается надежда.

В то время, когда вокруг идет стрельба, Моздок взял на себя хлопотную, но благородную миссию координатора народной дипломатии северо-кавказского региона. Чеченский вулкан стал выплескивать кровавую лаву. И в эти дни представители народной дипломатии районов и городов северо-кавказского региона, соседствующих с Моздком, подписывают совместное заявление “О возрождении и укреплении традиционных дружеских связей,,.

Представители Малгобекского района Ингушетии на встрече не приехали — загодя написали письмо, в котором высказали опасения за свою безопасность из-за возможных нападений со стороны “осетинских экстремистов,,. Надтеречный район Чечни уже был охвачен военными действиями внутри своей республики. Вместо этих соседей на встрече пригласили нас: ответственного за работу с личным составом и местным населением офицера ГУКВВ МВД России полковника Н. Зинченко, заместителя коменданта района майора С. Михайличенко и корреспондента войскового журнала.

В документе записали: “Мы будем добиваться осуществления программы, направленной на улучшение добрососедских отношений в регионе в составе России, как это было прежде. В меру своих возможностей будем влиять на восстановление хозяйственных, культурных и иных связей. В этих целях заявляем о своей готовности к формированию культуры межнационального общения, укреплению дружбы и согласия между нашими людьми, все возникающие проблемы решать сообща — в мире и согласии, широко опираясь на народную дипломатию,,. Вот такой моздокский договор о согласии. Эти бы слова не только Богу в уши, а всем непримиримым, которые рядом. Настолько рядом, что раненных в собственную чеченскую войну чеченцев везут... в моздокскую больницу — и ближе, чем Грозный, и надежнее, и приличнее. Моздок всегда принимал всех

обездоленных, гонимых войной и нуждой. Глава администрации района В. Паринов признался, что отток русских начался уже и отсюда — его земляки, например, подались в Воронеж, от кавказской междоусобицы подале. Свято место пусто не бывает — в Моздок перебираются беженцы из Чечни, Ингушетии, Грузии, всего их более пяти тысяч. Но все это уже другие люди, даже при наличии местной прописки не имеющие пока особого качества — “моздокчанин,,. Если раньше моздокский базар радовал своей пестротой, то нынче она пугает. Безработица, бесквартирье, нужда — эти вечные спутники войны порождают и смуту, и преступность.

Как не привести здесь для контраста слова генерала Ермолова, снискавшего негласный титул “покорителя Кавказа,,. В его всеподданнейшем рапорте от 12 февраля 1819 года читаем: “Внутренняя беспокойства гораздо для нас опаснее! Горские народы примером независимости своей в самых подданных В.И.В. (Вашего Императорского Величества. — Авт.) порождают дух мятежный и любовь к независимости. Теперь средствами малыми можно отворотить худые следствия, несколько позднее и умноженных будет недостаточно. В Дагестане возобновляются беспокойства и утесняемы хранящие верность вам. Они прорают справедливой защиты у Государя великаго и что произведут тщетныя их ожидания! Защита сия не состоит в безславном разсеянии и наказании мятежников, ибо они появляются после, но необходимо между ними пребывание войск, и сей есть единственный способ смирить их (выделено мной. — Авт.). ... Я полагаю, что для хорошего управления горскими народами должно прежде подробно вникнуть в их положение и, определив единожды выгодное управление, не уклоняться уже от онаго...”

Нынешние ретивые самовластцы тут же выделят в ермоловском рапорте слова — “управление горскими народами,, и станут кричать о деспотизме царских сатрапов, об угнетении и т.д. и т.п., начнут давить на самолюбие горцев. Но худо ли иметь рачительного заботчика о своей судьбе, бескровной и безбедной? Если спуститься по исторической лестнице далее в глубь лет, то опять же найдем упоминание о Кавказе, о Моздоке, о российской политике здесь. 9 мая 1785 года Екатерина II издала указ на имя Г.А. Потемкина о сооружении церкви в крепости Владикавказ. В документе том, между прочим, говорится: “В построенной крепости при входе в горы Кавказские позволяем Мы соорудить церковь пра-

вославною нашего закона, употребя на оную и на украшения ея оставшиися в Кизляре из суммы на приласкание кумык и прочих народовопределенной (выделено мной. — Авт.); комиссию же Осетинскую из Моздока перевести в губернский город, но при этом наблюдать, чтобы духовенство как той комиссии, так и церкви в крепости, при входе в горы построенной, не употребляли народам тамошним притеснений или принуждений».

Ни для кого не секрет, что «суммы на приласкание» и сегодня отпускаются немалые. Контроль же над их рациональным расходованием, увы, невозможен. Если в самой России творятся вакханалия и беспредел в финансах, экономике, военных вопросах, то чего уж ожидать нам на суверенно-строптивом, беспрепятственно воюющем Кавказе?

Не прислушались к Ермолову, не определили «единожды выгодное управление», теперь вот кружим средь кавказских гор и равнин, окапываясь то там, то тут, пока «орлы» кружат в свободном полете, высматривая очередную добычу, чтобы, схватив когтиами и клювом, улететь до поры в обустроенное гнездо. Тут вспомнился Бислан Гантамиров, у которого брали интервью российские телевизионщики. Бывший мэр Грозного города был одет в джинсовую рубашку с вышитыми на ней... орлом и надписью «US Army». Такой ширпотреб, пошитый то ли в Польше, то ли в Одессе, встречали мы на моздокском базаре, взять можно было задешево.

А иногда российского военного на здешнем базаре могут и одарить — просто так, за красивые глаза, за здорово живешь, по широте кавказской души. Сошлюсь на личный пример. Торговал я как-то у корейца огурцы. Сошлись на 600 рублей (дорогоовато по причине неурочного часа и закрытия большого базара). Тут подходят два веселеньких лица кавказской национальности, и меж нами происходит такой вот базарный разговор:

- Полковник, вам у нас нравится?
- Конечно!
- А почему?

Ни философствовать, ни тем более врать мне не хотелось, решил упростить ситуацию, побазарить:

- Тепло, приятно, фрукты дешевые, все есть...
- Не это главное!

С этими словами он высыпал в мою сумку выбранные мною огурцы, товарищ его, несмотря на мои протесты, отдал деньги корейцу. Моздокчане пожали мне руку и пожелали мира.

Вечером московские полковники хрустели моздокскими сладкими огурцами и ловили новости из Чечни. Новости совершали круг через Москву, процеживались. А мы сидели на краю Чечни. Люди оттуда приезжали. Что сообщали? Если именно в двух словах — хорошего мало.

В Чечню меня настойчиво приглашали — хоть в соседний Надтеречный район, хоть в самый Грозный город — моздокские чеченцы — один из них бывший майор милиции с Дальнего Востока, другой и вовсе «наш», служивший срочную во внутренних войсках и имеющий два знака «За отличие в службе». На собрании чеченского общества «Бард», которое проходило в моздокском кинотеатре «Юность», меня усадили даже в президиум, и я почувствовал себя почти что кунаком новых своих знакомцев. Нас искренне уверяли в «нормальности» обстановки в соседней республике, в дружелюбии простых чеченцев и обещали сопроводить военного корреспондента, чтобы подчеркнуть свои симпатии.

Сначала меня не пустило начальство. Амбиции мои журналистские были уязвлены только поначалу. Позже я сам уже не рвался через нейтралку на сопредельную территорию. Вспомнились карабахские города — Гадрут, Шуша, ингушские Нижние Ачалуки, где в разные годы, по разным поводам грозилась оставить военного корреспондента заложником. Какой бог тогда меня миловал, не знаю.

Как раз в дни нашего сидения в Моздоке разворачивался нештутейный торг вокруг захваченного в заложники сына кизлярского атамана Эльзона. Того выкупили, через несколько дней исчез сын председателя осетинского колхоза Х. Его красная «Нива» была обнаружена на перекрестке дорог Моздок — Кизляр — Предгорное. Похитители требовали выкуп в сто тысяч долларов. Заложника обещали вернуть на повороте от Малгобека к... Грозному. Это где-то все дороги ведут в Рим...

Мы люди военные, люди приказа. Скажут нам уйти с Кавказа, и ведь уйдем же. Стиснув зубы и матерясь в душе. Вот ушли из Чечни. Теперь не поймешь, что там и как. Одни газетные заголовки чего стоят. «Маленькая, но гордая республика», и рядом — «Вставай, Чечня огромная!». Хоть бы там иронию не приняли за издевку, опять ведь раскипятятся. «Россия — не кавказская пленница. Она обязана отстаивать свои интересы», — это «Красная звезда», военная газета. «89 процентов россиян против вмешательства

России в Чечне», — это «демократическая», «Сегодня».

Кавказ напичкан войсками. Войска вокруг Чечни. Но войска не стреляют первыми. Газета «Моздокский вестник» даже опубликовала статьи из законов Российской Федерации «О милиции» и «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации», где разъясняется порядок применения оружия милицией и военнослужащими внутренних войск. Истинно заботливый комендант Моздокского района подполковник А. Батаев всеми способами старается предупредить возможные нежелательные эксцессы.

Они, к сожалению, случаются. Глава администрации района В. Паринов при каждой встрече с воинами внутренних войск вспоминает безобразный случай на одном из КПП, когда офицер (!) внутренних войск вымогал деньги с проезжавших. Дело давнее, а вспоминают до сих пор. Потому что факт вопиющий.

А другой пример свежий, дело было при нас. Возле расположения части внутренних войск раздалась стрельба. Дежурное подразделение сработало оперативно — вышли, задержали, обезоружили. Подгулявшая компания сплошь состояла из сотрудников местных правоохранительных органов. «Уважаемым людям», солдаты намяли бока, потому что правоохранники сами преступили черту. Конфликт, конечно, уладился, но горечь конфронтации останется.

Общее же мнение о роли и месте внутренних войск России, настроение моздокчан высказал на нашей встрече в Доме дружбы, куда пришли представители всех общественных организаций и национальных общин города, председатель союза кабардинцев Моздока Анатолий Шикемов и призвал земляков быть терпимее в конфликтных ситуациях: «На каждом посту ведь нет психолога». А нам, офицерам внутренних войск, он сказал, думаю, искренне: «Извините нас, кавказцев, за то, что беспокоили вас».

Вот в этом и есть моздокская суть — родственная доброта и открытость. Ведь сколько раз слышали мы сначала в Закавказье, Средней Азии, а теперь на Северном Кавказе: «Уходите! Без вас разберемся!». Мы уходили — они до сих пор разбираются. На моздокском базаре утомительно и шумно. За те два года, что не бывал здесь, многое переменялось. Увы, не к лучшему. «Сникерсы», с вредным для здоровья арахисом, бананы, которые ничуть не вкуснее местных солнечных фруктов,

сигареты и жвачка вместо здешних сувениров. Но главное — вместо празднично-ярмарочного духа по моздокскому базару распространился душок рваческо-спекулянтский. Там, где прежде было человеческое общение, теперь только обмен-обман товаром и деньгами.

Когда эти заметки из Моздока уже были написаны, эпилог к ним напечатала... «Комсомолка». Информация на первой полосе не могла не привлечь внимания — «ООН умиряет Кавказ (заочно)». Прочитал и ахнул: «В обстановке строжайшей конфиденциальности в расположении одного из учебных подразделений британских вооруженных сил в 100 километрах от Лондона прошли штабные учения по отработке начальной стадии проведения крупной миротворческой операции многонациональных сил ООН „в одном из регионов Кавказа“. ИТАР-ТАСС, ссылаясь на заслуживающие доверия источники, сообщил, что в разработке операции участвовали представители 25 стран.

Основная задача прошедших маневров состояла в разработке плана оперативных мероприятий в условиях кризисной ситуации. По имеющимся данным, для участия в учениях был приглашен российский специалист. В состав участников вошли не только представители европейских стран. На Кавказе будут «высаживаться», военнослужащие Японии, Ганы, Бангладеш и другие».

Представители этих «мировых сообщников», новоявленных замирителей Кавказа — на моздокском базаре: идут себе деловито, вальяжно, с автоматами наперевес, взирают на местную экзотику. Торговцы, видя негров, японцев и разных прочих шведов, протягивают им «последний писк», вроде «Панасоники», бананов и зажигалок «Крикет». Кто-то из самых бойких на язык предлагает заморским гостям: «Время пить „Херши“, господа!» На что «мировой сообщник», извините, из Бангладеш, на ломаном русском произносит: «Ноу, ноу! Врэмя кушать арбуз! Моздок, арбуз — карашо!»

Да, господин сообщник прав — в Моздоке арбузы отменные. И дешевые. А еще помидоры, баклажаны и многое-многое другое. При всем при том как же дорого обходится нынче России моздокский базар...

Полковник Б. КАРПОВ.

Моздок — Москва.

Реформа: от теории к практике

Мы выбираем? Нас выбирают!

— Товарищ подполковник, разрешите остаться в войсках! — неожиданно рубанул сплеча прапорщик.

— Так ведь вы же старший техник ИТСО, вам сам Бог велел колонию охранять! — удивился я.

— Мне он прежде всего в войсках велел служить...

Не называю фамилии своего собеседника — разговор у нас с ним был доверительный, конфиденциальный. Да и этот небольшой фрагмент довольно точно передает его суть. Не в личности дело — в тенденции. Честное слово, приятно сознавать, что теперь, когда даже некоторые офицеры не очень-то держатся за место в войсковом строю (вот уж кому действительно Бог велел), вроде бы узкий специалист, прапорщик категорично заявляет: мол, жизни без службы себе не представляю.

А состоялась эта (одна из многих) беседа аккуратно в разгар нелегкого, необычного для нас периода передачи функций охраны исправительно-трудовых колоний в ведение ГУИНа. Впрочем, подлинную сложность возникшей задачи мы осознали лишь тогда, когда оказались на стремнине реформирования части. Нет, готовились, конечно, заранее, по мере возможности и степени информированности о предстоящих изменениях. И все же...

Во весь свой немалый рост встала проблема трудоустройства офицеров, ибо с прапорщиками-то как раз все вырисовывалось более-менее ясно — старшины, начальники караулов, специалисты, почти не колеблясь, оставались в родных ротах, ничего не теряя. Формально аттестационная комиссия заседала еженедельно, фактически ее можно было без преувеличения

назвать постоянно действующей, настолько детально и скрупулезно анализировались конкретные ситуации.

К тому же в рифах и подводных течениях недостатка не ощущали. Предписали нам к указанному сроку передать коллегам по министерству пять человек из управления части и по два офицера из каждого подразделения: "норматив", как выяснилось вскоре, совершенно невыполнимый, не учитывающий реального положения дел. Почему? Да потому что обязательств не было, а насильно мил не будешь — и только двое управленцев по зрелом размышлении изъявили желание "выйти из строя". Причем один из них — предпенсионного возраста: не сегодня завтра увольняться в запас, стало быть, работу искать надо (и здоровье, слава Богу, неплохое, и пенсия — не зарплата), а тут, на счастье, она сама его нашла. Чем не удачное стечение обстоятельств? Никак не выходили мы на контрольные цифры и в подразделениях. И прежде всего из-за нехватки людей: мало того, что командиров взводов почти нет, так еще и не у всякого ротного заместитель имеется. Дефицит — не то слово. Дефицит — это когда чего-либо не хватает. А если не хватает практически всего? Людей буквально по пальцам можно перечесать, что я и сделаю сейчас, дабы мои утверждения не казались голословными.

Один из лучших офицеров — командир роты майор В. Баукин. Если собрать воедино все положительные клишированные формулировки из служебных характеристик — и то мало будет, чтобы охарактеризовать его. Единственная заковка — возраст: Валерию Семеновичу без году... пятьдесят. Как ни крути — увольнение неизбежно. Воистину: не было бы счастья, да реформа помогла. И тут уж будь ты хоть

трижды патриотом внутренних войск — альтернативы нет. Прямой резон ему подаваться под крыло начальника ИТК. Что он, кстати, и делает. Зато у его заместителя по работе с личным составом лейтенанта С. Горшунова, молодого, энергичного, расторопного, вся служба впереди. Насколько я понимаю, Сергей не испытывает ни грама сомнений в том, что не ошибся в выборе профессии и, естественно, даже не помышляет об уходе. Вот и предлагаем ему равнозначную должность.

Прапорщиком начал свой путь в войсках ныне капитан В. Новоженин. Медленно, но верно прошел все ступени служебной лестницы до командира роты. Ныне младшему офицеру тридцать четыре года. Возможность уйти к начальнику колонии, хочется верить, — беспроектный шанс. А его заместитель по работе с личным составом старший лейтенант А. Иванов ждет повышения в должности. И, скорее всего, дождется.

Без особого труда можно понять, что заставило командира роты капитана В. Уколова поменять ведомства: почти четверть века выслуги (заметьте, причина ухода повторяется) и отсутствие жилья (тоже не новость). Начальник ИТК обещает Вячеславу Валентиновичу высокооплачиваемую работу и квартиру в самое ближайшее время. Согласитесь, смешно отказываться.

До последнего времени у командования части были серьезные претензии к заместителю Уколова по работе с личным составом старшему лейтенанту М. Луцаничу. Сказать, что он трудился вполсилы — значит, ничего не сказать. Теперь же Марк Васильевич абсолютно не рискует навлечь на себя гнев офицеров управления, ибо решил распрощаться с войсками. Честно признаться, не уговаривали мы не покидать нас в трудную минуту и майора А. Алиева, дослужившегося сначала до ротного, а затем вновь до взводного. Да и он, по-моему, уходит без сожаления.

А вот командира подразделения капитана А. Быченкова и его действительно боевого заместителя лейтенанта Э. Сухина терять бы не хотелось. Александр Викторович — конвойник, что называется, от Бога. Его верность специфике службы долго боролась с желанием остаться в боевом строю. Никак не мог свыкнуться с мыслью, что в последнем случае придется круто изменить профиль деятельности, подвести черту под делом, в котором он, скажу без натяжки, ас. Трезво взвесив свои силы, Быченков все-таки посчитал, что в

охране от него пользы будет больше. Примеру командира последовал и лейтенант Э. Сухин. И это столь же мало порадовало нас, сколь и не удивило, ибо между ними достигнуто такое взаимопонимание, о котором и говорится в присловье: куда иголка — туда и нитка.

И, наконец, сам себе и командир, и заместитель, и взводный — капитан С. Кошкарёв. Немало труда вложил Сергей Прокопьевич в свою роту и совершенно не представляет себя вне ее. Этим все сказано.

Не мне судить, правильную ли позицию избрали командование и аттестационная комиссия, не препятствуя своеобразному обращению добросовестных, грамотных офицеров в новую веру. Конечно же, были предельно искренни: рисовали перед каждым объективную картину его обозримого будущего, честно говорили обо всех плюсах и минусах того или иного шага. Но окончательный выбор военнослужащий делал сам. Как-никак о судьбе речь шла, а человек должен ощущать себя ее хозяином.

Предвижу вопрос: убежден ли я в том, что в результате передачи функций охраны осужденных в ГУИН часть мало что потеряла? Отвечаю: нет. И по этой причине не ем себя поедом. Поясню. Суть в том, что еще при организации подготовительной работы никто и не задавался целью неукоснительно придерживаться беспринципного правила — на тебе, Боже, что нам негоже. О людях думали в первую голову. И о деле, разумеется. Ведь не к чужому дяде и не в гости офицеры уходят — к нашим же коллегам по министерству. И мы предельно четко осознаем, что охрана исправительно-трудовых учреждений должна и впредь быть надежной. А надежность охраны объектов, сами понимаете, способны обеспечить только надежные люди. Во всяком случае, на таких ключевых должностях, как командир роты и его заместитель. Некомпетентность ответственных за эти участки лиц лишь повредит обществу в целом, министерству в частности, и нам, военнослужащим, в том числе. Неровен час, недоглядят новоиспеченные охранники — войскам потом придется горькие плоды пожинать и вместе с работниками милиции организовывать противодействие вырвавшимся на свободу преступникам. Так что всерьез говорить о каких-то потерях для части не приходится. Как, впрочем, и о потерях для отдельных офицеров. Никто не собирается оспаривать пословицу — рыба ищет где глубже, а человек где лучше. А обещают людям, давшим

493

добро на переход, немало — и большее денежное содержание, и исчисление года работы за полтора, и должностной потолок на одну-две ступени выше нынешнего, войскового, и сказочно нормированный трудовой день, и молочные реки с кисельными берегами... Мы же, в свою очередь, тем, кто остается, сулим открыть, на первый взгляд, не столь заманчивые горизонты. А именно: офицеров ждут новые задачи в составе оперативной части, в которую нас преобразовывают, с вероятной перспективой служебного роста и, естественно, новые трудности. Ничего не напишешь, в том-то и состоит специфика воинской деятельности, что люди при погонах не вправе определять себе функциональные обязанности — на это есть старший начальник. Нравится, не нравится — слова из гражданского лексикона. Здесь же, как правило, строгое "надо" доминирует над фривольным "хочу" — армейская аксиома.

В последнее время, кстати сказать, я довольно часто напоминаю себе об этом. Наверно, потому, что в трудный, не до конца предсказуемый период реформирования части как никогда остро ощущаю чувство ответственности за подчиненных. Что в принципе вполне объяснимо: какое бы решение ни принял человек, но зеленую улицу — даю ему я. И очень важно не совершить ошибки. Не допустить того, чтобы через пару - тройку месяцев пришел бы ко мне офицер (или бывший) и упрекнул: дескать, как же так получилось, командир, почему не вразумили, не подсказали вовремя? Вот и подсказываем, и вразумляем. Пока не поздно.

И еще одно существенное обстоятельство. Уж и не знаю, радоваться или горевать, но наша бедность — парадоксальная ситуация! — во многом облегчила душевные страдания военнослужащих на перекрестке судьбы. В некоторых воинских частях, насколько я информирован, надежным якорем, удержавшим офицеров в родных "колониальных" весях, а значит, и в девонизированных ротах, стало жилье. Ведь нередко вакансии людям предлагают в сотнях верст от дома. Выходит, нужно бросать все и начинать жизнь с нуля. А на дворе — разгул рыночной стихии с ее жесткими законами, в голове же — четкое понимание: коли действительно бросишь обжитой угол, то не только детей, но и внуков своих рискуешь лишиться отчего гнезда. Так вот, у нас в части столько бесквартирных, что подобная дилемма практически не стояла и не стоит. Никто не теряет крыши над головой, не претерпевает дополнительных

лишений. За исключением разве что старшего лейтенанта А. Иванова. Тут особый случай: Андрей Евгеньевич-то как раз имеет жилье и тем не менее переезжает к новому месту службы. Чем не яркое свидетельство того, что офицер всерьез и надолго связал свою жизнь с внутренними войсками? Да и, согласитесь, в пределах одной части весьма редко удается сделать карьеру — в хорошем понимании этого слова. Люди военные всегда кочевали по стране, словно цыгане. И только в последние годы чуточку, что называется, осели и будто огня боятся перемен в службе. Многие, страшась бытовой неустроенности, отказываются от высоких должностей, званий, возможностей повысить свою квалификацию и образованность. Бог им судья. Однако не скрою: больше симпатизирую профессионалам, энтузиастам, для коих в службе главное не льготы и привилегии, а прежде всего сама служба, границы которой точь-в-точь совпадают с границами России. И идущие сейчас полным ходом реформы только подчеркивают ее важность и значимость. Лиха беда начало.

**Подполковник И. ШУТОВ,
командир части.**

*Московский округ
внутренних войск МВД России.*

Есть вопросы

ДОЛГОВАЯ ЯМА, или “Приходите к нам лечиться”

СВЕРШИЛОСЬ! В мае установили последнюю по штату больничную койку, и начальник госпиталя майор Андрей Львович Литарский получил полное основание доложить: приказ командующего войсками о введении в строй госпиталя в Восточном округе внутренних войск выполнен. Вроде бы все тревоги и сомнения позади.

Но категорично утверждать, что кризис миновал, опасаясь: не накаркать бы. Ибо от этого выстраданного “свершилось” и до реального — “всех излечит-исцелит” может минуть еще немало времени. Ведь прошло же больше года с момента подписания первого самостоятельного приказа по госпиталю до того дня, когда Андрей Львович с видом победителя мог представить любому заезжему гостю или высокому проверяющему чину свое восстановленное хозяйство. И кабинеты светятся колерами, как пасхальные крашенки — любодорого посмотреть, и медперсоналом укомплектовались почти на девяносто процентов, да и оборудованием обзавелись добротным. А давно ли функционировал только один этаж, где размещался лазарет, и когда освободятся три остальных, отведенных под госпиталь, — одному Богу было известно! Сроки окончания капитального ремонта, о начале которого и речь пока не шла, не взялся бы спрогнозировать даже майор Литарский. Хотя с большим, чем кто-либо, оптимизмом смотрел в будущее. Впрочем, и этих “кто-либо” — кот наплакал.

Но все они, и начальник госпиталя, и аж трое других специалистов (по штату — 120) постоянно находились на передовой ремонта бывших помещений воинской части и переоборудования их в госпитальные палаты и кабинеты. Не прекращая, кстати, оказывать медицинскую помощь в лазарете. Скажете, сказка? Нет, всего лишь сказка. Сказка впереди.

“Страшно было начинать, — вспоминает майор Литарский. — Но как в народе говорят: “Глаза боятся, а руки делают”.

Да и чего, казалось бы, бояться? Поясню:

суть в том, что строгий приказ на введение госпиталя в строй издали, а вот средств на благодивные и, без сомнения, богоугодные цели не выделили ни копейки. Что это: бесхозяйственность, нищета, или пресловутый остаточный принцип финансирования войсковой медицины? А, может быть, не так уж необходим был госпиталь в этом регионе, коли не развернули здесь с ходу ударную “комсомольскую стройку”?

Аргументы майора Андрея Литарского: да что вы, тут дислоцированы несколько воинских частей, в том числе и учебный полк. При лазарете работала военно-врачебная комиссия, определяющая степень годности к службе, она же решала и вопросы об увольнении из войск офицеров и прапорщиков по состоянию здоровья. В последнее время обострилась проблема госпитализации больных. В стационар УВД по ряду причин солдат не принимали. Все экспертные вопросы мы решали в окружном армейском госпитале. Пока нам, к сожалению, не сказали: “Уважаемые коллеги, платите.” Дескать, дружба дружбой, а табачок врозь. Подсчитали расходы — схватились за карманы: пусто. Чем платить сегодня за каждого больного — дешевле создать свою базу. Стало быть, сама жизнь потребовала оборудовать на территории округа военно-медицинское учреждение более высокого ранга, с большим штатом и современным оборудованием.

К аргументам медиков прислушались и госпиталь создали. На бумаге. Но ее, как горчичник, к больному месту не приложишь. Нужны новейшие средства диагностики и лечения. Потому-то и пришлось основную ношу — от капремонта здания и до приобретения медтехники — взвалить на свои плечи энтузиастам-медикам, используя уже ставшие притчей во языцех внутренние резервы. Самой сложной оказалась первая задача. В богатом обществе с нормальной экономикой — все бы ничего, можно и реки повернуть вспять. А в жестких объятиях нищеты прозаичный ремонт что подвиг Геракла. Но и без него далеко не

уедешь. Чай, не склад — госпиталь открывать надо. Вот тут-то и начинается сказка о том,

КАК ДОКТОР ЛИТАРСКИЙ С НИЩЕТОЙ ТЯГАЛСЯ

Предвижу, что офицеры-руководители, которым довелось в нынешних условиях что-либо строить или перестраивать, возразят: не сказка это, а драма. Ибо, увы, только в сказке появляются "двое из ларца одинаковы с лица", готовые исполнить любое желание. Майору Литарскому самому пришлось обивать пороги кабинетов и на манер кота Баюна сказки рассказывать да песенки напевать, имея на все расходы смехотворную сумму — не более двадцати миллионов рублей. И понимая: в условиях рынка любой генподрядчик потребует пятидесятипроцентной предоплаты сразу же после заключения договора. Вот и решил начать с ремонта хотя бы одного этажа. С таким капиталом больше и не осилить. Но решить — не проблема, а как найти организацию, которая дала бы втянуть себя в такую авантюру? Благо еще, что начальник госпиталя и его заместитель по материально-техническому обеспечению в городе не новички, успели наладить хорошие контакты с руководителями ремонтно-строительного управления. Бывший шеф СМУ-3, ставший к тому времени начальником управления строительства акционерного общества "Русь", взялся помочь войсковой медицине.

Опять же скоро лишь сказка сказывается, да не скоро дело делается. Врачи, снимая белые халаты, облачались в спецовки, становились на время прорабами или мастерами, толкачами-доставщиками или бухгалтерами-экономистами, а то и просто электромонтерами или плотниками, пытаясь разрешить задачку, сложную даже для знатоков телеклуба "Что? Где? Когда?": как при минимуме денег выполнить максимум ремонтных мероприятий? Многого получилось. К примеру, электропроводку проложили сами — сэкономили несколько миллионов рублей. Помывку стекол, снятие старой побелки и краски, уборку мусора и прочие подсобные работы тоже проводили своими силами и исключали их из сметы. Военным медикам приходилось изучать конъюнктуру рынка, сопоставлять стоимость материалов и подбирать самые дешевые партии. Так, закупили на заводе линолеум — специалистам заплатили исключительно за труд, по низкой цене достали раствор — рабочие и вовсе расстроились. Не выгодно им это. За свой-то материал можно накрутить двадцать три процента надбавки, а тут такой облом. К чему, спросите, подробности? А к тому, что это и есть те "внутренние резервы", благодаря которым удалось осилить ремонт. Не из-за вредности характера и природной жаднос-

ти руководители-медики лишали строителей возможности прилично заработать. Рынок и нищета заставляют считать деньги. Хорошо хоть с материалами сегодня нет проблем. Если раньше нужно было пускаться на поиски кирпича и краски, то сейчас их предлагают в большом ассортименте и неограниченном количестве. Только денежки отстегивай.

А как же работники СМУ? Мнение докторов однозначно: в ноги им следует поклониться от всех служивых округа. Тяготы и лишения они перенесли наравне с военными. Из-за хронических неплатежей нечем стало платить зарплату строителям.

И потому ремонтные работы в госпитале были законсервированы. Хотя до финиша — рукой подать, осталось максимум месяц до полного завершения ремонта. Андрею Львовичу снова пришлось идти на поклон и упрасивать: не оставьте, Бога ради, у разбитого корыта. Спасибо руководству СМУ, вновь пошло навстречу военным. Ибо видит: те и сами вкалывают не покладая рук. Оставив надежды в ближайшее время получить долг (около 180 миллионов рублей), оно на свой страх и риск направило специалистов, которые медленно, но уверенно продвигали дело к завершению. Перефразируя известную поговорку, можно сказать, что

НИЩИЙ ТОЖЕ ПЛАТИТ ДВАЖДЫ

И вот мы беседуем с майором Литарским в сверкающем еще не потускневшими колерами кабинете. Столько сил потрачено — результат налицо. Почему не порадоваться? Но начальник госпиталя далек от эйфории.

— Рано еще возводить триумфальную арку на моем рабочем столе, — говорит. — Да, отделения уже способны выполнять функциональные задачи. Развернуты самостоятельные подразделения, полностью запущены операционный блок и реанимационная палата. Хирурги способны проводить операции любой категории сложности. Однако по-прежнему лишены такой возможности. Почему? По штату у нас один анестезиолог. Мало: сегодня он на курсах повышения квалификации, завтра — в отпуске... Для оказания неотложной помощи нужна бригада с посменным суточным дежурством — нештатная роскошь.

А как помочь больному на дому? Вопрос!

Из-за отсутствия баклаборатории мы не в состоянии проводить планово-предупредительную работу по профилактике инфекционных недугов. Причина та же — нет средств. Структурно мы находимся в штабах соединения. Командование, спасибо ему, дает нам все, что может. Да вот беда, сами бедствуют. Едва хватает на денеж-

ное содержание военнослужащих, коммунальные услуги, связь, ГСМ. А уж об остальном и речи не ведется. Пока мы свои крохи сбиваем в кучу, цены растут. Ну да ладно, не до жиру... А вот развернуть отделение неотложной помощи нам необходимо, предусмотрев в нем штат для работы в спецкомандировках. Неровен час, поступит команда "По коням!", а мы — безлошадные.

В последнее время участились случаи повторного обращения пациентов. После некоторых болезней солдату необходимо иметь от 10 до 60 суток отдыха при части. Но разве сегодня, когда людей катастрофически не хватает и на посты ставить некого, командир посмотрит на рекомендации врача? И боец, случается, опять возвращается к нам с прежним диагнозом и на полный курс лечения. Стало быть, все впустую. Неплохо бы создать условия, чтобы выздоравливающие реабилитационный период проводили в стенах госпиталя.

Серьезно беспокоит реабилитация неврологических больных. В войска призывают, скажем так, домашних ребят, совершенно не защищенных от морального давления, с затрудненной адаптацией к службе. Вследствие этого — срывы, конфликтные ситуации. При госпитале обязательно должен быть психотерапевт.

Зная о скудности нашей войсковой казны, мы на сиюминутное разрешение перечисленных проблем не претендуем. Сегодня для нас важнее другое: ввести в структуру госпиталя подразделение тыла, чтобы до того, как сумеем рассчитаться с долгами,

НЕ РАЗВАЛИТЬ ПОСТРОЕННОЕ

Как же все-таки случилось, что в штатах отдельной части не предусмотрели крайне необходимой службы? А дело в том, что в связи с сокращением армии госпиталь, обслуживающий строительную бригаду, был передан внутренним войскам МВД России. Но это лечебное учреждение столь же напоминало военный госпиталь, сколь и сам стройбат был похож на воинское подразделение. Находясь при солидной гражданской медчасти, он не имел в своем составе подразделений жизнеобеспечения, да и не нуждался в наличии тех специалистов и некоторых самостоятельных отделений, без которых сейчас бедствуют майор Литарский и его коллеги. Из тыловых должностей в их распоряжении всего лишь заместитель по материально-техническому обеспечению и два начальника складов: продовольственного и вещевого. Ни одного делопроизводителя, который занимался бы учетом и прохождением материальных ценностей. Сложилась парадоксальная ситуация с уходом начальника вещевого склада в отпуск. Как поступить руководите-

лю: дверь склада забить крест-накрест досками, а функциональным отделениям рекомендовать получить необходимое на шестьдесят суток вперед, или обязанности прапорщика возложить на зама по МТО? В таком случае последний должен будет выписать себе накладную, сам вскрыть склад, получить необходимое и списать материальные ценности. Даже непримиримые противники бюрократии, наверное, будут в шоке от подобной новации. Вот уж, действительно, королевство кривых зеркал. Где непомерно раздуваем управленческий аппарат, а где ставим руководителя в такие условия, что он вынужден идти на нарушение всех существующих норм и документов хозяйственной деятельности. Но и это еще не все.

Аргументы майора Андрея Литарского: в установке сантехнического оборудования нам помогли гражданские специалисты. Но чтобы безбоязненно эксплуатировать систему отопления в зимних условиях, лето следует использовать для ее обслуживания. Экономичнее, имея своих специалистов, провести профилактические работы, нежели разморозить трубы и поставить здание на длительный капитальный ремонт (опять ремонт!) с привлечением дополнительных капиталовложений.

Аналогичная ситуация и с электрооборудованием, за которым глаз да глаз нужен. Велико количество медицинской техники, с которой пациенты контактируют непосредственно. Поэтому реально встает задача: не допустить, чтобы какой-нибудь ВЧ-аппарат превратился для больного в электрический стул...

Словом — госпиталю требуется надежный, боеготовый тыл. Аксиома: никакой командир не подпишет себе приговор и не рискнет принимать решение на бой, не имея мобильных подразделений обеспечения материальными средствами. Майору Литарскому приходится воевать пока что в таких незавидных условиях.

Нищета держит госпиталь сразу в двух долговых ямах: долг перед строителями, возвратившими здание к жизни, и долг перед потенциальными пациентами, неоплатность которого сводит на нет и все остальные расходы, увеличивающиеся со скоростью продвижения общества в рынок. А что, если действительно разрубить одним махом этот гордиев узел, поднатужить и выделит медикам необходимые средства, освободить лечебное учреждение от позорной участи должника? Хоть и говорят, что здоровье ни за какие деньги не купишь. Но может, рискнем — попробуем?

Майор И. МУЧАК.

*Восточный округ
внутренних войск МВД России.*

БЕСПРИСТРАСТНЫЕ ЦИФРЫ

Социальная защита глазами офицеров и прапорщиков

В конце первого полугодия группой социологов Гуманитарной академии Вооруженных Сил совместно с офицерами управления по работе с личным составом ГУКВВ было проведено социологическое исследование "Социальная защищенность офицеров и прапорщиков внутренних войск МВД Российской Федерации". Опросы военнослужащих проводились во всех округах внутренних войск, в соединениях и частях по охране важных государственных объектов и спецгрузов, в военных училищах Санкт-Петербурга, Саратова и Перми, в старейшей в войсках трижды орденноносной ОДОН. Всего в них приняло участие 1097 офицеров и прапорщиков.

На сегодняшний день собранный материал обработан, справка направлена в войска. Но, думается, нашим читателям будет небезынтересно познакомиться с некоторыми результатами исследования. Во-первых, чтобы лучше разбираться в своем социальном самочувствии и, во-вторых, чтобы иметь возможность через некоторое время (а подобные опросы, будем надеяться, станут систематическими) сравнивать беспристрастные цифры в поисках ответов на волнующие каждого вопросы: "Куда идем?" и "Что нас ждет?".

СРАЗУ оговоримся — исследовательская группа придерживалась общепринятого понимания содержания и сущности социальной защиты как многоуровневой и многоаспектной системы механизмов, позволяющих военнослужащим реализовывать свои гражданские права при законных и строго определенных характером профессиональной деятельности ограничениях, предоставляющих льготы офицерам, прапорщикам и членам их семей в качестве компенсации морально-бытовых тягот и лишений, поддерживающих в об-

ществе высокий статус военнослужащего и создающих благоприятную нравственно-психологическую обстановку вокруг самого института военной службы.

А теперь обратимся к исследованиям.

Самым общим показателем, характеризующим нашу социальную защищенность, является ее уровень. Таковых выделено семь. На самом высшем — седьмом — те военнослужащие, для которых созданы условия, позволяющие им жить достойно. Им удается реализовать свои законные права, иметь нормальную служебную нагрузку, возможность отдохнуть. У них хорошее социальное самочувствие, они пользуются уважением, соответствующим их профессиональной деятельности. Иначе говоря, в отношении этих военнослужащих удалось реализовать от 85,3 до 100 процентов условий, гарантий и льгот для обеспечения максимально возможной в настоящее время социальной защищенности.

Среди респондентов таковыми себя считают 0,9 процента.

То, как распределились опрошенные офицеры и прапорщики по уровням от шестого и ниже, вы можете видеть из таблицы 1, а нам остается лишь подчеркнуть, что около 40 процентов военнослужащих войск находятся в зоне недостаточной защищенности.

Вместе с тем несомненно позитивно то, что более половины офицеров и прапорщиков признают за собой уровень средний и выше среднего. Это позволяет с большим оптимизмом оценивать состояние и перспективы развития системы социальной защиты в наших войсках.

На основании полученных данных был выведен общий средний уровень социальной защищенности военнослужащих во внутренних войсках. Для удобства использован не процентный показатель, а индексный, т.е. как доля от единицы. В настоящее время он равен 0,474.

Таким образом, можно заключить, что ко второму полугодью текущего года эффективность системы создания условий и соблюдения наших прав, предоставления социально-экономических льгот и поддержа-

Таблица 1

Уровень защищенности	Характеристика защищенности и процент реализации условий, гарантий и льгот от максимально возможного	Количество военно-служащих
7 уровень	Высокая защищенность, от 85,3 до 100%	0,9%
6 уровень	В основном высокая, 71,1 — 85,2%	5,7%
5 уровень	Защищенность выше средней, 56,9 — 71%	19,2%
4 уровень	Средний уровень защищенности, 42,7 — 56,8%	36,2%
3 уровень	Защищенность ниже среднего уровня, 28,7 — 42,6%	26,9%
2 уровень	Выраженно низкая защищенность, 14,3 — 28,6%	9,6%
1 уровень	Очень низкая защищенность, до 14,3%	1,5%

ния престижности службы составила 47,4 процента от необходимой.

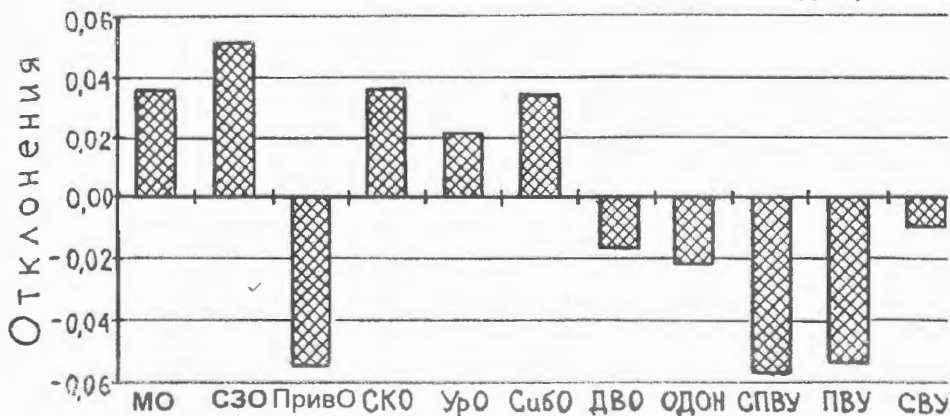
Аналогично были рассчитаны и индексы компонентов социальной защищенности. Если социально-правовая защищенность оценивается респондентами выше среднего уровня (индекс — 0,6099), а ее морально-психологический компонент как средний (индекс — 0,5588), то социально-экономическая защищенность только как выраженно низкая (индекс — 0,2796).

Не удивительно, что наиболее слабым местом в системе социальной защиты предстает материально-бытовое обеспечение военнослужащих и членов их семей. Общая неблагоприятная социально-экономическая обстановка в стране не позволяет защищать офицеров и прапорщиков более или менее равномерно во всех аспектах. В противовес иным депутатам Государственной Думы, замахивающимся на

и без того скудные льготы военнослужащих, мы можем сегодня привести такие более чем красноречивые цифры, характеризующие уровень доходов войсковых офицеров и прапорщиков: имеют доход на члена семьи ниже физиологического прожиточного минимума (нижнего порога бедности) — 4 процента; находятся на нижнем пороге бедности — 11 процентов; имеют прожиточный минимум, или, иначе говоря, находятся на верхнем пороге бедности — 63,7 процента; имеют половину рационального потребительского бюджета — 11,4 процента; и, наконец, рациональный потребительский бюджет оказывается сегодня под силу лишь 9 процентам военнослужащих.

Надо ли удивляться, какой горечью, каким раздражением буквально пропитаны ответы респондентов на вопросы анкеты. Более того, 93 процента дополнений, сделанных ими, касаются именно материаль-

Диаграмма



426

Таблица 2

Группы военнослужащих	Показатели защищенности	
	оценка экспертов	самооценка
Командиры-единоначальники	0,73 (1)	0,4657 (3)
Военнослужащие штаба	0,52 (2)	0,4777 (2)
Военнослужащие, работающие с личным составом	0,48 (4)	0,4894 (1)
Военнослужащие инженерно-технических должностей, тыла	0,50 (3)	0,3671 (5)
Военнослужащие училищ и др.	—	0,4600 (4)

но-бытовой стороны: "Очень тяжело жить", "Кручусь как белка в колесе", "Не пьянствую, а в доме ничего нет", "Едва свожу концы с концами", "В таком положении и возрасте надо жить более достойно", "Приворовывать не могу — надо сначала убить совесть", "Положение униженного и оскорбленного: нет денег на учебу детей в институте, только в ПТУ".

Невеселое резюме сделал один из участников опроса: "Цены растут куда быстрее зарплаты, компенсация за поднаем жилья — смехотворная, "детские" деньги — мизер; ни командировочные, ни пособия по рождению ребенка и т.д. получить в полном объеме не могу: в кассе постоянно нет денег".

Жилищные условия тоже оставляют желать лучшего. Из числа опрошенных 28,9 процента не имеют своего жилья; 22,3 процента живут или в общежитии, или в коммуналке; 48,8 процента хоть и располагают квартирами, однако благоустроенным жильем это назвать вряд ли можно, ибо лишь пятая часть имеет 8 квадратных метров и более на человека.

Полученные результаты позволили провести сравнительный анализ социальной защищенности военнослужащих в зависимости от места прохождения службы. Выше других ее уровень выявлен в Северо-Западном, Московском и Сибирском округах, наименьший — в Приволжском округе, в военных училищах Санкт-Петербурга и Перми. Более наглядно "передовики" и "отстающие" видны на диаграмме, где показана величина и направленность отличия индекса социальной защищенности от среднего по войскам.

Очевидно, что низкие показатели предполагают наличие достаточно серьезных негативных аспектов в служебно-боевой деятельности, прохождении службы, ре-

шении материально-бытовых проблем офицеров и прапорщиков.

При углубленном анализе социальной защищенности различных категорий военнослужащих были выявлены некоторые противоречия между оценкой военнослужащими своего положения и экспертной его оценкой (см. таблицу 2).

Обратим внимание на заметное отличие оценки социальной защищенности военнослужащих инженерно-технических должностей и тыла экспертов от самооценки. Это же относится и к категории командиров-единоначальников.

Дело тут, думается, в том, что официальные каналы обеспечения социальной защищенности у данных категорий военнослужащих серьезно дополняются другими — скрытыми каналами поддержания жизненного уровня. Вопросы социальной справедливости отдельно не исследовались, однако данный факт, а также около 10 процентов дополнений, посвященных именно им, говорят о том, что для объективного анализа уровня жизни военнослужащих необходимо, кроме всего прочего, озаботиться и борьбой с незаконными привилегиями, сомнительными источниками повышения личного благосостояния.

Социальная несправедливость как ржа разъедает воинские коллективы, подрывает веру в закон и ставит под сомнение всю систему социальной защиты. Вот только некоторые дополнения, сделанные военнослужащими в анкетах: "Начнешь защищать права — потеряешь последнее", "Царит командирский произвол", "Для высших чинов права подчиненных существуют лишь на бумаге", "Прав тот, у кого больше прав"...

Майор М.КИБАКИН,
адъюнкт кафедры социологии Гуманитарной академии Вооруженных Сил,
руководитель рабочей группы.

История, прочитанная заново

ГЕНЕРАЛ КАТОРГИ, или Карьера рядового зека

"ОГПУ оторвало Френкеля от его прошлого.

ОГПУ дало ему будущее".

Беломорско-Балтийский канал им. Сталина. М., 1934, с.220.

ОТом, что дата 2 сентября 1937 года является одной из этапных в истории самого гигантского отечественного долгостроя — Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, известно далеко не каждому. Ажиотаж вокруг "стройки века", поднятый средствами массовой информации в семидесятые-восемидесятые годы, исключал какие-либо экскурсы в ее историю.

А ведь более полувека тому назад нарком внутренних дел СССР Николай Ежов подписал приказ, непосредственно касающийся одной из "великих строек социализма". Документ сей, как водилось в грозном ведомстве, имел гриф "Совершенно секретно":

"В соответствии с постановлением Правительства о строительстве Байкало-Амурской магистрали

приказываю:

1. Организовать Управление строительства Байкало-Амурской ж.-д. магистрали... Начальником строительства назначить дивинтенданта Френкеля Н.А."

Аббревиатура БАМ впервые появилась в 1930 году, когда Дальневосточный крайком ВКП(б) выступил с инициативой о проектировании и строительстве новой железной дороги в этом обширном регионе страны. В 1932 году Совнарком СССР принял решение о реализации предложенного плана. Но катастрофическая нехватка рабочей силы не позволяла развернуть строительство в полном объеме. Вот, например, что писал по этому поводу начальник стройки С.В.Мрачковский: "Плохо снаб-

жаемые в дорогу и в дороге, лишённые питания на остановочных пунктах, рабочие либо разбежались в пути, либо... прибывали на строительство в неработоспособном состоянии". Вскоре было прекращено финансирование стройки, а в 1936 году расстреляли как "врага народа" и ее бывшего начальника — С.В.Мрачковского...

Теперь же по воле "железного" наркома "стройка века" вступила в новую фазу: полное подчинение наркомату внутренних дел и вхождение в состав печально известного ГУЛАГа на правах одного из его многочисленных строительных подразделений. Не случайным было и назначение руководителем нового лагерного управления Нафталия Ароновича Френкеля — человека, о котором среди заключенных ходили самые невероятные легенды.

В тридцатые годы путь от генерала до зека можно было проделать запросто. В период сталинских репрессий эту скорбную стезю прошли многие из военачальников. Но только Френкелю удалось проделать этот путь в обратную сторону и подняться по гулаговской лестнице от рядового заключенного до генерал-лейтенанта инженерно-технической службы...

Историческая справка

Бамовская история начинается с конца прошлого века. В 1886 году император Александр III "высочайше" повелел инженерам-путейцам спроектировать трассу Великой Сибирской железной дороги по кратчайшему пути: от Красноярска через Братск — Нижнеангарск — Витим и далее до Хабаровска.*

Спустя три года экспедиция под руководством инженера Н.А.Волошина начала изыскательские работы. Но вскоре специалисты пришли к неутешительному

* Здесь приведены современные названия населенных пунктов.

выводу: сложнейшие природно-геологические условия местности, по которой должна пройти железнодорожная трасса, вызовут дополнительные и весьма значительные расходы. Государственная казна и без того трещала по швам. Идею пришлось отложить на неопределенный срок.

Позже, начиная с 1911 года, изыскательские партии вели работы на некоторых участках трассы, через которые пролег нынешний БАМ.

ИВОТ за дело взялся дивинтендант Нафталий Френкель — строитель с твердым и решительным характером, имевший за плечами огромный практический опыт претворения в жизнь великих сталинских планов руками заключенных, прошедший школу Соловков и Беломорстроя.

Следует сразу оговориться, что поиск достоверных биографических сведений о руководителе БАМЛАГа явился делом чрезвычайно сложным. Не любили лагерные шефы оставлять мемуаров. На дальних, порой недоступных исследователю полках "спецхранов" пылаются и документы лагерных главков и управлений. Но все же кое-что из бурной жизни шефа железнодорожных лагерей удалось восстановить с документальной точностью.

Одно из немногих упоминаний о Френкеле находим в книге "Беломорско-Балтийский канал им. Сталина". Этот капитальный труд, изданный в 1934 году под редакцией А.М.Горького, явился панегириком сталинским методам строительства светлого будущего руками "врагов народа", которые одновременно (особо подчеркивалось в книге) перековывались в его друзей.

Авторы книги под руководством метра пролетарской литературы сумели выписать портрет Френкеля мастерски: "Среднего роста, худой, с тростью в руке, он появлялся на трассе то там, то тут, молча проходил к работам и останавливался, опершись на трость, заложив ногу за ногу, и так стоял часами. Он смотрел вниз, в котлован... его лицо под козырьком фуражки — худое, властное, с капризно вырезанным подбородком, выражало упорство. Глаза следователя и прокурора, губы скептика и сатирика..."

Отдавая должное стилистическому мастерству виртуозов из авторского коллектива, следует признать, что портрет беломорского прораба нарисован ярко и весьма убедительно. Этот ни за что не свернет с "генеральной" линии и любой ценой, вплоть до человеческих жизней, построит все, что ни поручат...

Еще одно упоминание о деятельности

лагерного функционера встречается у А.И.Солженицына в его "Архипелаге ГУЛАГ". Исследователь советской исправительной системы, как бы воздавая своему герою по заслугам, восклицает: "И все-таки Френкель действительно стал нервом Архипелага...". Наверное, Солженицын прав. Из всех высших каталогских чинов, стоявших у истоков лагерной системы, только Френкелю удалось избежать репрессий и быть в почете при всех наркоммах — от Ягоды до Берии.

Далее Солженицын пишет, что будущий строительный генерал до революции успел стать миллионером, "королем" лесоторговли и владельцем целой флотилии грузовых пароходов на Черном море. После октября семнадцатого он якобы бежал в Константинополь, куда благо временно перевел свои капиталы. А в годы нэпа возвратился уже в Советский Союз и занялся темными делишками, связанными с контрабандой.

Скорее всего эти утверждения — лишь одна из многочисленных легенд, ходивших о Френкеле в лагерной среде. Вряд ли в те времена молодой человек, каким был начинающий строитель, так быстро и легко мог выбиться в миллионеры. Подобное возможно только в наши "базарные" дни, когда безусые "бизнесмены" за несколько месяцев делают себе миллионы буквально из воздуха.

На самом деле биография этой и без того авантюрной личности была достаточно прозаичной. Обратимся к архивным документам — беспристрастным свидетелям прошлого. Перед нами личное дело "генерала от энкаведе" Н.А.Френкеля. На обложке проставлены грифы "Сов.секретно", ниже — "Хранить постоянно".

Кадровики — народ дотошный, непроверенных сведений не внесут в послужные списки, анкеты, иные документы, аккуратно подшитые в потертой папке.

Итак, наш герой с весьма редким именем Нафталий родился в 1883 году в Москве. Род занятий отца — Арона Френкеля — к сожалению, остался неизвестным. А вот дед по материнской линии (мать была, видимо, русской) служил православным священником-миссионером в Константинополе. Этот факт, наверное, и стал причиной возникновения версии о победе "миллионера" в Турцию.

В пятнадцатилетнем возрасте Нафталий оказывается в Херсоне и поступает на работу в строительную контору "Гурфинкель". Сказались старые отцовские связи среди тех, кто успешно делал свой бизнес у берегов благодатного моря.

Небольшая частная фирма, взявшая под опеку юного Френкеля, занималась (читаем в личном деле) "строительством школ и иных культурно-бытовых зданий в еврей-

427

ских колониях", разбросанных по побережью Черного моря. Быстро освоившись на новом месте, он за два года вырастает от простого табельщика до помощника прораба.

В 1900 году Френкель, поднабравшись строительного опыта, находит более прибыльную должность. Он устраивается прорабом в экспортную фирму "Штайнер и К°" в Николаеве. Новому хозяину молодой, но расторопный прораб приходится по сердцу, и он отправляет Френкеля учиться в строительный техникум в Германию. За обучение платит фирма.

Через два года, блестяще окончив учебное заведение, Френкель возвращается в Россию с намерением разбогатеть, как его хозяева. Но пока мечта остается мечтой. И все же Френкель начинает делать первые шаги к ее осуществлению. Перво-наперво он занимается к богатому николаевскому предпринимателю и крупному землевладельцу Юрицыну. Вскоре все строительство, которое велось в многочисленных имениях нового хозяина, переходит в ведение шустрого прораба. На этом поприще он подвизался вплоть до 1918 года, потихоньку делая свой маленький "гешефт", завидуя хозяйскому состоянию и лелея тайную мечту разбогатеть.

При белых Френкель бросает строительную профессию и становится приемщиком грузов, доставляемых пароходами все того же Юрицына. Что перевозилось в трюмах морем — для нас остается загадкой. Наверное, среди товаров были и оружие, и амуниция для белой гвардии, и контрабанда...

Но вскоре владельцу пароходов пришлось бежать от новой власти за границу. А Френкель продолжает принимать грузы, поставляемые частными пароходами только уже для советской власти. Видимо, он не порывает старых связей со своим бывшим хозяином и продолжает делать бизнес вразрез с новыми законами. Тут-то потерявший осторожность коммерсант и попадает в поле зрения одесских чекистов.

В личном деле лагерного генерала имеется любопытная запись: "14.01.1924 г. постановлением Коллегии ОГПУ осужден в концлагерь на 10 лет". Есть и пояснение, за что дан срок, — небольшая приписка в скобках — "вымогательство".

И поехал обматулившийся пройдоха под конвоем с берегов Черного моря к берегу моря Белого. Его пристанище — Соловецкий лагерь особого назначения ОГПУ. Но и здесь Френкель не спасовал. Быстро освоившись и показав себя знатоком строительного дела, он поднялся над серой и бесправной массой лагерных обитателей. Удел новоявленного зека не кайло и лопата, а работа профессионального строителя.

Шеф Соловков чекист Ф.И.Эйхманс лично занимается облегчением участи своего подопечного. Живет Френкель в отдельном от других заключенных помещении, питается со стола начальства, свободно передвигается по всей территории лагеря и даже за его пределами. В середине 1926 года по ходатайству соловецкого патрона коллегия ОГПУ сократила ему срок судимости вдвое. В следующем году — досрочное освобождение и назначение начальником производственного отдела управления лагеря. ОГПУ помешало разбогатеть, но дает шанс достичь определенных высот в системе чекистского ведомства.

Благосклонно к лагерному прорабу не только соловецкое начальство. О его судьбе печется создатель ГУЛАГа и его шеф Лейзер Коган, "всемогущий зампред" Генрих Ягода не равнодушен к бывшему зеку. Они всецело доверяют Френкелю и поддерживают его. Вскоре своему подопечному поручают ответственное задание — в короткий срок организовать новые лагеря в лесах Коми. Поручение исполнено безупречно. Лагеря растут словно грибы после дождя, даже в самых недоступных таежных местах.

В Москве под эгидой ОГПУ разворачивается подготовка к строительству Беломорско-Балтийского канала. И незаменимый Френкель словно тут и был. Он возглавляет производственный отдел ГУЛАГа. Целый год трудится над планами будущей грандиозной стройки, затем становится ее главным прорабом и одновременно заместителем начальника Белбалтлага.

Нафталий Френкель уверен в себе. Он нашел свое дело. Бояться теперь нечего и некого. Повсюду свои люди. У руля Беломорстроя уверенно стоит бывший помощник начальника войск ОГПУ и "крестный отец" ГУЛАГа Лейзер Коган. Всеми хозяйственными делами стройки заправляет Яков Рапопорт, которого белоохранительская контрразведка окрестила "кровавым зампредом воронежской чрезвычайки". Белбалтлагом руководит один из самых крутых ягодовских чекистов и неуловимый закордонный разведчик Самуил Фирин-Пупко. А общее руководство каналостроительством осуществляет из Москвы новый шеф ГУЛАГа Матвей Берман, в партийной характеристике которого значится: "является практиком марксизма".

Авторитет Нафталия Френкеля на трассе канала непрекаем. Все его распоряжения выполняются беспрекословно и незамедлительно. Очевидцы вспоминали один характерный эпизод, подобных которому было немало. Когда возвели ворота одного из шлюзов, подошел "главный прораб", прикрыв левый глаз, внимательно посмотрел на сооружение и изрек: "Не верти-

428

кально!" Строители стали доказывать, что вертикальность проверяли отвесами. Но Френкель стоял на своем. Пришлось все сломать и возводить вновь.

Завершение строительства канала ЦИК СССР отметил щедрым награждением. Френкель, как "обеспечившему правильную организацию работ и высокое качество сооружений", вручили орден Ленина. Годом раньше с него полностью сняли судимость. Анкеты лагерного функционера привели в должное состояние. Истинным же строителям "наградой" зачастую становились безымянные могилы вдоль трассы канала...

В начале тридцатых годов правительство обращает свои взоры на Дальний Восток. Здесь будут строиться новые города, укрепляться пограничные рубежи. Но Транссиб, который на многих участках был однопуткой, не справляется с возрастающими грузоперевозками. Устранить это препятствие поручается Нафталию Френкелю. В 1933 году он возглавляет Управление ГУЛАГа по строительству вторых путей Дальневосточной железной дороги — так в официальных документах именуется новое лагерное подразделение.

Историческая справка

Идея использования труда заключенных на строительстве железных дорог не является советским изобретением. В царской России арестанты работали при прокладке почти всех железнодорожных путей. Например, в 1865 году на линии Москва — Курск трудились две тысячи арестантов. Прокладка Великого Сибирского железнодорожного пути тоже не обходилась без подневольного труда. Так, численность арестантов на строительстве Амурской дороги в период с 1909 по 1911 год была увеличена с одной до восьми тысяч человек.

ФРЕНКЕЛЮ, теперь уже железнодорожному прорабу, переподчиняется огромный контингент заключенных. Зеки живут во временных бараках, работают в нечеловеческих условиях, умирают от недоедания и болезней. Побывавший на прокладке железнодорожных путей начальник Управления НКВД по Дальневосточному краю Терентий Дерibas, которого трудно было чем-то удивить, в своих заметках писал: "Первое, что бросается в глаза, — это совершенно нечеловеческие условия труда, совершенно неслыханная нищета, убожество, как материально-бытового, так и технического снабжения".

Но на карьере Френкеля все эти безоб-

разия никак не отражаются. Московские покровители не позволяют обидеть его никому. Он уверенно идет в гору. В 1936 году бывшему зеку и железнодорожному прорабу присваивается воинское (!) звание — дивинтендант (дивизионный интендант).

Управление БАМЛАГа, которое возглавил новоиспеченный дивинтендант, тоже располагалось в городе с многообещающим названием Свободный. Но Френкеля здесь не застань. В специально оборудованном классном вагоне в сопровождении свиты он разъезжает по железным дорогам Сибири. Где бы ни останавливался штабной вагон, шеф БАМЛАГа находит что сказать строителям. Френкель лично проверяет и утверждает планы каждого железнодорожного участка, каждой станции или полустанка. И если же найдешь ошибки или неточности в чертежах, то, как рассказывали очевидцы автору "Архипелага...", "комкал этот план, бросал его в лицо подчиненному и говорил: "Вы должны понять, что вы осел, а не проектировщик!". Посрамленные инженеры, пряча обиду, со всех ног кидались исправлять выявленные патронном недостатки. А как же! Иначе можно запросто угодить во "вредители" и пополнить ряды "спецконтингента"...

В 1940 году дивинтендант Н.А.Френкель возглавил Главное управление лагерей железнодорожного строительства (ГУЛЖДС) НКВД СССР. Отпочковавшись от печально знаменитого ГУЛАГа, оно объединило в себе практически все значительные железнодорожные стройки страны.

К тому времени и наркомы, и высокие гулаговские чиновники уже были объявлены "врагами народа" и расстреляны. А Френкель получает очередной чин — корпусного инженера и второй орден Ленина. К слову сказать, "компетентные" органы не раз пытались подобрать и к нему — рассылали в инстанции запросы с просьбами сообщить какой-либо компромат на их подпечного. Но удивительное дело, на все запросы приходили стандартные, похожие друг на друга как две капли воды ответы: "Компрометирующими сведениями на такого-то не располагаем".

Классный вагон непотопляемого лагерного функционера теперь разъезжает по всей стране. Френкель руководит прокладкой не только БАМа. Одно из многочисленных его детищ — "Стройка N 501". Под таким кодовым наименованием сталинской эпохи — прокладка железной дороги на Крайнем Севере от Салехарда до Игарки. Ее намеревались по тундре дотянуть аж до Магадана. Позже эта дорога получила название "мертвой".

В нечеловеческих условиях спецподразделения ГУЛЖДС тянут ветку на Воркуту. Во время советско-финляндской войны в

рекордно короткий срок — в три месяца — прокладывают три железнодорожных пути в Карелии: один рокадный и два подъездных. По ним спешат воинские эшелоны на финский фронт...

Война с гитлеровской Германией легла тяжким бременем на плечи "спецконтингента" ГУЛЖДС. Пришлось в срочном порядке снимать рельсы с уже готовых участков БАМа и перевозить под Сталинград. Они пошли на прокладку рокадной дороги вдоль Волги. Форсируется строительство пути и на Воркуту. Суточные нормы выработки для бригад лагерников удваиваются. Невыполнение расценивается не иначе как саботаж. Старожилы города Печоры, где дислоцировался один из крупных железнодорожных лагерей, рассказывали, как администрация с молчаливого согласия Френкеля добивалась выполнения, а то и перевыполнения норм. Отвечал за выработку старший вохровского конвоя, охранявшего бригаду заключенных. Если он чувствовал, что дневная норма "горит", то находил среди зеков "саботажника", то есть самого ослабленного физически, ставил его на край насыпи и на глазах всей бригады расстреливал. Так что нормы в железнодорожных лагерях не только выполнялись, но и перевыполнялись...

Личное дело Н.А.Френкеля — словно атлас советских железных дорог. Здесь можно встретить названия многих из них. Одни он строил, другие достраивал, к третьим подводил новые ветки. Самая главная, конечно же, дорога на Воркуту. ГУЛЖДС сдал ее в эксплуатацию в 1943 году. Тогда же Френкеля представили к присвоению звания Героя Социалистического Труда. Но награждению помешал Лаврентий Берия, который уже сам дырявил китель для Звезды Героя Труда*. Заслуги Френкеля, к тому времени уже генерал-лейтенанта инженерно-технической службы, были отмечены лишь третьим по счету орденом Ленина. Как рассказывал при нашей встрече единственный сын шефа ГУЛЖДС — Борис Нафтальевич, отец на всю жизнь затаил обиду на Берию. Видимо, очень хотелось ему на генеральский китель прикрепить еще и Звезду Героя...

Вот и последняя аттестация в деле лагерного функционера. Она датирована 2 ноября 1946 года. Начало ее, как и всех предыдущих, выдержано в хвалебном тоне: "... Хорошо знает особенности работы лагерей железнодорожного строительства, обладает большими организаторскими способностями, которые... умело использовал в железнодорожном строительстве, выполняемом МВД СССР. Морально устойчив. К себе и подчиненным требова-

телен. В быту скромнен. Несмотря на преклонный возраст, много работает..."

Френкелю уже шестьдесят четыре. Здоровье основательно подорвано. Пошаливает сердчишко. По ночам снятся кошмары, мучает бессонница. БАМа он так и не построил. "Мертвая дорога" на севере ржавеет, покрывается мхом и зарастает кустарником. Но, несмотря на старческие недуги, Френкель не намерен бросать штурвал ГУЛЖДС. Однако та последняя радужная аттестация неожиданно, словно ушат холодной воды на седую голову генерала, заканчивается такими вот строками: "В своей работе привык опираться на узкий круг приближенных работников, иногда на основе угодничества и старой привычки к ним..."

Звезда генерала от каторги закатилась. Спустя полгода Френкеля увольняют из органов внутренних дел на пенсию. Терзаемый тяжелой неизлечимой болезнью, прожил он еще немало лет, отмеченных неизбежным чувством страха. Хрущевская реабилитация жертв сталинского террора, позорная кончина Берии, расстрелы его приспешников очень напугали Френкеля. Он постоянно ждал, что вот-вот придут и за ним. Но все обошлось. Скончался Френкель в восьмидесятивосьмилетнем возрасте, намного пережив всех свои шефов.

Сын Френкеля вспоминал, что отец умирал мучительно долго. В последние часы своей жизни дико кричал, словно вымаливал у Всевышнего прощение за загубленные в железнодорожных лагерях жизни тысяч невинных людей. Соседи по дому слышали вопли умирающего отставного генерала через несколько этажей.

Можно уйти от суда людского. Можно даже мук совести избежать, задушив их в зародыше. И если ты за всю свою жизнь ни разу на вспомнил о суде смертном, не верил в него, то у края могилы, к которой за тобой тянется кровавый след, обязательно вспомнишь, и поверишь, и оцепенеешь от ужаса. И именно леденящий душу страх, а не боль плоти заставит тебя будить соседей нечеловеческими криками.

На смертном одре Нафталий Френкель, может быть, впервые пожалел о своем пути, пройденном от рядового каторжанина до генерала каторги. Посмертный суд может вершиться не только на небесах, но и на земле — потомками. Вот ими-то Нафталю Френкелю и отказано в светлой памяти вопреки пророчествам авторов пангеирика ОГПУ.

Подполковник Н.СЫСОЕВ.

* В сентябре 1943 г. Л.П.Берии присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Анатолий ЛАНЩИКОВ:

“Идеология военных — государственность”



Член Союза писателей России Анатолий Ланщиков — один из самых авторитетных отечественных критиков. Живой литературный процесс последних трех десятилетий, в центре которого творчество Юрия Бондарева, Василия Белова, Виктора Астафьева, Василия Шукшина, Владимира Крупина, Александра Твардовского, Николая Рубцова, — предмет художественного исследования того, чье слово, острое, заинтересованное, прочно укорененное в почву отечественной и мировой культуры, глубоко гражданственное, всегда находило горячий отклик у читателя.

Критик не замыкается в рамках литературоведческого исследования, соотнося литературные явления с реальной жизнью, внимательно всматриваясь в сложные проблемы современности. Им-то в основном и посвящена беседа с писателем, которую пробел наш внештатный корреспондент Дмитрий КОРОЛЕВ.

— Анатолий Петрович, наряду с книгами о современной литературе вашему перу принадлежит и широко известная монография о Н.Г.Чернышевском, безусловно, сыгравшем огромную роль в воспитании многих поколений русских революционеров. Скажите, а не изменилось ли у вас сегодня, когда в нашей истории многое пересматривается, мнение об этом человеке? А то вот напомнил недавно одному знакомому писателю, историческому романисту, о его книге, изданной в свое время в Политиздате в серии “Пламенные революционеры”, а он на это замахал руками, сказал, что книга эта — его стыдобушка...

— Мне, так выразимся, повезло: никакого пересмотра не будет. Как я относился к Николаю Гавриловичу, скажем, двадцать лет назад, так отношусь к нему и теперь. При написании книги, вышедшей в издательстве “Современник” в 1987 году, я старался ни в чем не погрешить против истины, решил тогда для себя твердо: расскажу читателям всю правду. Агитпропом, известно, это не приветствовалось. Более того, чтобы числиться в ученых, нужно было, как великий грех и непростительное легкомыслие, преодолеть в себе соблазн перед знанием, публично засвидетельствовать свое личное невежество как принцип, и только тогда научная карьера была тебе обеспечена. Агитпроп приспособил всю русскую литературу, критику, литературоведение к своим нуждам, причем на века (во всяком случае, так ему хотелось). Но живая культура пробивалась даже сквозь, казалось бы, непробиваемый идеологический асфальт, плодоносила и делала свое великое дело. Сейчас идет спешная перенастройка, благодаря чему и произошел прорыв культуры сквозь руины старой лжи. Что же касается Николая Гавриловича Чернышевского, то, на мой взгляд, между ним и той группой людей, что взяла в свои руки власть в октябре 1917 года, нет никакой связи. Нет абсолютно никакой родовой связи!

Личность Чернышевского, как и многих других деятелей отечественной истории и культуры, благодаря стараниям Агитпропа осмыслена и изучена еще очень слабо, во многом она искажена. За примером далеко ходить не надо — в аннотации к моей книге о нем говорится лишь как о “демократе, ученом, писателе, чей идейно-нравственный подвиг высоко ценили К.Маркс, Ф.Эн-

гельс, В. И. Ленин". И ни слова о том, как сам Чернышевский относился к основоположникам "западного социализма". И так везде. Из одного в другой "научный" труд кочевали все те же тенденциозно подобранные цитаты. Такой ущербный подход препятствовал познанию истинных взглядов революционера, а они ведь очень интересны. Мало кто знает, что Чернышевский, прочтя в сибирской ссылке "Капитал" Маркса, пошел на речку Вилкой и — что бы вы думали — стал вырывать из учебника революционеров страницы, делать из них кораблики и пускать их по течению. Таково было его подлинное отношение к "единственно верному учению". Для Чернышевского оно было неприемлемо. Он стремился выработать путь "русского социализма", совершенно отличный от того, что был принесен нам с Запада. Чернышевский искал чисто национальный путь, взор его был обращен на крестьянскую общину.

Хорошо это или плохо — община, сказать трудно, практически невозможно. Все хорошо, что вовремя. Если бы общину отменили в 1861 году, когда крестьянин еще был абсолютно не готов к "свободе", в России наверняка случилось бы страшное: пугачевщина или еще что похуже. А вот ко временам Столыпина, когда капиталистические отношения, как говорится, медленно, но верно стали проникать в деревню, крестьянская община, видимо, уже изжила себя. Разрушая ее, Петр Аркадьевич, на мой взгляд, не противоречил ходу истории. С русским же социализмом Чернышевского, таким образом, тогда было покончено навсегда...

— А как вы, Анатолий Петрович, объясняете повальное увлечение в XIX веке идеями социализма? Ведь ему, насколько я знаю, отдали дань чуть ли не все лучшие умы тогдашнего российского общества — Чаадаев, Герцен, Огарев, Шевченко, Белинский, Бакунин, Костомаров.

— Я глубоко убежден: чтобы воспринять как нечто единое все то, что зовется великой русской литературой XIX века, недостаточно ограничить себя лишь психологическими построениями и догадками, потому как роднит и объединяет русских писателей нечто более значимое, нежели талантливость в области изящной словесности. Если говорить коротко, объединяет, несмотря на всю исключительную их индивидуальность, общее стремление сделать русского человека и человечество в целом счастливыми.

Наша великая литература досталась нам не даром, ее великий нравственный смысл оплачен многими десятилетиями крепостничества, когда исторические судьбы его уже были предreshены. Через ссылки и казни, отчаяние и неверие, непонимание и

сомнения, мистицизм и ошибки прошли лучшие умы русского народа. Они жаждали любви и братства, счастья и свободы, они пристально всматривались в прошлое, внимательно смотрели по сторонам, и каждый из них беспощадно вглядывался вглубь самого себя. Ими руководила не простая любознательность, они во имя будущего искали ответы на те вопросы, которые ставила перед ними современность. И со страниц лучших творений предреформенного времени вставали бесчисленные жертвы крепостного права. Однако великая русская литература была в своей основе не только антикрепостнической, но в не меньшей степени и антибуржуазной, антикапиталистической. И эта ее тенденция отчетливо просматривается уже в творениях Пушкина и Лермонтова, Белинского и Гоголя, то есть даже тех писателей, которые могли только предчувствовать появление на арене жизни сноровистых апостолов "господина Купона". Хозяином положения становился "человек, который может дать рупь", в коем было что-то простое и одновременно что-то непостижимое. Его заклинали словами: "господин Купон", "хам", "чумазый", "хищник" и т.д. Но он не реагировал ни на какие слова, больше того, он умудрялся извлекать барыши даже из этих слов. Да что слова! Рушились вроде бы крепкие монархии, но от этого только укреплялась абсолютная власть денег. Падали демократические республики, разгонялись парламенты, и от этого тоже укреплялась абсолютная власть денег. Возникали межнациональные войны, заключались перемирия, и в любом случае укреплялась абсолютная власть денег. Не находите, что здесь так и просятся весьма печальные исторические параллели?

И пусть сегодня покажутся кому-то наивными счастливые сны Веры Павловны, или кошмарные сны Раскольниково, или отчаянные призывы яснополянского старца, пусть мы не найдем тождества между представлениями о будущем, которое предрекали нам писатели, и сегодняшним днем — все равно их частные и совокупные усилия не пропали даром: они завещали нам великое духовное наследие, которым теперь только надо правильно распорядиться. Социализм — это идеал справедливой жизни, а общечеловеческие идеалы не выдвигаются, не придумываются и даже не открываются. Они выстрадываются человечеством, всем человечеством и для всего человечества, эти идеалы имеют эпическую природу — они возрастают из вечности и служат вечности. Таким образом, идея социализма (в любой ее интерпретации) была и остается *альтернативной* идеей капитализма с его безграничным культом индивидуализма, повсеместного

430

— в том или ином виде — поправки интересов трудящихся.

— **Нынешний Агитпроп, убежден, с вами не согласится.**

— Ему все равно, к чему призывать. Кажется бы, еще совсем недавно слово "социализм" в нашей стране было священным, прошло всего несколько лет, и теперь за уважительное отношение к этому слову немедленно производят в консерваторы, а что завтра будут делать с консерваторами, пока никто не знает. А ведь никакого обмена мыслями не произошло, просто Агитпроп произвел манипуляцию со словами "социализм" и "капитализм", и, как говорил Победоносцев, "одни верования уступают место другим, меняются догматы, меняются предметы фанатизма". Ну, хорошо тем (хотя чего тоже хорошего?), кто всю жизнь (политики, ученые) кормился облуживанием догматов, а каково тем, кто всю жизнь честно трудился и просто честно жил, веря ученым людям? Нет, слово "капитализм" пока у нас священным не стало, но зато таковым у нас теперь является пресловутое слово "рынок". Сейчас даже самый отважный депутат (пусть он хоть тысячу раз коммунист!) не рискнет прямо заявить, что выступает против рынка, зная, что бдительный Агитпроп, у которого теперь в услужении целая армия журналистов, публицистов и критиков, моментально сотрет его в порошок.

— А когда началось в литературе это противостояние — между правыми, которые левые, и левыми, которые правые, между "западниками" и "славянофилами"? Видимо, произошло это куда раньше тех времен, когда с началом перестройки стали публиковаться многочисленные литературные полемикки, где под одной обложкой мирно уживались Владимир Лакшин и Вадим Кожинов, Лев Аннинский и Александр Казинцев, Анатолий Бочаров и Анатолий Ланщиков?

— Полное несовпадение взглядов по вопросам литературы и о путях развития общества, о котором вы говорите, началось во второй половине 60-х годов, а не после XX съезда, как сегодня утверждают многие. Когда нас, шестидесятников, моих друзей и коллег, называют "детьми XX съезда", мы от этого всячески открещиваемся. А вот Евтушенко, Карпинский, Бовин действительно "дети XX съезда". В 91-м году, когда партия, так выразимся, отдала концы, я, признаваясь, им очень сочувствовал: ведь для них "прервалась связь времен".

Литературная война, как я уже сказал, разразилась в нашем обществе в 60-х годах, когда несовпадение взглядов правых (консерваторов, тех, кто в той или иной степени выступал за Сталина, за незабле-

мость устоев социалистического государства) и левых, демократов, стало наиболее очевидным. Эти два лагеря, как вы, конечно же, знаете, группировались в основном вокруг двух полярных журналов — "Нового мира" и "Октября". Вот именно тогда, в середине 60-х годов, группа литераторов, в которую входил и я, стала внедрять в общественное сознание систему взглядов, которую сегодня называют Русской Идеей. А к концу 60-х годов сложились два совершенно новых лагеря, два противоположных полюса, которые находились, с одной стороны, в журнале "Молодая гвардия", а с другой — в журналах "Новый мир" и "Октябрь" (такая сложилась теперь расстановка сил). Борьба между нами шла нешуточная, но наши оппоненты действовали наиболее рьяно. Ударили, что называется, из всех калибров: особенно *убойными* в этом плане были статьи критиков Дементьева и Строкова. Запомнилась статья, опубликованная в "Юности": в ней нас обвиняли во всех мыслимых и немыслимых грехах. Скажем, ее автор бросал нам упрек — мы, мол, употребляем слово "дух". По его мнению, надо было еще — что бы вы думали? — выбросить из лексикона слово "нравственность", заменив его... "гражданственностью", и т.д.

— А в 72-м, если не ошибаюсь, появилась небезызвестная статья Александра Яковлева о так называемом антиинтеризме, после которой приверженцы Русской Идеи стали подвергаться гонениям...

— Да, это так. Но, если следовать исторической правде, надо отметить, Яковлев после этого утверждал: мол, он написал эту статью не как партийный руководитель, а как профессор, то есть "частное лицо". Ее лишь позднее сделали директивной. Но нам от этого было не легче — книги-то остановились во всех издательствах. Об этом мы и сказали Яковлеву, когда он пригласил нас (Михаила Лобанова, Олега Михайлова и меня) к себе на прием.

Ситуация в литературе стала меняться в 70-х годах. Агитпроп, который теперь возглавил уже упомянутый Яковлев, стал проводить совершенно другую политику — политику "умиротворения". Раньше литература делилась по вертикали — борьба шла преимущественно идеологическая. Теперь же противостояние стало "горизонтальным". В литературе стала складываться своя номенклатура; писатели-чиновники, каких бы до этого взглядов они ни придерживались, захватывали определенные высоты: издавали свои многотомные собрания сочинений и так далее. В литературном мире установился относительный мир и порядок. В 70-е и 80-е годы отношения между писателями улучшились, мы спокойно разговаривали, дискутировали в

Домах творчества. Войны, можно сказать, уже не было.

— И все же: кто же вышел победителем?

— Однозначно ответить на этот вопрос, пожалуй, нельзя. Помнится, в то время, когда была разгромлена "Молодая гвардия" (уволители тогда, кстати, *всего лишь* главного редактора Никонова. Анатолий Васильевич, человек исключительно мужественный, решил взять все на себя), я однажды выходил из Центрального Дома литераторов вместе с Феликсом Кузнецовым. И он, будучи тогда крайне "левым", оборачивается ко мне и говорит: "Знаешь, Толя, а ведь мы вас все-таки победили". На что я ему в ответ: "Вы победили нас организационно, а мы вас — идейно. А это — самое главное!" К тому времени наши оппоненты уже вовсю писали о духовности, нравственности. Фактически они полностью признали нашу правоту.

— Вот вы говорите: "русская литература". Но ведь у нас долгие годы существовало другое понятие — литература советская...

— И более того — многонациональная советская литература, литература социалистического реализма. Вы знаете, я очень скептически отношусь ко всем этим идеологическим схемам. О каком социалистическом реализме можно говорить? Вы не найдете его, скажем, в творчестве Василия Белова или Валентина Распутина. Есть просто реализм. Не может литература быть и многонациональной. Литература всегда национальна. Что, разве Лермонтов, предки которого были шведами, был шведским писателем? Нет, он был глубоко русским писателем!

Конечно, произведения писателей из национальных республик у нас переводились, но — исключительно по подстрочнику! Узбекского языка русские литераторы не знали. Наша литература (и шире — культура) куда ближе к европейской, чем к азиатским цивилизациям. Любой мало-мальски образованный человек у нас с ходу назовет имена западных кинорежиссеров, которых лет через тридцать на Западе никто и помнить не будет. А вот сможет ли он припомнить имена, допустим, пятнадцати китайских философов и романистов, чьи произведения навечно вошли в золотой фонд мировой цивилизации? Очень сомневаюсь. Столь же плохо мы знаем и культуру народов Средней Азии, ее национальную литературу. За годы советской власти тем, кто руководил в нашей стране всем и вся, не удалось стереть как национальные границы между республиками, так и различия между нашими народами. А не имея общей культуры, нельзя было создать и общую литературу. Да к этому и не надо было стремиться. Господь

Бог, создавая людей, не случайно сделал нас *разными*, в чем-то непохожими друг на друга. Меня глубоко возмущают те, кто говорят сегодня об общем менталитете. Менталитет, на мой взгляд, — это душевный ширпотреб. Что же получится, если у итальянца отобрать все итальянское, у китаец — китайское, у русского — русское. Уверю вас, ничего хорошего! Это наглядно видно на примере нашей страны. С февраля 17-го по июнь 41-го власти предрержащие повсеместно насаждали "советский" менталитет, стараясь напрочь подрубить национальное самосознание, и лишь тогда, когда их безграничная власть оказалась под угрозой, одумались — вновь "разрешили" русским чувствовать себя русскими. Но к началу Великой Отечественной войны урон, нанесенный нашей культуре, был уже огромен — разрушены чуть ли не все православные храмы, из страны высланы или оказались на Соловках многие духовные писатели и ученые. А лишит человека религиозного сознания — значит превратить его в бездушный манекен, для которого главное отнюдь не такие понятия, как Родина, нация, честь. Мы, литературоведы и писатели, долгие годы носившиеся с Русской Идеей, в какой-то степени смогли поправить положение: русские начинают ощущать себя русскими (разве появление в России своей государственности, своей Академии наук и так далее — не подтверждение этому?). Впрочем, гордиться нам особенно нечем. То, что мы сделали, — наш долг, наша профессиональная обязанность. Народ, так выразимся, позволяет нам, деятелям культуры, празднично жить, дает нам хлеб для пропитания. И мы должны его отбавлять!

— А почему, Анатолий Петрович, сегодня вы выступаете в печати больше как публицист, а не как критик? Только ли потому, что статьи о "современности" прочтет большее количество людей?

— Дело прежде всего в том, что критик — это вы хорошо знаете — не только "товаровед". Товаровед определяет качество товара. Критик — тоже. Но для него разобратся в качестве того или иного произведения — отнюдь не самое главное. Основная задача критики — отталкиваясь от частного, проследить пути духовного развития эпохи. Современной критике эпохи. А сейчас в журналах, о которых прежде всего должна идти речь, никакого литературного процесса нет. Там — публикации! Еще на заре перестройки я говорил, что, конечно, русских писателей — эмигрантов или "запрещенцев" — публиковать надо, но не в ущерб современным русским талантам. Давно замечено: если рукопись прошла в центральном толстом журнале, ее непременно заметят, если же в изда-

тельстве — все, пиши пропало. Для литературного наследия я предложил открыть специальный журнал, но меня не хотели слушать. А теперь те журналы, которые чрезмерно увлеклись эмигрантами, сами на ладан дышат — у них нет больше аудитории. Нет ее, увы, и у нас, критиков. Поэтому сегодня я и пишу в основном публицистику.

— Мне известно, что темы, которые вас интересуют, — самые разнообразные. Это и парламентаризм, и национальное устройство нашего государства, и вопрос о земле... И все же, Анатолий Петрович, какая из них вам представляется сегодня наиболее важной?

— Безусловно, вопрос о земле: он пронизывает русскую историю как советского, так и всех предшествующих периодов. А если брать шире — историю всех цивилизаций, когда-либо бывших на земле. Вопрос о земле неразрывным образом связан с вопросом о власти: у кого есть земля, у того будет и власть; земли всегда не хватало, она одна, ее не прибавить и не убавить. Впрочем, убавить-то как раз и можно. Это еще раз доказал несостоявшийся адвокат, но зато состоявшийся диктатор Владимир Ульянов (Ленин). Еще задолго до октябрьского переворота, на IV съезде РСДРП, стало совершенно очевидно, что Владимир Ленин задумал отдать помещичьи земли крестьянским комитетам, но при дальнейшем развитии революции... отобрать даже надельные земли (!) и передать их государству. Зачем, спросите, это понадобилось Ильичу? Ульянов хорошо понимал, что экономика Европы, в том числе и России, глубоко интегрирована, и Россия является главным поставщиком зерна на европейском рынке, а национализация всей земли позволит установить полную монополию на торговлю зерном, что, в свою очередь, даст в руки государства мощные рычаги для экономического и политического воздействия на обстановку как внутри страны, так и за ее пределами. Манипулируя русским хлебом, Ленин надеялся вызвать и поддержать революцию на Западе, которая укрепит установившийся в России *новый порядок*. Поэтому Ленин так яростно и последовательно отстаивал в своей аграрной политике принцип национализации земли. Интересы же "земледельческого народа" насколько его не волновали — он делал все, чтобы привлечь этот народ на сторону революции, использовать, а потом... Кстати, еще за двадцать лет до Ленина американцы пытались построить в России целую систему складских помещений и элеваторов, чтобы перехватить у русских статью хлебного экспорта и тем самым установить свой контроль над всем европейским рынком. Проамериканские правительственные совет-

ники-коммунисты сумели добиться того, что вот уже почти три десятилетия Россия, по сути дела, инвестирует американских фермеров. Даже развал Советского Союза не обернулся для России трагедией, трагедия для России наступит тогда, когда начнут продавать землю, когда собственником земли станет *неземледелец*.

— А почему это должно произойти?

— Неподготовленная либерализация цен и свободная торговля привели к развалу нашей финансовой системы, ибо из-под налогов ушли основные торговые капиталы и образовавшаяся брешь в бюджете традиционно затыкалась за счет налогоплательщика и производителя. Свободная купля-продажа земли приведет к резкому снижению урожайности; земля будет монополизирована мафиозным капиталом: земледелец станет всего лишь арендатором, способным в лучшем случае прокормить себя, семью да уплатить арендную плату. Необходим длительный мораторий на продажу земли — не только затем, чтобы принять целый ряд подготовительных документов, но и претворить их в жизнь, то есть организовать налоговые инспекции, произвести полную инвентаризацию земли, основать государственный и муниципальный земельные фонды (для расселения русской диаспоры и, что тоже очень важно, уволенных в запас офицеров и прапорщиков), организовать Государственный крестьянский банк и его отделения, уставы которых направляли бы их деятельность исключительно на развитие хозяйств землевладельцев-земледельцев.

Я глубоко убежден: пока крестьянству не развяжут руки, у России не будет будущего. Ее могут спасти только земледельцы-землевладельцы!

— В их числе вы видите и военнослужащих. С чем, скажите, это связано?

— Я не буду сейчас повторять расхожие рассуждения на тему, что военнослужащие — это наиболее организованная, технически грамотная часть нашего общества (хотя это действительно так!). Представители армии для меня — это прежде всего *государственники*, люди с государственным мышлением, которые не сделают ничего такого, что будет во вред России.

Я кончал в свое время суворовское училище, затем военное и могу со всей ответственностью засвидетельствовать: сам уклад армейской жизни вырабатывает в человеке *государственное* мышление. Ничего, в общем-то, не производя, люди в военной форме целиком отдают себя служению Родине, служению Государству. И по тому, как тот или иной человек относится к армии, к военнослужащим, можно легко определить: патриот он или нет, государственник или космополит, для которого понятие "Родина" — лишь пустой звук.

— Анатолий Петрович, раз мы уж заговорили об армии, какая, на ваш взгляд, идеология должна теперь занять в ней место коммунистической?

— Вы знаете, может, кому-то мое мнение покажется странным, но... прочной коммунистической идеологии в армии никогда не было! Те политработники, которые на протяжении последних нескольких лет шельмовались радикальной прессой, были носителями не столько коммунистической, сколько государственной идеологии. Если обратиться к истории, то мы увидим: армии большевистская партия как раз не очень-то и доверяла. Всем доверяла — рабочим, крестьянам, творческой интеллигенции, а вот армии — нет. Вспомните "профилактические" процессы над Блюхером и Тухачевским, двойной, партийный и гэбистский, контроль (деятельность комиссаров и органов ВЧК), назначение на должность министра обороны не профессиональных военнослужащих, а партийных руководителей, например Булганина, Устинова.

Красная Армия была как раз тем институтом, где старые добрые традиции русской армии и России в целом реставрировались наиболее быстро. Такие понятия, как "честь", "доблесть", "Родина", были, что называется, в крови у военнослужащих.

Я глубоко убежден: такое понятие, как "советская армия" (как и "советская литература"), не совсем точно. Правильным будет сказать: российская армия советского периода. От той, старой армии мы, суворовцы, никогда себя не отделяли — выразилось это хотя бы в том, что иначе как кадетами мы себя не называли.

И сегодня, пусть мои чисто профессиональные интересы далеки от проблем армии, я внимательно слежу за тем, что с ней происходит. Вот, скажем, декларировали службу по контракту, другими словами — наемную службу. Дело не только с трудом движется, но добрых плодов вообще пока не предвидится. Почему? Считаю, оглядываясь на историю, что наемная армия — признак отсталости, признак феодализма. Отмена в государствах Европы в XVII—XVIII веках крепостного права и последовавший за этим переход от наемной армии к армии, строящейся по принципу всеобщей воинской обязанности, воспринимались как величайшее достижение демократии.

Очень волнует меня, что российскую армию по-прежнему используют в горячих точках вне пределов своей страны, в Таджикистане, Грузии. Российские солдаты участвуют в самой настоящей войне, где гибнут. В Афганистане стыдливо говорили об "ограниченном контингенте". Ничего себе ограниченный! В любой войне принимает участие "ограниченный контингент". Зачем нам повторять былые ошибки?

Зачем нам нужна эта пресловутая "интернациональная помощь"? Правомерно спросит бывшие республики Союза, которые отрещиваются теперь от слова "братские": "Господа-товарищи, вы сами отделились, добровольно? Так и будьте добры — сами решайте все свои проблемы, не впутывайте в свои кровавые разборки российских парней". Есть хорошая русская пословица — "Что посеешь, то и пожнешь". На поверку выходит — посеяли бурю.

Я не склонен видеть в развале Союза большой трагедии для нашей страны: великая Россия будет всегда! Более того — сравнительно безболезненный развод с бывшими советскими республиками, может быть, даже в чем-то выгоден для нее. Всегда Россия была дойной коровой, кормившей национальные окраины. Да и сейчас к ней тянутся по привычке практически все, даже "незалежная" Украина как присосалась к нефти- и газопроводам, так и не может оторваться, хоть и платит нечем за это "молочко" всей экономики.

— Анатолий Петрович, вопрос последний и традиционный с учетом специфики журнала "На боевом посту": ваши пожелания военнослужащим внутренних войск МВД России.

— Прежде всего хочу сказать, что с огромным уважением отношусь к их нелегкому и очень важному для нашего государства труду. И не только для нашего. Внутренние войска, органы правопорядка, различные спецслужбы, призванные отстаивать внутренние интересы, жизненно необходимы каждому государству. Во все времена. Не понимать этого может или наивный, или же тот, кто заинтересован в расшатывании государственных устоев. Вы наверняка знаете, что накануне революции и в последующие годы слово "жандарм" у нас было крайне одиозным. Но благодаря кому? Интеллигенции, революционной ее части, которая не хотела видеть иных путей выхода из кризиса, нежели революция. Отголоски этого, увы, можно услышать и поныне.

Я, разумеется, не склонен идеализировать наши спецслужбы. Знаю, в их деятельности есть еще определенные просчеты и недостатки, но объясняются они, на мой взгляд, прежде всего теми проблемами, которые должны решаться всем обществом, государством. Правительству, считаю, необходимо проложить органам МВД, в том числе и внутренним войскам, четкий курс: без него армада кораблей, известно, это не флот — табун кораблей! А уж дело солдат и офицеров — четко им следовать. Это первое, что мне хотелось пожелать.

А еще — чтобы на вашем пути было как можно меньше опасностей.

Счастья вам, мира и благополучия. Да хранит вас Бог!

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ публицистический и литературно-художественный журнал Пограничных войск Российской Федерации. О чем он? Разумеется, о пограничниках, об их служении Отечеству, которое во все времена было и остается делом людей исключительного мужества, беспримерной отваги и благородства. Именно такими людьми и являются герои очерков, рассказов, повестей, романов, других материалов, публикуемых на страницах журнала. Поэтому вполне оправдан и даже закономерен читательский интерес к нашему изданию. Во всяком случае, в условиях жесткой конкуренции и переживаемых страной трудностей наш читатель, насколько можно судить по результатам подписки, сделал выбор в пользу "Пограничника".

Весьма интересна и наша биография. Первый номер журнала "Пограничник" увидел свет в 1906 году. Весь дооктябрьский период он выходил как официальный орган штаба Отдельного корпуса пограничной стражи России. В октябре 17-го корпус прекратил свое существование, а с ним и журнал. Но осталась государственная граница и настоятельная необходимость ее надежной охраны, а зачастую и защиты. На смену корпусу пришли Пограничные войска. Возродился и журнал.

Многие годы "Пограничник" был закрытым, узковедомственным журналом, а в 1976 году стал не только открытым, но и обрел статус литературно-художественного издания. На его страницах публиковались произведения М.Шолохова, Г.Маркова, В.Кожевникова, К.Симонова, А.Суркова, Б.Полевого, В.Пикуля и многих других выдающихся писателей, поэтов, критиков и публицистов.

В том же 1976 году "Пограничник" первым среди отечественных периодических изданий побывал в космосе, на борту орбитальной станции "Салют-5". Стало быть, если паче чаяния возникнет необходимость принять под охрану рубежи, скажем, Со-

лнечной системы или Галактики, к освещению жизни и службы космических пограничников наш журнал примерился и морально готов. А пока пограничные отряды шагают по тверди земной, журналистские маршруты наших штатных и нештатных авторов пролегают по тем же дозорным тропам. В первую очередь, разумеется, на самых критических участках границы, в так называемых горячих точках. Их, к сожалению, хватает. Нет недостатка и в проблемах, с которыми приходится сталкиваться нынешним пограничникам.

Кто же сегодня живет без проблем? Какое издание не поднимает их во всей остроте и злободневности?! Тут и проявляется уникальность Пограничных войск. Вот ведь что удивительно: на границе, как, наверное, нигде более, преобладают люди, не сетующие на трудности, а делающие дело и преодолевающие эти трудности. Именно о таких людях и рассказывает наш журнал.

Это явление само по себе достойно как творческого, так и научного исследования. Думаю, не ошибусь, если предположу, что одна из разгадок феномена кроется в давних, уходящих корнями в седую старину традициях Пограничных войск. Именно поэтому историческая тема в журнале была и будет одной

из ведущих. Обращаясь к истокам российской пограничной охраны, к различным периодам ее становления и развития, мы не забываем и так называемую "ближнюю" историю. Не переписываем ее, поскольку она состоит из множества ярких, по-настоящему героических страниц, которые не нуждаются в ретуши или перелицовке, и таит в себе немало загадок, достойных внимания как дотошного исследователя, так и вдумчивого читателя.

Присоединяйтесь к ним!

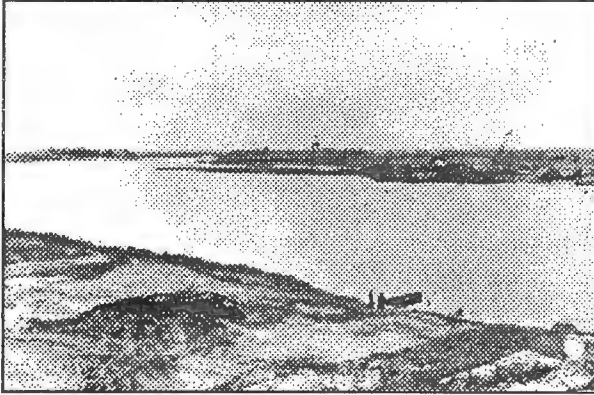
**Главный редактор
журнала "Пограничник"
полковник**

Анатолий МАКСИМОВ.

У нас в гостях —



Станислав ЗОЛОТЦЕВ



МЕЖ ДВУХ ОГНЕЙ

Я УРОЖЕНЕЦ пограничной полосы. Прожив чуть не полвека, сделал для себя это открытие. Но ранее я и не мог его сделать... Сколько раз писательские пути-дороги вели меня к рубежам Союза, сколько раз доводилось писать о ратном труде и жизни застав! Сколько раз перед глазами являлись начертанные на жестяном или деревянном щите вот эти слова, и тревожно-грозные, и торжественно-державные: "ВНИМАНИЕ! ВПЕРЕДИ — ГОСУДАРСТВЕННАЯ ГРАНИЦА!" Видел их и на берегу Аракса, и в Приморье, и на памирских высях, и в карпатских долинах... Но скажи кто еще года четыре назад, что они обожгут мне глаза на моей родной Псковщине — не поверил бы! А вот же она, земля моего детства, и передо мною — новенький, сверкающий щит с этой надписью. Через несколько сотен метров — КПП, пункт таможенного досмотра и проверки. Бетонными блоками разгороженная деревня, которую я знаю чуть не с первых лет жизни своей. Русская деревня... Теперь одна ее половина в Российской Федерации, другая — в Эстонской Республике. Там, впереди, зеленеет лог, пасутся коровы. Чуть дальше и выше — бор, в котором я столько раз собирал грибы и бруснику. За бором кроется село, где живут добрые мои знакомые, крепкая русская семья, — некогда я у них был дружкой, шафером то есть, на свадьбе. И все это теперь — *заграница*. Хочется схватиться за голову и протереть глаза: да не снится ли мне все это в каком-то кошмарном сновидении?!

1.

... Представьте себе, что в доме, в квартире, где вы годами жили-поживали, вдруг ставят на полу у окна пушку среднего калибра и предупреждают: подойдешь к ней — стреляем на поражение! Каково вам будет? Вот так и я воспринимаю явление "граница" на земле детства и юности своей. Многие в этом явлении поражают, попросту в голове не укладывается. Никак, например, не могу совместить в душе и в рассудке вот эти две реальности: святая обитель, гнездо древнеправославного благочестия, где, говоря гумилевской строкой, "тишина и неземной покой", где иноки и старцы молятся за спасение наших душ, Псково-Печорский монастырь, а в полукилометре от него — застава...

"... Еще хорошо, что нам сразу этот барак отдали, — говорит мне начальник заставы под Печорами. — Кое-кому из нашего отряда на других заставах так вообще чуть ли не на голой земле зимовать пришлось..."

"Еще хорошо" — к моему удивлению, эти слова не раз звучали в устах майора Валерия Николаевича Дутова. И не только потому, что он оптимист по натуре. "Еще хорошо, что теперь нас за стрельбу по их машинам не терзают. Вначале-то, в прошлом году, не то что возбранялось — категорически запрещалось. Когда я впервые врезал по машине, которая в обход через кор-

дон прорывалась, то имел потом содержательную беседу со следователем: дескать, как посмел огонь открывать!.."

Граница — и нельзя стрелять по нарушителям? Но на этом новом рубеже жизнь поначалу была полна и не таких чудес, да и теперь не бедна ими. Конечно, есть устав, есть правила и положения, общие для всех частей погранвойск, для любой заставы, будь она на Чукотке или на Карельском перешейке. Но вот в чем загвоздка: российский-эстонский участок границы не просто новый — громадна его специфика, есть великое множество особенностей, отличающих бытие хранителя этого рубежа от службы, скажем, лицом к лицу с Афганистаном. Там — при всей напряженности либо даже многовариантной смертельной опасности — у воина есть все же некая стабильность при выборе своих действий в той или иной критической ситуации. Попросту говоря, он достаточно точно знает, когда можно и нужно применять оружие, а когда надо начальству докладывать и ждать команды. Здесь же, на рубеже с Эстонией, подобного нет, ибо пока нет в международно-правовом отношении оформленной государственной границы. Вот и приходится офицерам, прапорщикам, а порой и солдатам в дозоре действовать на свой страх и риск, полагаясь на чутье. То есть импровизировать. "Но ведь сам понимаешь, — невесело улыбается Дутов, — когда импровизирует не артист и не художник, а вооруженный воин, это не всегда добром может кончиться... Но не в этом главная беда, — продолжает он. — И даже не в том, что многих из наших расположили во всяких подсобках, что у большинства офицеров и прапорщиков не то что квартир — вообще нормального жилья нет. Не в быте главная поруха. На всех заставах — почти полное отсутствие инженерных сооружений, техники, транспорта; что за служба без всего этого?"

Как же так? А вот так... Контрабандисты несутся по шоссе и проселкам не только на КамАЗах, но и на великолепных легковых вездеходах, разумеется, зарубежного производства. У наших же — в лучшем случае разбитый "уазик", ну — мотоцикл на всю заставу. У них — легчайшие импортные рации, у воинов — тяжеловесные передатчики образца 60-х. "Вот они и имеют нас, как хотят". "В эфире?" — спрашиваю. "Ага, пеленгуют нас всюду. Не успею я или кто из наших сообщить, мол, по направлению к такому-то пункту движется их машина — она уже назад поворачивает: услышали, засекли!"

Не громкие слова, поверьте — сущая действительность: граница контролируется только потому, что личный состав буквально выкладывается, охраняя ее линию:

по лесу, по урочищам, по буеракам, по бурелому, через ручьи, по болотам — бегом, бегом, и "лисьим шагом", крадучись, и сидя часами в засаде на холоде, и опять бегом. И ночью то же самое, и без приборов ночного видения, и без других, самых необходимых технических средств. Все — за счет неимоверного напряжения мускулов и нервов... А ведь на прибалтийских заставах, где раньше служили в большинстве своем нынешние псковские пограничники, были и приборы, и машины, и мотоциклы, и БТРы, — там же они и остались. Не спорю, можно с уважением относиться к суверенности соседнего нового государства, но подарки ему надо делать не в ущерб собственной безопасности...

"... Ну а сегодня, например, кого изловил?" — спрашиваю я Дутова (время — за полдень). Отвечает: "Обычное дело, КамАЗ с медью. Внаглую шли, с шоссе на проселок, километра за четыре от КПП. Ну, это какая-то "самодетельность" была, не из крупных мафиози, на шальную удачу рассчитывали, потому и лезли напролом. Били по ним — колеса в лохмотья превратили, только тогда они и встали... А вот вчера были ребята солидные, из известной питерской мафии, у тех документы такие — комар носу не подточит. Якобы БВК везли". До меня не сразу доходит: "Что везли?" "БВК, ну, белок искусственный. И вправду, сверху медь была мешками с ним прикрыта. Помнишь, Рыжкова на Верховном Совете долбали за производство этого белка, еще в советское время..."

Парадокс, но именно после подписания между Россией и Эстонией на высшем уровне Договора о дружбе и сотрудничестве в 1991 году и началась эта самая приграничная и пограничная "страда". 7-я статья сего документа, между прочим, гласит, что обе Стороны обязались: "... запрещать и пресекать деятельность на своих территориях организаций и групп, имеющих целью насильственное уничтожение независимости и суверенной государственности другой Договаривающейся Стороны".

Договорились... И тем же летом, а особенно осенью 91-го, пошла круговерть провокаций со стороны эстонских экстремистских и националистических группировок. И полным ходом пошла та "перекачка" российских товаров и сырья в Балтику, что и привела к нынешней почти ежедневной стрельбе наших пограничников по скатам контрабандистских машин...

"... Этот грабёж, конечно, страшен, — спокойным, но четким, "учительским" голосом излагает свои мысли бывший директор

печорской школы (переданной заставе), волею судеб ставший руководителем приграничного райсовета, Евгений Павлович Семенов, — но есть опасность и похуже. Не верите, так спросите у любого из местных. Наши ведь с эстонцами каждый день общаются: так вот, эти ребята из "Кайтселийта" (военизированная фашиствующая организация эстонских националистов. — С.З.) нашим прямо говорят: если только в России власть дрогнет, слабину даст в вопросе о территориях, мы за час все Причудье Эстонии вернем, до Пскова дойдем!" И ведь не бахвалются, знают, что говорят".

Как бы продолжая эту тему, я напрямую спросил Дутова: так ли это? И смогут ли продержаться пограничники в такой ситуации до подхода псковских десантников? Немного подумав, он ответил: "Дело не только в нас. Даже если они большой вооруженной толпой попрут — задержим. А главное, в отличие от "мирной" обстановки, тут мы вовсе не одиноки будем. Ты ведь сам в прошлом году писал про ополчение, забыл?"

Нет, конечно...

После объявления Эстонией своей независимости в Таллинне был, что называется, "со всей остротой" поставлен вопрос о восстановлении ее территории в границах, определенных Тартуским договором 1920 года. То в один, то в другой совхозный дом, то в одну, то в другую совхозную усадьбу стали заявляться крутые ребята с твердыми предложениями: либо — "коллективно откажитесь от этих земель", либо — "вот тебе, мужик (бабка), никогда не виданная тобой пачка купюр, и сматывайся".

Поэтому жители Печорского района и местностей вокруг Изборска начали вооружаться.

Признаюсь, никогда мне не доводилось видеть в руках мирных жителей, крестьян, рабочих, рыбаков и других сугубо гражданских лиц столько оружия! Чего только не явилось на свет Божий из погребов, тайников и еще невесть откуда, что только не стало вооружением "неформальных" народных отрядов и просто отдельных дворов, хуторов и усадеб, угнездившихся меж сосновыми холмами Причудья. Ассортимент богачеший: разумеется, прежде всего — "калаши", рядом с ними — "тулки", берданки, винтовки Мосина... Трехгранные штыки... Но довелось узреть, разинув рот, и минометы довоенных образцов, и корабельные пулеметы, некогда стоявшие на

пограничных катерах в Чудском озере.

Конечно, сам Бог велел тут быть "шмайссерам" — имечко, знакомое даже детям в бывшем партизанском крае; почти полвека пролежавшие в надежной смазке, эти германские автоматы ничуть не утратили своих убойных качеств (и "цинков", дисков к ним тоже немало обнаружилось). И ППШ, и "макаровы", и ТТ, и опять-таки немецкие вальтеры, и даже изящные дамские пистолетики неизвестно чьего производства... Но что особенно поразило меня: паренек, явно не бывавший нигде за пределами области, показал мне израильский автомат "узи"!

И где это все? У меня на родине, где в былые времена даже при самых убойных раздорах меж соседями, даже когда на престольных или краснокалендарных праздниках стенка на стенку шли, — лишь оглобли да колья из заборов употреблялись в дело...

Почувствовал я и то, что можно выразить есенинскими строками: "Вот так страна! Какого ж я рожна орал в стихах, что я с народом дружен?" Ведь вроде бы хорошо были знакомы и житье-бытье, и нравы земляков, не раз бывал в приозерных окрестностях и в самые последние годы — знал, кажется, что у мужиков есть и в душе, и в подполье, но чтоб такое...

А я ведь далеко не все из увиденного "арсенала" перечислил. Там были и такие огнестрельные вещицы, коим ни один знаток не смог бы дать точного названия. Не говоря уже о громадном множестве холодного оружия: от старинных сабель и шпаг до десантных кинжалов; но видел я и кавказские "сувениры" с серебряной насечкой — тоже своего рода трофеи, взятые, а может, и купленные у сыновей южных гор, что шабашничают и торгуют теперь у нас. Словом, многое потрясло. Оружие о п о л ч е н и я народного...

Так что прав Дутов: в критический час (не дай Бог ему стрястись!) псковские пограничники будут стоять заедино с местными жителями.

2.

Напомню, кого и что разделяет эта граница. Не только два государства, Россию и Эстонию.

Она разделяет Печорский район и несколько уездов эстонского Причудья. Она отделила жителей Псковской области от жителей тех земель, которые были связаны с нею, можно сказать, единой кровеносной системой. Она разделила десятки тысяч людей, находившихся меж собою в деловых, учебных, дружеских и родствен-

ных отношениях. Сын не может навестить мать, брат не может приехать к брату. Что приехать! — прийти, отшагать километр: на полпути — граница. "Разрезали по живому" — это на устах у всех.

Вот почему пограничники оказались здесь не всем по нраву и не всюду ко двору.

"... Ну так что же с этим КаМАЗом, где сверху был белок, — взяли вы?" — спрашиваю начальника печорской заставы. "Этих-то взяли без стрельбы, — отвечает Дутов. — Они хоть и крутые, но, видно, через нас в первый раз шли, на "зеленые" рассчитывали..." Я поднимаю брови: "Купить вас хотели?" Дутов хмыкает: "А то как же!" Я поднимаю брови еще выше: "И сколько?" — "Да не крупно, баксов семьсот, ну, до тысячи... Обычно-то крупные мафиози заранее пытаются со мной договориться". Не без колебаний задаю еще один вопрос: "И какой максимум?" — "Один раз 25 тысяч предлагали..."

Так отвечает начальник заставы, размещающейся в деревянном двухэтажном бараке, сидя за обшарпанным, ветхим столом... Пауза. Обдумываю, как тактичнее спросить о самом болезненном. "Ну и какова твоя реакция?" Вместо ответа — взгляд, в котором горечь и усталая улыбка смешаны с презрением к вопросу.

... С того и зародилось мое решение писать о новой границе, что прошлой весной, едучи из отчего дома поездом Псков—Москва, оказался в одном купе с совсем молодым еще пареньком. Как это часто бывает на Руси, в пути разговорились по душам, выяснилось: он — лейтенант-пограничник, везет жену с ребенком к ее родителям. "В брошенной избе живем, от заставы 10 кмзэ. Там зимовали-бедовали, пусть хоть немного в человеческих условиях побудут..." И вот этот бедолага признался: ему каждый день ворье с накладными и без оных предлагает такую сумму в "зеленых" — лет пять по нашим меркам можно было бы жить безбедно. И, как бы предвосхищая мой вопрос, тихо добавил, кивнув в сторону спящего дитяти: "Вырастет — как я ему в глаза буду смотреть после того, если хапну..."

Ей-Богу, хоть и не просто проело меня безверье, но как-то постепенно в нарастающей "рыночной" круговерти городских юных лиц проникает в душу ощущение, что такие откровения сегодня можно встретить лишь в книжках бывшего, советского времени. Ан нет!

"...Хотя, конечно, исключительно редко, но бывают у нас с э т и м прорехи, — продолжает свои суждения на щекотливую "материальную" тему все тот же Дутов, угощая меня эстонской дивной минералкой

"Вярска". — Молодые солдатики иногда слабину дают, соблазняются... Что поделять, до службы на них каждый день с телеэкрана лавина рушилась, — "деньги, деньги, мани, мани!..." Ну а кто постарше, офицеры, прапорщики — тут разговор другой. Тут еще советское воспитание работает".

Я удивляюсь: "Советское?"

"Ну да, а какое же еще? Ведь все мы, как классик сказал, из родной шинели вышли. Из советской. Я иным уже быть не могу... Сам посуди, я в Казахстане родился, вырос там. Служил в Приморье, потом опять дома, Алма-Атинское училище окончил. Потом — опять Россия, и больше всего, почти 8 лет, в Кунде, есть такой эстонский городочек на Балтике. И, скажу тебе, эстонцы к нам до последних дней очень хорошо относились, дай Бог, чтоб здесь такое же отношение к нам наладилось. Мы там им во всем помогли, они нам тоже. Знаешь, друзей у меня там осталось больше, чем где бы то ни было... Так что действительно для меня родина по-прежнему — весь бывший Союз. Кое-кто сейчас из твоих коллег, из пишущих, смеется над словом "интернационалист", ну а я — по-настоящему интернационалист. Да, и советский. Конечно, русский, российский, понимаю: теперь тут наш рубеж... Но ведь мне ни тело, ни душу не сменить, от всего, что было мне дорого, не отказаться..."

Вот здесь мой новый добрый знакомец выразил, быть может, самую суть происходящего. Я спрашивал других, в тот приезд на заставу и позже. Нравится это кому-то из читателей или нет, хорошо это или не очень, но это факт. Кадровые воины границы, даже самые молодые, остаются на сегодняшний день людьми именно с таким мироощущением; избегаю слова "мировоззрение", тут дело более сложное — "марксистами-ленинцами" из них вряд ли можно кого назвать. Но мироощущение — ощущение того, что мир, ими защищаемый, что Родина, рубежи которой они охраняют, не в рамках Российской Федерации умещается — мироощущение их остается державным, коренящимся в воспитании, данном им советским временем.

Хотя не у всех, конечно, что там говорить.

... Эстонский паренек на импровизированном базарчике в Пскове сидит под большим куском картона. Еще недавно прибалты-перекупщики на таких кусках писали: "Куплю медь!" или иные призывы о цветметаллах вплоть до золота. У этого паренька на картоне надпись, чаще других теперь встречающаяся на псковских рын-

как: "Куплю лисички!" Да-да, они, родимые, лисички, желтовато-рыжеватенькие грибочки, закусочка наша исконно-заветная — аж за доллары теперь идут из рук псковских грибников. Причина международного успеха лисичек проста: они менее всех прочих грибов аккумулируют в себе как радиацию, так и прочую дрянь вроде нитратов и пестицидов. Но, конечно, не стал бы грибной промысел на Псковщине валютным, если б из Таллинна сей дар лесной прямым воздушным путем не доставляли бы в западные столицы.

Мне удалось разговорить юного эстонца (он сидел в студенческой фуражке — Тартуский университет, некоторые его профессора — друзья моих студенческих лет), и я как бы между прочим спросил его: "А как же таможня? Не боишься?" Ухмыляясь, паренек ответил: "КПП для дураков и сверхбогачей. У меня уже давно свои "окна" на границе есть, и "сусанинцев" ваших сколько угодно!"

Обидно за Сусанина.

Ведь костромской старик недругов завел в дебри и погубил. Простим прибалтам слабое знание русской истории, но именно так, "сусанинцами", стали звать они тех жителей псковской сельщины, что оказались надежными проводниками контрабандистов через границу, идущую по трясинам, лесным чащобам и речным излучкам. Немало у нас появилось на селе людей, которых называть крестьянами язык не повернется: бичи, люмпены, да и только; что там за доллары — за несколько бутылок "зеленого змия" они ведут нагруженных прибалтов через "окна". Десятилетия издевательств над "неперспективными" деревнями плюс "перестроечная" лихорадка сделали свое черное дело... Но "сусанинский" промысел расцвел не только из-за этой люмпенизации: уже не секрет, что и кое-какие местные "властные структуры" причастны к нему...

Вот один из ответов на вопрос, почему пограничники очень часто чувствуют себя неуютно в местах новой дислокации. На родной земле... Подчас — как бы меж двух огней.

"Если б только меж двух! — громко вздыхает Дутов. — Да, это верно, чувствуешь себя под несколькими прицелами сразу. И на каждого из нас, офицеров и прапорщиков, "карточка" заведена у мафиози. Когда киришская мафия на меня выходит по телефону, так даже здоровьем жены интересуется, по имени-отчеству ее величают. Правда, и я их всех до потрохов знаю, и главарей, и основных подручных. В Киришах — супермафия, по цветметаллам работающая, эти ребятки могут в кабаке спокойно несколько "лимонов" выложить, но

ведут очень спортивный образ жизни... И ведь я точно знаю: "зонтики" у них, прикрытие, покровители — на самых верхах, потому они так уверенно и нагло действуют... Вот так и стоим на страже, — продолжает он. — Единственное, чем вдоволь обеспечен, так это автоматами и патронами. И то слава Богу... А прочее — GSM например — лучше не спрашивай. Вон, сам видишь, сейф у меня — стыдно смотреть... Под прицелом нищеты живем, вот что печально. С местной властью, это верно, отношения не лучше. Вот уже три дня у нас в этом "дворце" деревянном воды нет, солдаты из колонки качают. Местный водоканал отключил — за неуплату. И электричество грозит отключить по той же причине. А ведь не я им плачу, финчасть отряда платит, а там денег нет... Можно подумать, мы здесь — обычные жители. Каково было бы, если б я заявил: не дадите воду — не будем охранять границу, а?!"

Знаю: это всего лишь грустная шутка. Не скажет так никогда ни этот майор, потомок казаков Семиречья, ни один пограничник вообще. Это было бы — *предательство*. Вещь, несовместимая с понятием "граница".

Но, черт побери, думается мне, ведь эти войны каждый день спасают для родного государства ценности на десятки, если не на сотни миллионов рублей! И ни копейки, никаких "премиальных"...

... Ах, до чего же хорошо, как же вкусна эстонская минералочка "Вярска"! Теперь меня ею угощает руководитель Печорского района Е.П.Семенов.

"Поймите, — убеждает он меня спокойно-весомым голосом, — мы делаем для пограничников все, что можем. И даже более того. Но ведь выше головы нам не прыгнуть. Ведь все, что мы делаем для них, — за счет местного бюджета. Вот квартиры офицерам, тому же начальнику заставы печорской: их же наши печоряне не получили, кто ждал их не год и не два... Но бюджет наш — одни слезы, никакие расходы на обустройство границы или таможенной службы в нем не предусмотрены, денег на сие государство не отпускает!"

Верю. Не могу не верить вчерашнему директору районной школы. Он принадлежит к честнейшему слою людей, с детства мне знакомому и кровно родному, — к провинциальной русской интеллигенции. Он сам мучился этой нищетой. Он и сам — "меж двух огней".

На звоннице Свято-Успенского собора в Печорской обители ударил колокол — время вечерни. По ком он звонит сегодня?..

"Это еще хорошо, — слышу я любимое выражение Дутова, — что нам сегодняя зарплату за позапрошлый месяц выдали. А то как-то скучновато было... Теперь бы сушилку хорошую для солдат устроить, а то скоро дожди начнутся осенние, а обсушиться им после дозора по-настоящему негде..."

Много ли надо воину русскому? Не так уж много, а главное — чтобы его не предавали и не унижали те, кому он служит.

3.

— Красотища-то какая!

Не странно, что это восклицание вырвалось у меня, когда я оказался на верхней площадке наблюдательной вышки: очень уж редко в последнее время выпадает случай видеть сельский пейзаж с высоты — да еще самой что ни на есть золотой осенью. Но почти одновременно со мной те же самые слова выдохнул из себя начальник заставы старший лейтенант Алексей Баранов; а уж ему-то приходится взбираться на вышку достаточно регулярно.

Я смотрю на солдатика, который иногда чуть пожевывается и постукивает сапогами по деревянному настилу смотровой площадки: день-то все-таки зябкий. "Не скучно тут?" — "Не, тут не соскучишься, — с ненаигранной бодростью отвечает этот мальчик в шинели и, вдруг прищурившись, говорит командиру: — А вон наша нарушительница домой пошла!" Я прослеживаю траекторию его взгляда, гляжу на поле, где летом росла рожь: в набухающих серовато-синеватых сумерках различаю лишь яркое движущееся пятно. По совету Баранова заглядываю в два стеклянных глаза стереотрубы. По стерне, по тропинке, по траве на меже медленно идет женщина в длинном красном плаще. Молодая женщина с длинными золотистыми волосами, — кажется, она не ступает — плывет, либо неспешно пролетает, чуть оторвавшись от желто-рыже-золотой земли на багряно-красных крыльях плаща и ослепительно-лунных крыльях густых волос...

"Алексей Владимирович, — обращаюсь я к старшему лейтенанту, — вам не кажется, что наш с вами общий воинский долг — немедленно задержать эту нарушительницу?" Старший лейтенант в знак согласия весело кивает, но, как мне кажется, с легким вздохом косится вниз, в сторону села Лазарево, где в половинке одного из коттеджей обитает его семья — юная жена и крохотный малыш...

Начальнику заставы "Лазарево" Алексею Баранову 27 лет, и служит он уже четыре

года, из них два — на Псковщине. До "Лазарево" вкушал прелести младенческого состояния границы на озерном берегу, замом, — "та еще была обстановочка", по его словам: в старой баньке "штаб" располагался, а уж остальные...

Эта застава, которую он возглавил сейчас, относится к числу "глухих", в том смысле, что через ее участок не идут никакие большие дороги — только несколько просек.

Определение "глухая" по отношению к заставе "Лазарево" — вовсе не синоним слова "тихая". "Какое там! — усмехается Баранов. — Это сейчас, как дожди пошли, да еще, конечно, из-за того, что пятикилометровую погранполосу ввели, контрабандисты притихли: сегодня, например, да и вчера — спокойствие. А еще месяц назад мы тут все крутились как сумасшедшие: были недели, когда я дома не появлялся, хоть он и рядом. Мафиози, конечно, хитры, но и мы не лыком шиты. Видите — впереди ров на дороге..."

Баранов, помолчав, рассказал, как на этом самом поле дней двадцать назад был задержан "Урал" с листовой медью. "По наводке одного из местных он тут несся, через поле. А наша засада вон в тех кустах, в ольшанике сидела. Всего в двух шагах от эстонской территории. И наперерез их машине мы выпустили одного нашего, он с Кавказа родом, с большими черными усами, и в джинсовку мы его одели. Они его за своего и приняли, тормознули, думая, что уже все, через миг — в Эстонию. И кричат ему: "Рустам, это ты?" А он: "Я!" — и на мушку шофера берет. Тут и наши подоспели из кустов... Ну, ладно, это все дело прошлое, вон, смотрите: красавицато эта уже у своего дома!"

Я смотрю: да, молодайка с золотистыми волосами и в ярко-багряном плаще уже подходит к темнеющему дому хутора. Эстонского хутора...

"Нет, это русская женщина, — говорит Алексей Баранов. — Просто их дом там оказался..."

Прекрасная русская златоволосая женщина в красном одеянии медленно идет по русскому полю к своему дому. К русской избе, оказавшейся за рубежом.

А мы — я и молодой начальник пограничной заставы — стоим на российской земле.

Лето—осень 1993 г.
Псков—Москва.

Фото Г.БИБИКА.

НА НОВЫХ РУБЕЖАХ

Николай МАЗУРЕНКО



БЫТЬ МОЖЕТ, ЗА ХРЕБТОМ КАВКАЗА...

2 июня 1993 года. Исполняющий обязанности старшего на аэродроме Закавказского пограничного округа в городе Тбилиси подполковник Михаил Калинин с утра предупредил ожидающих: ранее обещанного "борта" на Ставрополь не будет. Но народ на летном поле собрался бывалый — на военных самолетах все налетали не одну тысячу километров, поэтому на командирский прогноз никто и ухом не повел. Ни одна машина, груженная домашним скарбом перебирающихся к новому месту службы офицерских семей (пограничный округ передислоцируется в Ставрополье), не выехала за ворота части. Женщины, томящиеся под взошедшим в зенит тифлисским солнцем, не проронили капризного слова. Мне, чей путь лежал еще дальше — через Ставрополь в Москву, тоже оставалось только терпеливо ждать, предаваясь воспоминаниям и философии, которая, по мысли Ларошфуко, "торжествует над всеми горестями прошлого и будущего".

Горести прошлого

Говорят, из блатного мира пришла к нам мудрость: "Нашел — не радуйся, потерял — не плачь!". И хотя на самом деле эта истина восходит к ветхозаветному Екклесиасту, в летнем Тбилиси девяносто третьего она лучше воспринималась со ссылкой на уголовные источники. Понятно почему: на машины с российскими солдатами и автобусы с офицерскими детьми на здешних дорогах нападали не библейские мытари, а сбившиеся в банды грузинские мужики-"гвардейцы". У каждого лидера — свои гвардейцы. Никто ни за кого не отвечает, многие воюют друг с другом на протяжении трех последних лет. Небритый уголовник, стреляющий в спину российскому солдату, называет себя гвардейцем и борцом за независимость. Общациональный лидер делает скорбное лицо, смело называет гвардейцев уголовниками, клятвенно обещает поймать убийц наших солдат, но не ловит даже карманников на

сабурталинском рынке. На языке международных документов это называется политической нестабильностью. Один из ее атрибутов — эти самые "гвардейцы". В метро, на рынках, на дорогах... Что тут скажешь? Хорошо устроились, сукины дети! При оружии, часто пьяные, без знаков различия, без командиров, "гвардейцы" нередко и состоят из настоящих уголовников. Такие "свобода и независимость", какие теперь наступили в Грузии, нужны им как воздух.

22 января 1993 года их жертвами стали сразу два российских пограничника — рядовые Александр Голоскоков и Сергей Кокоркин. В сообщении ИТАР-ТАСС о нападении грузинских боевиков наша часть была названа "базой российских Погранвойск". Для гражданского слуха это звучит почти как "база ВМС Соединенных Штатов Перл-Харбор". На самом же деле речь шла о небольшом клочке земли за невысоким забором. Маленький плац, казарма, автопарк на двадцать машин и площадка с крытыми строениями. На будничном языке пограничников все это называется "склады".

22 января девяносто третьего года из этих ворот выходила женщина — служащая части. Дневальный по КПП отпер ей дверь, и она сделала шаг вперед. Сильный удар сбил ее с ног. Перепрыгивая через упавшую женщину, оглушив дневального, на территорию части ворвались десять автоматчиков в трехцветных камуфляжах "беркут" (кстати сказать, последняя модель, в воинских частях СНГ до сих пор в дефиците и считается наиболее престижной). Дежурный по КПП сержант Р. Караев в соответствии с действовавшей в части инструкцией нес службу без оружия. Он и весь состав КПП были тотчас схвачены, ворота открыты. На плац въехали два КамАЗа и два "Урала", наполненные боевиками. Они взяли в заложники находившуюся неподалеку от КПП группу женщин и военнослужащих, навели на них оружие. Основная часть нападавших бросилась к зданию казармы. Чтобы не рисковать жизнями заложников, командование части от сопротивления отказалось. Однако нападавшим этого было мало. Они торопились завладеть оружием, хранившимся в ружкомнате, найти которую им никак не удавалось. Бандиты ворвались в помещение окружного ансамбля песни и пляски, расположенное на верхнем этаже солдатского общежития. Здесь, в хоровом классе, они застали рядового Александра Голоскокова, артиста ансамбля, и нескольких его товарищей и потребовали у них ключи от находившегося в комнате несгораемого шкафа. Но в шкафу хранились только ноты. Пришедшие в ярость бандиты схватили Александра и приказали проводить их в ружкомнату. Он вышел вместе с ними. Дальнейшему нет свидетелей. По-видимому, Александр оказался плохим проводни-

ком. С русскими мужиками это бывает: в критический момент в лучших из нас просыпаются гены Ивана Сусанина, а не гетмана Мазепы. Наверное, поэтому выстрел грянул где-то на боковой лестнице, в стороне от ружкомнаты. Автомат был направлен в бок, в упор...

Рядовой Сергей Кокоркин, когда бандиты вломилась-таки в ружкомнату, находился поблизости. Он тоже вошел туда, быстро взял из пирамиды автомат, присоединил магазин и даже успел передернуть затвор...

Бандиты слишком торопились. Им даже некогда было ждать, пока командование успеет оповестить личный состав о принятом решении сдать оружие без боя. И, верные воинскому долгу и присяге, солдаты сопротивлялись. Бессмысленно, бесполезно и... героически.

После того случая Эдуард Амвросиевич впервые назвал гвардейцев уголовниками. Нет, не в том смысле, конечно, что гвардейцы — уголовники. Вовсе нет. Он сказал, что на российских пограничников напали уголовники, а совсем не национальные гвардейцы. И еще он сказал, что они в ближайшее время будут схвачены и преданы суду. Прошел целый год, уголовные гвардейцы в Грузии за это время еще не раз нападали на пограничников, но ни один преступник так и не предан суду. Между тем, как и просил Шеварднадзе, российские пограничники остаются охранять границы совершенно независимой республики до конца 1994 года. Соглашение об этом было достигнуто на российско-грузинских переговорах, которые велись как раз в январе прошлого года, в дни, когда мы простились с погибшими товарищами — Сашей и Сережей. Перед тем как навеки забить их в сосновые ящики, за одну ночь сработанные в складской подсобке, мы оплакивали их в том самом хоровом классе, где сослуживцы последний раз видели живым Александра Голоскокова. Скорбь застывала в сердцах, пугающе застылав в граненых стаканах поминальный кисель, пригубив который, нам, живым, предстояло символически приобщиться к таинству смерти. А таинство это, лишнее присутствие мирному времени траурной атрибутики, прикрывающей его неотвратимо жестокое естество гирляндами и венками, было поистине ужасным. Среди музыкальных инструментов — два обитых кумачом гроба на серых казарменных табуретках. В изголовьях горят свечи, воткнутые в стаканы с пшеном. Чтоб приподнять огонь и осветить лица — такие молодые! — под стаканы со свечами подложены стопы потных папок. Тех самых, в которых в поисках оружия рылись убийцы. Ничто тут не ждало смерти, ничто не предназначалось для нее, но все на скорую руку пришлось приспособить к ней, раз уж она пришла...

На траурном митинге женщины рыдали в

голос, а с лица стоявшего рядом совсем юного солдата не сходило выражение испуга: так долго и беззвучно был приоткрыт рот, так силились понять увиденное нежные серые глаза...

"Силились понять"... Написал так и подумал: может, кому послышится в этой фразе насмешка — мол, чего тут понимать, смерть, она и есть смерть. Но нет тут никакой насмешки — я и сам действительно не понимаю. В чьей-то судьбе без всяких объяснимых оснований на полуслове поставили свинцовую точку — к чему, зачем? Саша Голоскоков не был расписан с девушкой, которую любил до беспамятства. У них осталась десятимесячная дочь — она родилась, когда Саша уже служил в Закавказье. Об этой девочке, как рассказал мне артист ансамбля Олег Смирнов, Саша все уши прожужжал сослуживцам: в отпуске он успел побывать, дочку на руках подержал. Один только раз подержал — и не подержит больше никогда. Я стоял тогда у гроба и думал о том, что на месте Саши или Сергея мог оказаться любой российский пограничник. На выбор. Пуля могла быть пущена, к примеру, вот в этого молоденького солдата с серыми глазами. Или в меня...

Еще мгновение — и из ворот уедет к самолету мятый грузовик. Еще мгновение — солдаты строем уйдут на обед, а женщины, отплавав, — к детям. Тбилисский ветерок осушит слезы, и вернутся к ним спасительные заботы — о продуктах, ценах... О том, где ж жить-то, когда мужей переведут служить в Россию. Еще одно, последнее мгновение — и грузовик тронется, самолет взлетит, женщины выйдут из ворот... Только горе останется.

Цинизм политики — и горе человека. Безвыходная тема. Соединение разных языков рождает лишь убогий эсперанто, пересечение этих тем — убогий морализм, бесильный повелевать властям или утешить жертву. И все ж как не сказать? Как не напомнить тем, кто уверял, что произошедшее год назад в Тбилиси нападение грузинских боевиков на "базу российских Погранвойск" было "спланированной провокацией, приуроченной к российско-грузинским переговорам и имевшей целью сорвать их", одно неудобное обстоятельство: аналогичные "провокации" следовали одна за другой и в дни, с переговорами никак не связанные. Причем с меньшей интенсивностью как до переговоров, так и после. По горькой иронии, за пять минут до своей трагической гибели Александр Голоскоков, сидя в хоровом классе, писал не что иное, как объяснительную записку о подробностях предыдущего бандитского нападения на часть подполковника В.Азимова, имевшего место 16 января прошлого года.

Полномочный представитель России в Тбилиси получил поручение передать

официальную ноту протеста правительству Грузии. После чего были получены (тоже, между прочим, еле удалось добыться) официальные соболезнования... Эх, все бы вам дипломатические ужимки, господа, все бы вам ноты, ноты... По таким "нотам" сколько похоронных маршей сыграно в русских селах! Уж лучше, право слово, в гербовую бумагу селедку заворачивать, чем писать на ней, как потом выясняется, ничего не значащие слова...

После траурного митинга я покидал часть подполковника В.Азимова через тщательно охраняемый КПП. В дежурном помещении лежала приготовленная к отправке пачка солдатских писем. Адрес на верхнем конверте задержал внимание своей необычностью — просто "В Россию". В графе "кому" значилась одна фамилия: "Яровым". Внизу — необычно детская подпись: "Яровой Димка". Мне почему-то и сейчас кажется, что написать так мог именно тот, стоявший со мной у гроба молоденький солдат — испуганный, с нежными серыми глазами. Год назад я написал об этом статью в окружной газете и закончил ее словами: "Счастливо тебе вернуться в нашу Россию, Яровой Димка! Всем вам, российские "зеленые фуражки", счастливо вернуться домой!"

И вот свершилось: плановый вывод российских пограничников из Грузии начался. Людям, которые оказались вместе со мной на летном поле 12 июня, до России оставалось совсем немного — еще чуть-чуть, и можно "до Родины дотронуться рукой!". Но не пришел обещанный самолет, и каждый, как и я, думает о своем. Но надежда у всех общая — только на окружную авиацию. Она первая перебазировалась в Россию и помогает перебираться остальным.

К полудню на крыльце штабного здания появился Калинин. Несколько смущенно, но вполне довольно улыбаясь, сообщил: "Обстановка изменилась. Летит ваш "борт". Через Ереван на Тбилиси идет, в четырнадцать часов будет здесь, в шестнадцать на Ставрополь пойдет. Молодцы, однако, что не разъехались!"

"Нашел — не радуйся, потерял — не плачь!" — философски напомнил подполковник Владимир Петров, редактор окружной газеты "На рубежах Родины". И оказался прав. Радоваться было преждевременно. Самолет из-за разгрузочных работ задержался в Ереване, прибыл только вечером, и рейс на Ставрополь был отложен до завтра. Известие об этом поступило ближе к ночи.

Утром следующего дня "ушастый" Ан-72 с короткого разбега оттолкнулся от грузинской земли, подняв над ее скорбями домашнюю утварь четырех пограничных семей, с десятком солдат и дюжину командированных офицеров. Через час лету, укутанный мокрым туманом, под нами потянулся Кавказский хребет — бесконечная

спина черного динозавра, вдоль которой змеилась и сияла на солнце льдистая хорда вековых снегов. И подполковник Петров подмигивал спутникам и потирал ладони, повторяя: "Давай-давай! Подальше от хребта, подальше! Дальше! Да-а-альше!" И, будто отзываясь на призыв, вырвавшийся из недр души русского офицера, два навесных мотора "Аннушки" натужно добавляли ход, унося нас от бед. Какое счастье отдалиться от них хоть на время, хотя на семь дней служебной командировки. В Тбилиси у Петрова снова осталась без присмотра уже дважды взломанная и ограбленная квартира. Любый "гвардеец" мог вломиться туда со своим "святым семейством", как это уже не раз бывало с нашими пограничниками: "Или уберите, или будем жить вместе — вот ордер!" Но как далеко, в самый дальний угол сознания, сейчас загнана тревога, как блаженно улыбается Владимирч: "В Ставрополе, говорят, та-а-акое пиво!" И десять командированных дружно кивают головами, одинаково потирают руки подмигивают друг другу. Но видит Бог, как в глубине души они сомневаются, что успеют пропустить по кружке. Разве что на ходу, между сороковым и пятидесятым пунктом командировочного задания.

Трудности настоящего

О том, что подо все нужды передислоцированной из Тбилиси в Ставрополье авиационной части пока выделено только одно здание, я знал. Знал и о том, что это здание — бывший ЛТП (что такое лечебно-трудовой профилакторий, советскому человеку объяснять не надо). Однако лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Дежурный офицер, которому я представился, пришел в растерянность от просьбы разрешить мне переночевать в части. И только после того как сам полковник Николай Васильевич Базыль тщательно изучил мое корреспондентское удостоверение, меня поручили заботам начальника тыла майора Голубева.

— Где ж тебя разместить, братец? — недоуменно развел руками Игорь Евгеньевич. — Нам самим-то жить негде. Ну что ж, поймаем поищем.

И мы пошли по тускло освещенной лестнице.

— На первом этаже у нас штаб, — повествовал провожатый, — второй не оборудован, третий, четвертый и пятый — жилые. Вот их и посмотрим. Только свободных коек у нас, брат, нет. Вот, дружок, зайдем сюда, это по дороге, поглядишь, что у нас в туалете делается. Он один на весь этаж — мужской, он же и женский. В общежитии сейчас живет тридцать семей. Это меньше, чем одна пятая от тех, которые должны еще сюда въехать. Как ты думаешь, хорошо им тут? То-то, брат. А вот

и кухонька — тоже единственная на этаже. Зайдем, а? — и офицер легонько подтолкнул меня к двери.

— Вот, товарищи женщины, извольте видеть, корреспондент из Москвы к нам приехал, желает посмотреть, как мы поживаем. Вы ему не расскажете?

Гвалт голосов был неостановим: цены, зарплата, очередь на жилье, две неисправные газовые плиты из четырех, установленных на кухне... — все это обрушилось на меня за нескромное желание переночевать в воинской части. И когда мы вышли из кухни, в которой, несмотря на хаос переезда, пахло уютом человеческого жилья — клубничным вареньем и борщом, — голова моя шла кругом.

В пустой комнате мы сидели на сломанной кровати. Два офицера — сам Голубев и начальник вещевого службы капитан Владимир Безлюдин — больше не иллюстрировали жизнь своих сослуживцев демонстрацией коммунальной кухни. Они говорили только о цифрах.

— Строительство одного квадратного метра жилья в городе, по состоянию на июнь 1993 года, стоит 76 тысяч рублей. Средняя площадь квартиры — 45 метров. Да, конечно, на строительство дома для военнослужащих выделены денежные средства. Но местная администрация предлагает просто грабительские условия: земля и разрешение на застройку будут выданы только в том случае, если в многоквартирном доме, построенном на средства пограничного округа, 10 квартир будет отдано администрации района, 10 — организации, выделившей земельный участок, 7 — безвозмездно строителям и еще 10 — тоже строителям, но на условиях долевого участия, — горячился Голубев. — И это при том, что наши деньги тают на глазах. В январе один кирпич стоил 22 рубля, в апреле — уже 44. Сколько он будет стоить к январю следующего года, когда выйдет твоя статья, не скажет ни Бог, ни царь и ни герой. СПМК-11, которая подрядилась ремонтировать для нас здание бывшего ЛТП, — организация маленькая, она может выполнить заказанные работы только в долговременной перспективе и при условии поквартальной оплаты. Вперед они денег не берут. Декабрь, февраль, март и апрель — четыре месяца ушли на ремонт третьего этажа. Освоено 8 миллионов рублей капиталовложений. Но на завершение ремонта первого этажа, как показывают расчеты, не хватит ровно 6 миллионов. Они съедены инфляцией. По ценам начала года — хватило бы. Но не было подрядчика. А теперь что делать — голова пухнет... В части 30 детей дошкольного возраста, а район обещает выделить только 20 мест в детском садике. И то еще только обещает...

— Потому многие женщины, особенно молодые, и не хотят ехать сюда к мужьям, — вступил в разговор капитан Безлюдин.

— Рассчитывают самое трудное время переждать где-нибудь у родителей. Хотя комнаты в общежитии в первую очередь выделяют семейным офицерам. На холостых, а их в части двадцать пять человек, командование сочло возможным выделить только одну комнату. Разместились в ней пятеро, остальные ищут частные квартиры. Обидно, однако, когда выделяют женатому офицеру комнату, а он от нее отказывается и живет как холостой, потому что жена с детьми уехала к родителям.

— Ну, а разводов-то из-за этого нет? — спрашиваю я.

— Пока, слава Богу, нет. Впрочем, женщин понять можно. Ведь когда на семью из четырех человек дают двенадцатиметровую комнату, когда месяцами нет горячей воды даже на общей кухне, то желание увести детей в более приемлемые условия выглядит оправданным. Ну ладно, заговорили мы тебя, — майор Голубев поднялся с продавленного матраса, — пора и на ночлег устраиваться. Есть у нас тут одна временно пустая комната с кроватью. Не взъищи только — электричества там нет. И постельного белья тоже не дам. И не потому, что ты из Москвы, — улыбнулся майор, — а потому, что просто нету, будь ты хоть брат родной, хоть папуас из Новой Гвинеи. И покормить мне тебя тоже нечем — мы с женой живем без холодильника, и после ужина у нас ничего не остается. Впрочем... Тут в соседней комнате живет женщина, ветеран части. Она у нас двадцать три года прослужила, может, корреспонденту с ней поговорить интересно будет? — и, проходя по коридору, он постучал в чью-то дверь.

Так я познакомился с Фаиной Александровной Болтенковой, бухгалтером производственной службы. Она только что справила новоселье, и в двенадцатиметровой камере ЛТП было по-домашнему уютно: в рядок стояла кухонная мебель, холодильник, нарядно убранная кровать с маленьким ковриком... Только проступающее сквозь свежую краску забитое фанерой смотровое окошко в двери выдавало прежнее назначение помещения. Через пять минут на столе ворковал чайник, хозяйка делала мне бутерброды и рассказывала о жизни. В Тбилиси у нее остался муж, Геннадий Тихонович, подполковник запаса. В прошлом — военный летчик, начальник штаба части. Там у них прекрасная трехкомнатная квартира, полученная еще в 1965 году. Там все обжито, все складно. Теперь мебель предстоит продать за бесценок, а самое необходимое — спасибо пограничной авиации! — вывезти сюда. Да только в комнатушке-то не разгуляешься. Но вот кухонный гарнитур, хоть и тесно ему здесь, она не отдала — женщина она ведь все-таки, хозяйка. Видимо, уже скоро и муж переберется. Ему, как отставнику из "иностранной" армии, грузинские власти платят только 1200 рублей. Так что существовать

там нет никакой возможности. Хочешь не хочешь, а в Россию перебраться надо, здесь офицерам хоть пенсию платить не отказываются. Так ведь и заслужил! По всей стране они с ним — "иностранцы"! — полжизни мотались. Поженились в Ленинанкане (ныне Кумайри) в 1950 году, она тогда после окончания Ивановского химико-технологического техникума в Армении по распределению работала. Теперь у них уже трое внучат, сын и дочка взрослые, с высшим образованием, со своими хорошими семьями. Только вот жить к ним не поедешь — с жильем у детей туго, хотя и зовут. Но Фаина Александровна с Геннадием Тихоновичем решили твердо: самостоятельность терять не станут. Раз судьба такая вышла, будут сызнова все начинать в родной России. Вот в этой комнатухе с прорубленным в двери окном и будут. Сказав так, Фаина Александровна смахнула слезу, но подняла голову таким гордым движением, что я, молодой и сильный, позабывал ее решимости и твердости духа.

К самолету ехали двумя машинами. За рулем нашей сидел молодой офицер — пилот из нашего экипажа. Перед железнодорожным переездом я услышал, как стрекочет звонок шлагбаума, увидел впереди его короткую полосатую руку, перегоревшую полдороги. Тем неожиданней был мягкий, будто ватным рукавом стукнули, удар по лобовому стеклу. Водитель резко затормозил, сдал назад. Подвижно закрепленный в шарнирах, рычаг шлагбаума мерно качался из стороны в сторону. Из будки выбежала дежурная в оранжевом жилете.

— Не выпался, что ли?! — незло прикрикнула она, увидев за рулем летчика в военной форме.

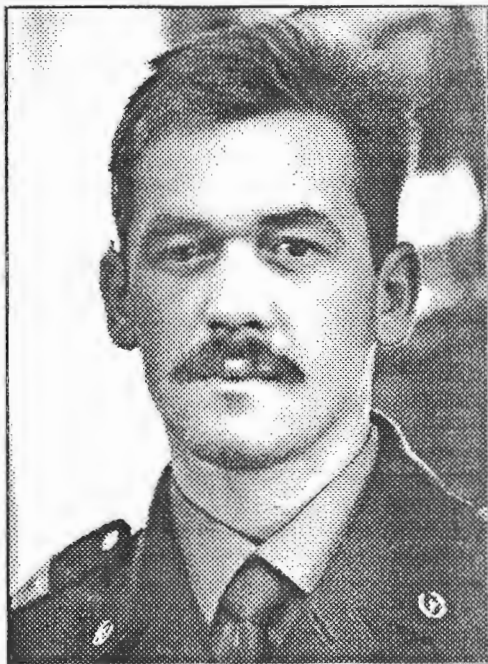
— Извини, мать, солнце навстречу, глаза слепит, — оправдался наш водитель.

... Окружной "борт" в тот день благополучно приземлился в Шереметьево. Пока шасси отстукивали километры посадочной полосы, я думал о том, что недосыпы и вправду пока никак не отражаются на службе военных летчиков, что в части, наверное, и вправду пока нет случаев распада офицерских семей из-за бытовой неустойчивости. Пока нет. Но ведь и то хорошо! Все мы живы этим "пока" и великой надеждой на лучшее будущее. Это будущее изо всех сил стараются приблизить и Базиль, и Петров, и Калинин, ради него в куда как нелегких условиях живут и работают Фаина Александровна Болтенкова, сотни пограничников и их семьи. И даже сегодняшнее, недешево дающееся "пока" существует исключительно благодаря их стойкости. А награду они за нее хотят только одну — обретение собственного достоинства на родной земле.

Твои герои, Россия

Майор В.СОКИРКО

Мужчины не плачут...



В ПОЛУМРАКЕ гостиничного номера я сразу выделил его из четверых постояльцев. Узнал по увиденной накануне фотографии, запечатлевшей молодых улыбающихся парней на крыльце пограничной заставы. 12-й заставы Московского погранотряда. Тогда еще не разрушенной, без уродливых отметин от осколков "эрссов" на белых стенах. Сегодня из трех друзей, позировавших на том снимке, в живых остался он один. "Кто здесь Сергей Евланов?" — спросил я на всякий случай. Навстречу поднялся этот рослый крепыш, с широкой улыбкой и здоровым румянцем во всю щеку. Он мало походил на человека, получившего три месяца назад тяжелое ранение и контузию, — пуля коварно ударила рядом с позвоночником, прошла в нескольких сантиметрах от сердца. В спину не потому, что он показал ее врагам — пограничники держали тогда круговую оборону, и смерть летела со всех сторон.

Готовясь к встрече с сержантом Евлановым, я перечитал практически всё из опубликованного в прессе о трагическом бое на таджикско-афганской границе, начавшемся в ночь на 13 июля 93-го года. Фамилия Евланова мелькала в хронике событий той жестокой схватки особенно часто: вел огонь, бросал гранаты, прикрывал командира. Да и звание Героя Российской Федерации, которым его удостоили, говорило, что пограничник проявил особую смелость

и мужество при защите заставы российских Погранвойск. Хотелось слышать от него самого о том бое, расспросить о владевших им мыслях и чувствах. Сергей сразу разрушил мои планы: "О пережитом рассказывать не буду. Поймите меня правильно..."

В его словах не было позы. Пережить то, что выпало на долю двадцатилетнего парня, ох как непросто. Самое страшное — это когда у тебя на руках умирают друзья, те, с кем еще вчера шутил и смеялся, строил планы на будущее. Каждое напоминание об этом болью отдается в сердце. Душевные раны зарубцовываются гораздо медленнее полученных от пули или осколка. Они остаются на всю жизнь. Зачем тревожить то, что каждую ночь приходит в кошмарных снах, "жжет нам память и мучает совесть, у того — у кого она есть".

"Давай поговорим тогда о тебе, Сергей, вспомним, каким был раньше, как рос и мужал. Пройдем по твоей такой еще короткой биографии до той черты, которая смешала все краски жизни, уступив место одной — черной. Ведь ты не родился сразу героем, не готовил себя к подвигу — был таким же, как и сотни, тысячи сверстников. Однако в минуту опасности сумел проявить лучшие человеческие качества, не о собственной шкуре заботился в бою, а думал в первую очередь о товарищах,

многим из которых сумел спасти жизнь. Где же истоки этого героизма, поднявшие тебя на высшую ступень воинской доблести?" Этот вопрос я не произнес тогда вслух, не понял бы его Сергей из-за высокого стиля, такой оценки своей личности. Не хотелось смущать парня. Спросил проще.

— Рассказать о себе? Что ж, можно, хотя вряд ли это будет кому интересно.

В тот майский погожий день Сережке исполнилось целых семь лет. Возраст, как объявил утром всей семье отец, Александр Федорович, солидный. Теперь, можно сказать, наступает зрелая жизнь.

Сегодня "взрослого человека" взял с собой в "командировку", в рейс, отец, водитель грузовика.

Всю дорогу Сережа добросовестно выполнял свои обязанности — внимательно следил за убегающей вдаль лентой шоссе. В его задачу входило наблюдать за дорожными знаками и предупреждать о них отца. Эх, жаль, что ребята с улицы его сейчас не видят — то-то было бы завидок.

Общими стараниями шофера и "штурмана" доехали они нормально. Зарулили на склад, погрузили какие-то ящики, и Евланов-старший пошел к диспетчеру отмечать накладные. Все бы ничего, но тут в поле зрения младшего Евланова попала какая-то девочка. Красивая такая, с голубыми бантами в длинных косах. На трехколесном велосипеде она разъезжала между машинами, не обращая никакого внимания на яростно сигналившего Сергея. Решив привлечь внимание прекрасной незнакомки иным способом, он открыл дверцу кабины, стал на подножку и... неловко поскользнувшись, плюхнулся на землю. Девочка рассмеялась и уехала. Сереге было больно и обидно. Он не выдержал и заревел во весь голос.

Отец, наблюдавший всю сцену, ощупал руки-ноги незадачливого донжуана и посадил его в кабину — до свадьбы заживет. Слезы продолжали литься из глаз мальчугана, тяжело переживавшего свой конфуз, да и колелка, по правде говоря, сильно ныла от неудачного приземления. И тут Александр Федорович произнес фразу, которая запала в душу Сергея на все последующие годы. Успокаивая сына, отец сказал: "Мужчины не плачут — они огорчаются". Это подействовало. С тех пор он больше ни разу не плакал. Никогда.

Даже тогда, когда душманская пуля, разрывая мышцы, вонзилась в его молодое тело. И когда, выйдя из вертолета уже в отряде, он упал на рифленую "взлетку" от обильной потери крови, в глазах сержанта Евланова не было ни слезинки. В госпита-

ле он тоже не плакал, хотя расхотелись швы и медсестры не успевали менять набухавшие кровью бинты. Ни жалобы, ни стоны. Характер.

Райцентр Варгаши в Курганской области невелик — сорок тысяч жителей. Глубинка, одним словом. Как во всяком небольшом провинциальном городке, люди здесь хорошо знают друг друга если не по имени-отчеству, то в лицо уж точно. И варгашовские парни всегда как-то дружно жили, хотя и делились на разные компании. В одной из таких групп верховодил Серега Евланов. Рослый, не по годам налитой силой, он считался признанным авторитетом среди сверстников. Верховодил в играх, в спорте, в походах в лес и на рыбалку. Ребята тянулись к нему, уважали за справедливость, почитали за силу и ловкость.

Как-то зимой после уроков на катке разгорелась жаркая хоккейная баталия. Решался давний спор: кто лучше играет — пятая школа или первая? Ребята из первой тогда были в ударе и явно давили своих соперников. Женька Кучергин, одноклассник Сергея, метнулся к стоящей неподалеку четырехэтажке, где жили Евлановы. Забежал в квартиру:

— Серега, мы проигрываем, выручай, ты же капитан команды!

Капитан сидел на карантине после ангины, и его хоккейное снаряжение было предусмотрительно заперто родителями в чулане.

— Клюшка и коньки есть? — спросил, скатываясь по лестнице в накинутах на рубашку куртке.

Он вылетел на лед, подобно выпущенному из пращи камню, врезался в самую гущу соперников и тут же забил шайбу, потом еще одну. Победа была обеспечена. Пятая школа ликовала и чествовала своего спасителя. А сам герой, снимая чужие коньки, уже представлял домашние последствия за "самовольную отлучку".

Придя домой, Сергей с повинной головой направился к отцу.

— Ну, и кто же победил? — буркнул Александр Федорович, демонстративно расстегивая ремень.

— Конечно мы. Понимаешь, ребятам без меня не устоять было. Да и выздоровел я давно. — Сын прямо взглянул бате в глаза.

Победителей, как говорится, не судят, хотя за ненадетый свитер и шарф от матери все же влетело — разве понимают женщины что-нибудь в мужской солидарности?

Как-то незаметно летело время, отсчитывая счастливые и беззаботные детские годы. Вот уж позади восемь классов

школы, учеба в профтехучилище на курсе механизаторов широкого профиля (сказалась-таки любовь к технике, перенятая от отца). Сергею уже восемнадцать — призывной возраст.

В военкомате, куда ребят вызвали, они гурьбой столпились у дверей кабинета, где заседала комиссия. Приглушенным шепотом обсуждали, в каких войсках служить лучше, сходились на мнении, что десант, погранцы, ну еще ракетчики достойны внимания. И хотя каждый хорохорился перед друзьями, на душе было тревожно — все-таки на два года придется уехать из дому, да еще неведомо куда.

В распахнувшуюся дверь военкома Сергей шагнул первым — чего выжидать, куда пошлют, туда и пошлют. Пробыл он там недолго, вышел, широко улыбаясь.

— Мужики, в Погранвойсках уже дряют медные трубы для торжественной встречи рядового Евланова. Кто со мной — пропись на границу, вакансии еще имеются.

Из их компании в Пограничные войска взяли многих. Валеру Новикова, Игоря Андреева, Женьку Кучергина, Игоря Яковлева, Сергея Туманова, Ромку Павлова, Пшеничникова Игоря. Ребята все крепкие, спортивные, как на подбор. Перед отправкой эшелона с призывниками на железнодорожном вокзале в Варгашах их набралось человек сорок. Сказали, что повезут на Дальний Восток, на российско-китайскую границу, туда, где когда-то ловил шпионов легендарный Карацупа. Серега все радовался, что служить будут вместе, как ни крути, а земляк в армии — это почти что родственник.

Провожать его пришли многие. Мама с папой, бабушка, сестра Лена с племянником Женькой, ребята знакомые и... Татьяна. Как ни наказывал ей Сергей накануне, чтобы не приходила на вокзал, но в толпе провожающих он разглядел знакомую белую вязаную шапочку. Близко подходить девушка не решалась, хотя хорошо знала всех Евлановых — бывала не раз в гостях. Тамара Васильевна, мама, заметила Таню, помахала рукой, подходи, мол, невестушка, чего стесняешься. Сергей насупился — какая еще невеста, просто хорошая знакомая, но в душе был рад тому, что она пришла. Почитай, всех ребят провожали подруги, что ж, пусть и она подходит.

Тогда на вокзале, когда они отошли в сторону от провожающих и остались наедине, Таня положила руки на такие высокие для нее плечи Сергея, посмотрела своими блестящими то ли от мороза, то ли от подступивших слез глазами в его глаза и прошептала:

— Я буду ждать тебя. Ты только обязательно вернись.

У Сергея защемило в груди, но свойственная юношам "мужская гордость" не позволила снизойти до лирических нежностей:

— Конечно, вернусь. Что ты разревелась, в самом деле, не на войну провожаешь.

Оказалось, на войну. В Целинограде эшелон с призывниками повернул на юг. "Едем в Таджикистан", — коротко объявил сопровождавший их офицер. В это время на таджикско-афганской границе уже гремели выстрелы. Сообщения в газетах напоминали сводки с театра военных действий. На предложение отказаться от такого места службы желающих среди притихших новобранцев не нашлось.

— Зато тепло будет, — попытался пошутить кто-то из ребят.

Отмытых в бане, облаченных в не обмятый еще пограничный камуфляж новобранцев с первого дня стали приобщать к новому укладу жизни. Строевая, кроссы, занятия в спортивном городке — по вечерам ноги гудели от напряжения. Сон казался лишь временным избавлением от этих беспрерывных испытаний на выносливость. Гражданская жизнь кончилась, о ней только сладко вспоминали в короткие минуты отдыха.

Сергею здесь понравилось, хотя и ему было тяжело от подобных нагрузок. Одно дело — в кроссовках пробежать стометровку, совсем другое — отбухать десять километров в тяжелеющих с каждым метром солдатских сапогах. Зато по душе пришелся строгий распорядок дня, размеренный ритм жизни. Честно говоря, он ожидал худшего, настраивая себя на более серьезные испытания. А тут: отбой — подъем, завтрак — обед — ужин. Ну, лопатой пришлось помахать, ну, помаршировать лишний часок. Не в детский же сад попали, в конце концов. В общем, жить можно было.

Через неделю Евланова и еще нескольких человек отобрали в группу, которую отправляли в Термез на учебу в школу сержантов. Было лестно, что именно на тебе остановил свой выбор командир, ведь в "учебку" посылали самых подготовленных. Еще больше Сергей обрадовался, когда узнал, что вместе с ним едут и некоторые ребята-земляки — значит, опять будем вместе. Вон с Ромкой Тумановым они чуть ли не с рождения знакомы, вместе росли на одной улице. Да и остальные, как говорится, свои в доску. Так что не пропадем, мужики.

В термезской школе сержантского состава их определили в один взвод, всех восьмерых, прибывших из Московского погранотряда. И вот тут Сергей понял, что такое настоящая служба. Цветочки кончились, начались ягоды. Капитан Михайленко, их командир, любил повторять на каждом занятии:

— Граница — это вам не шутка, родные мои. Пограничник в одном лице представляет собой совокупность всех родов войск, он должен уметь все.

Вот и постигали военную науку, овладевали ратным мастерством — до седьмого пота, до кровавых мозолей.

— Вам служить на границе с Афганистаном, еще вспомните нас добрым словом, — говорили прошедшие огонь и воду Афгана рано поседевшие капитаны и майоры.

Они оказались правы, эти бывалые служаки, на заставе Евланов не раз с благодарностью вспомнил своих наставников, научивших его не только автомат в руках держать.

День, когда Сергей приехал на двенадцатую заставу, запомнился ему до мельчайших подробностей. Было 20 июля 1992 года. Ослепительно светило высокое южное солнце, расплавляя все вокруг своими жгучими лучами. Казалось, что камни накалились докрасна и знойное марево над ними вот-вот выжжет все живое. Вокруг, куда ни кинь взгляд, упирались в небо горы — таких Сергей раньше не видел.

Застава оказалась небольшой, но довольно уютной. Здание казармы, автомобильный парк, баня, склад артвооружения, домик офицерского состава — вот и весь городок. Что больше всего понравилось Евланову, так это ручей, пересекавший заставский двор. От него да от низкорослых гранатовых деревьев шла приятная прохлада.

Начальник, старший лейтенант Юрий Маматов, встретил молодого сержанта приветливо — бойцов на заставе в обрез, тут каждому боевому штыку рад будешь. Подробно расспросив Сергея о житье-бытье, представил нового командира отделения личному составу. И уже на следующий день Евланов впрягся в службу по полной программе: наряды, дежурства, хозработы. Свободного времени почти не оставалось, ведь приходилось выполнять обязанности за двоих, а то и за троих. Тем более что рядом был Афганистан — на соседних участках открытые боестолкновения пограничников с афганскими моджахедами и таджикскими боевиками стали нормой жизни.

Как-то в одном из первых выходов Евла-

нова на границу их дозорная группа выдвинулась на дальний левый фланг. Во время привала Сергей взобрался на каменную глыбу. Остальные пограничники залегли за камнями. Он всматривался в сторону сопредельного государства сквозь бинокль, пытаясь разглядеть хоть какие-то признаки жизни среди серых скал. От этого занятия его оторвал голос старшего лейтенанта Маматова:

— Вот ты уже целую минуту маячишь на камушке, и все эти шестьдесят секунд перекрестье прицела духовского снайпера держится на твоём лбу.

Ошарашенный подобным сообщением и, главное, спокойным тоном офицера, Евланов кубарем скатился вниз.

— Вы что, серьезно? — только и смог вымолвить.

— А ты думаешь, почему мы все время прикрывались камнями, старались держаться в тени скал, пока сюда шли? — Старший лейтенант кивнул в сторону афганских гор. — Я, между прочим, дважды засек, как блеснула там оптика.

Да, афганцы внимательно следили за российскими пограничниками. Знали маршруты движения нарядов, график смены дозоров, хорошо было им известно и расположение самой заставы. Высматривали наиболее уязвимые места. Пока не стреляли, выжидали. По нашим данным, на сопредельной стороне в районе 12-й заставы находилось несколько сотен боевиков, готовых в любой момент совершить вооруженный прорыв границы.

Готовились к бою и пограничники. Скрытно, не привлекая внимания чужих глаз, были оборудованы дополнительные огневые позиции в опорном пункте, отрыты окопы, окна в домах заложены мешками с песком. Граница охранялась по усиленному варианту. В воздухе витало незримое напряжение. Гром мог грянуть в любую минуту.

Жизнь тем временем продолжалась. Сергей быстро вжился в новый коллектив, сдружился с ребятами. Особенно сошелся с Сергеем Сущенко — земляком из Далматова, что в их родной Курганской области. Они и на заставу прибыли-то с разницей в один день, вместе начали службу. Еще были одноклассники Леня Улыбин, Алексей Мухин, многие другие ребята. Буквально через месяц Евланову казалось, что знаком с ними всю жизнь, в каждом был уверен, как в самом себе. Такова специфика пограничной службы — без надежного плеча друга здесь не обойтись. В этом Сергей убедился на собственном опыте. С тех пор заставы старшим сержантом сверх-

срочной службы Сергеем Сычем Евланов познакомился в автопарке, если так можно было назвать крытый толем навес, под которым стояли заставские машины. В очередной раз поломалась старушка "шишига" — потрепанный ГАЗ-66, и технарь, костеря на чем свет стоит нерасторопных тыловиков, ковырялся в моторе, пытаясь вернуть жизнь чиненому-перечиненому движку. Сергей подошел поближе, заглянул под поднятую кабину.

— Давай подсоблю, — предложил перепачканному машинным маслом Сычу. — Кажется, карбюратор нужно промыть, вон пыли сколько.

— Умный какой нашелся. Кажется ему, видишь ли, — пробурчал сверхсрочник, с интересом посмотрев на нового сержанта. — Вот возьми и промой, если можешь, у меня не сто рук.

Евланов взял пустой ящик, налил керосин и принялся за работу. Вообще-то, разобрать и собрать карбюратор довольно сложно — новичкам за это дело лучше не браться. Сергей знал его устройство назубок, в ПТУ их здорово натаскали. Да и отцу помогал не раз с ремонтом машины. Сыч вначале недоверчиво поглядывал в сторону добровольного помощника, потом удовлетворенно крикнул — моет. Устанавливали карбюратор на место они уже вместе. Потом подтянули тяги рулевого, зачистили свечи — прокопались до вечера. Перекуривая на старой крышке, разговорились. Узнав, что у Сергея есть водительские права, техник обрадовался:

— Доложу начальнику. У нас шоферов не хватает — будешь подменять.

Так командир отделения стал по совместительству и водителем.

Год службы на заставе пролетел для Сергея как-то незаметно, будто один миг. Вроде бы и банально звучит, но дни складывались в непрерывную цепочку, мелькали в сплошной череде месяцев, и когда наступил день рождения, Евланов не поверил календарю.

Повар Леня Улыбин расстарался для друга в этот день: приготовил торт, великолепный ужин, сумев из солдатского пайка сварганить такие блюда, что пальчики оближешь. Они сидели в заставской столовой, почти весь их призыв, разомлевшие от обильной пищи, и предавались мечтаниям о предстоящем увольнении.

Заговорили о доме, и Сергей подумал о своих. Как они там? Что делают? В полученном накануне письме от мамы узнал последние семейные новости. Отец по-прежнему шоферит, бабушка каждый день бегаёт к почтовому ящику, высматривает

заветный конверт от внука, Лена растит своего карапуза. Все с нетерпением ждёт его возвращения. Подарок купили ко дню рождения, но это секрет. Да, Таня недавно заходила, говорили опять-таки о нем, переживали. "Ей-то пишешь чаще", — не удержалась от материнской ревности Тамара Васильевна.

От мысли о скором возвращении домой стало как-то теплее на сердце. Сергей посмотрел на ребят — разлетимся через полгода, у каждого будет своя жизнь, останутся только воспоминания о совместной службе на родной двенадцатой заставе. Как-то не верилось, что они расстанутся, уедут отсюда и никогда потом не пройдут по одной дозорке.

До роковой в их судьбе ночи 13 июля оставалось ровно пятьдесят дней. Они беззаботно смеялись, шутили, подначивали Евланова, разменявшего сегодня третий десяток. Казалось, ничто не предвещает беды, но косяя тень смерти уж стояла за порогом. Сергей Сущенко, Леня Улыбин, Сергей Сыч, Леша Мухин и еще девятнадцать пограничников их заставы никогда не смогут вернуться домой.

... В гудящей коробке вертолета было очень тесно. Сюда погрузили оставшихся в живых пограничников 12-й заставы, вырвавшихся из огненного кольца. Восемнадцать человек во главе с заместителем начальника заставы лейтенантом Андреем Мерзликиным. Восемнадцать из сорока пяти. Евланов был еще в сознании, хотя мозг после контузии отказывался работать с прежней ясностью. Привалившись к иллюминатору, он смотрел на лежащих и сидящих вокруг ребят. Все в крови, и не понять, кто ранен, а кто нет. Сергей начал считать их, пытаясь разглядеть лица. Ничего не получилось. "Почему так темно? — мелькнуло в голове. — И где остальные? В другом вертолете?" Он точно помнил, что вертолетов было два, и от этой мысли стало немного легче. Сергей закрыл глаза, боли он еще не чувствовал — сказывалось шоковое состояние.

Второй вертолет действительно летел следом, но на его борту не было ни одного живого пассажира.

В госпитале Сергея сразу уложили на операционный стол. Яркие хирургические лампы слепили глаза, и он, прищурясь, пытался рассмотреть белую комнату, в которую его привезли на тележке. Молоденькая сестра-анестезиолог с испугом смотрела на него, держа наготове кислородную подушку. Евланов улыбнулся ей: "Не дрейфь, сестренка, у меня все нормально". Он не мог видеть свою рану на спине и думал, что она пустяковая. Уже потом, по

обрывкам разговоров врачей понял, насколько был близок к роковой черте. К собственному удивлению, эта мысль его не испугала. Смерть после всего пережитого потеряла свою власть над ним.

Молодой организм Евланова перенес операцию хорошо, без осложнений. Вот только швы долго не хотели срастаться, и каждая перевязка вызывала нестерпимую боль, засохшие от крови бинты отдирались вместе с образовавшейся корочкой. Он ни разу не пикнул, когда сестра обрабатывала кровоточащую рану, всем своим видом показывая, что ему ничуть не больно, подходил в себе силы улыбаться и шутить.

Через три дня после операции Сергей встал с кровати, хотя это отняло у него немало сил. Перед глазами плыли круги, ломило в висках, но своего он добился — сделал несколько шагов. "Могу, значит, могу", — пульсировала в голове победная мысль. Вошедший в палату врач чуть не потерял дар речи: "Евланов, тебе как минимум месяц нельзя шевелиться, не то что вставать!" А он продолжал эти тренировки, инстинктивно чувствуя, что только движение поможет окончательно стать на ноги. "Мышцы должны работать, расти, тогда и рана заживет скорее", — сделал он для себя вывод. Неделью спустя Сергей уже делал потихоньку зарядку. Из госпиталя его выписали досрочно.

И все-таки однажды он заплакал. Кто-то из офицеров, встретив Сергея в коридоре, стал поздравлять его с наградой. Евланов сразу и не понял, о чем речь, слишком часто он слышал в свой адрес слово "герой" от медперсонала. Потом дошло — он Герой Российской Федерации, указ подписан Президентом. Опустившись на подоконник, Сергей уронил голову на грудь, невольно задрожали плечи, и по щекам покатились слезы. "Ведь это не моя награда, не моя. Это тем ребятам, которые погибли ради меня. Почему тогда я остался жив?" — душили его слезы.

Подошла медсестра Наташа, та, что делала ему перевязки.

— Ну вот тебе раз, таким молодцом держался, а сейчас, когда все позади, плачешь.

Сергей вытер глаза. Вспомнились отцовские слова: "Мужчины не плачут, они огорчаются". Но сегодня он этих слез не стыдился, да и кто осудил бы его за них?"

Из динамика в коридоре пел Владимир Высоцкий: "... Я случайно вернулся, вернулся, вернулся. Ну а ваш не сумел".

Как мы и договаривались с Сергеем Евлановым, о том бое в ходе разговора не упоминали. Подошли вплотную к запре-

тной теме и остановились, будто упершись в невидимую стену. По лицу Сергея я видел, что его мысль просочилась сквозь эту преграду, растревоженная душа пошла по горящим углям воспоминаний, отдаваясь болью в каждой клеточке сознания.

Говорят, время лечит. Стираются в памяти события за сроком давности, тускнеют воспоминания. Может быть. Однако вы не задумывались, почему плачут порой седые ветераны той, полвека назад закончившейся войны? Что заставляет их хотя бы раз в году — 9 мая — собираться вместе? Память. Человеческая память, неподвластная времени и расстояниям. Оставшиеся в живых отдадут таким образом свой последний долг погибшим товарищам — единственное, что они могут теперь сделать для них.

Едва приехав домой после госпиталя долечить раны, Сергей Евланов засобирился в дорогу. Поехал в Далматово, к семье Сергея Сущенко. Тезка умер у него на руках. Сергей ловил его последний, уже помутневший взгляд, старался расслышать сквозь грохот боя беззвучный шепот губ. Но сердце друга перестало биться под его приложенным к груди ухом. Тогда Евланов дал себе клятву, что если останется живым, то после встречи со своими родителями сразу поедет домой к Сергею. На свежем могильном холмике лежали цветы, много цветов. Красные бутоны гвоздик напоминали капли крови. Теперь Сергей не любит этот цвет...

СОЛЬ ЗЕМЛИ

Елена АЛЕКСЕЕВА

Чья звезда дальше полетит

АВТОБУС от Саратова два часа шел да шел степью. Иногда у дороги вставали ряды березок. Не все зеленые часовые выстаивали в степи, желавшей быть пустынной и дикой. Стоит белоствольная рать, и ни листочка. С виду как будто бы дерево на корню, и ствол есть, и ветки...

— Солончаки! — объяснила мне попутчица. — Доходят посадки корнями до солончака и дальше расти не могут.

Но вот места за окном пошли совсем другие. Вскакивали перед нами веселые пригорки, и дорога их терпеливо огибала, выбегали к ней перелески, вставали вдаль, раскидывались по горизонту самые настоящие леса. Озера, речушки...

— Место это родниковое, — сказала попутчица. — Особенно Алексеевское озеро славится. Летом все туда ездят купаться. Ну, моя деревня сейчас. А вам на следующей.

А следующей и была Алексеевка. Одна из самых красивых деревень — так было сказано в приглашении, пришедшем в редакцию. Приглашали на 20-летие народного пограничного музея.

Открытка эта, которую я держала в руке, была, кажется, вещью волшебной. Она пришла обычным письмом, где значился обратный адрес, но ничего не упоминалось о том, как попасть из Саратова в неведомый Базарно-Карабулакский район, в славное село Алексеевку. Да разве в славные места дорога сама не приводит?

И правда, стоило мне показать приглашение в Алексеевку, как все сразу и согласались: да, место славное, без сомнения. И вот — билетов на поезд нет, а я еду; на автобус на сутки вперед нет, а я раз — и в Алексеевке.

Место это, в самом деле, оказалось очень красивым. Не только пейзажем, но и красотой издавна обустроенной, ладной жизни. Тон задавали старинные дома, еще дореволюционной, купеческой кладки, на главной улице, широкой и просторной, конечно же, асфальтированной. Она, как

потом оказалось, вела как раз туда... Впрочем, не будем забегать вперед. Алексеевка встретила меня сиренью. Она цвела в каждом палисаднике. И просто так, прямо у шоссе. За ней начинался парк — небольшая березовая роща, посаженная в память об алексеевцах, которые погибли в Великую Отечественную войну.

В роще горел Вечный огонь, и здесь же — мемориал с негасимыми именами отцов, дедов, братьев — героев. Негасимыми, потому что вон их сколько здесь, Афросиных или Богачкиных, а еще больше их живых: кажется, все село — единокровные родственники, и пращурь, и потомки. А быть потомком героев — это для человека все же что-то да значит. Иначе как хранить Вечный огонь?

Поднявшись по ступенькам прямо из березовой рощи в Дом культуры, я их сразу всех и увидела — потомков. На празднике, устроенном бывшим пограничником Виктором Смолиным.

Вот я и попала туда, куда меня приглашали, — на праздник. А праздновали всем селом двадцатилетие алексеевской пограничной заставы.

Нет, границы в саратовских степях у нас, слава Богу, пока еще нет. Хотя пограничная застава — вот она. Я села на освободившееся место (последнее чудо, устроенное лежавшим в кармане приглашением) — и оказалась рядом с мамой Саши Климова, она сразу и ввела меня в здешнюю пограничную жизнь. Саша ее тоже должен был приехать на праздник — из Хабаровска: он служил тогда на дальневосточной заставе. Уж Виктор Иванович Смолин писал туда, просил. Обещали. Но потом оказалось, что нельзя отпустить, потому что еще не прибыло на заставу пополнение. "А может, еще придет?" — с надеждой взглянула на меня мать солдата.

Надежда эта была связана, конечно же, не со мной — с Виктором Ивановичем Смолиным: он Саше помог не только стать пограничником; просто по-человечески

помог. Мальчишке понять себя не просто, а если вдруг горе — куда поведет? У Саши, не успев он стать старшеклассником, умер отец. Юноша этот, как я поняла, — человек сильный и талантливый. В смолинском отряде юных друзей пограничников его выбрали командиром. Волновался за Сашу Смолин, в тяжелые дни пришел к ним домой. Как это выходило? Каким образом присутствие Виктора Ивановича, с виду человека сурового, помогало в жизни алексеевским мальчишкам?

Вот он поднимается на сцену, принимает поздравления пограничников, алексеевцев и гостей, и даже поздравления начальства — неформальные, сердечные. Что стоит за наградами, которые давным-давно отслуживший пограничник продолжает получать — теперь уже за верную службу алексеевской пограничной заставе? Она — его детище: и юные друзья пограничников, и сам музей, в который откуда только гости не приезжают, даже иностранцы. Сегодня ей двадцать лет.

Сказка о крестьянском сыне

Жил-был Иван — крестьянский сын. Пошел бы он в пятый класс, да началась Великая война. И пришлось ему кормить своих младших братьев и сестер, потому что отец на войне воевал. И так он за своих старался (и за семью, и за всю страну), что получил медаль "За победу над Германией".

Кончилась война, а крестьянскому сыну все ж довелось солдатом стать. Послали его служить на границу, на далекую реку Амур. И тут он за своих стоял, о себе не мечтал — да где уж тут мечтать, когда? Только успевай — себя подвигай, а то беда догонит. В Амуре тонул — глазом не моргнул. А мороз был лютой. Так, обледенелый, на заставу и пришел: версты одолел — не заболел.

Народный, сказочный герой? Уже сколько веков живет в народе сказка о крестьянском сыне, который по простоте своей, а точнее, по великой доброте старался (ну чего ради?) дочь царскую спасти, царство от змея оборонить... Умные-то люди отказывались. А простак-то, Иван-дурак, вроде как умней всех выходил. И какой волшебной силой он подвиги совершал? Мудростью своей всему царем становился.

Сказать Виктору Смолину, что существует такой герой, — согласится, а сказать, что это он сам и есть, — удивится. Когда ж это он царевну спасал?

Конечно, Женька Сенотов не царевна. Но разве не человек? И спасти его, а еще Андрюшу Кондрина, может, потруднее, чем сказочную царевну было. Никто и не брался. До таких неблагоприятных под-

ростков и в семье-то их никому дела нет, и сами они на себя рукой махнули. От таких не знаешь чего ожидать. А они, и правда, всех удивили.

— Вы зачем пулемет украли? — спросил Виктор Иванович отчаянных похитителей.

Ему, бывшему пограничнику, ничего не стоило вывести их на чистую воду. И пулемет вместе с двумя автоматами, исчезнувшие из школьного военного кабинета, были обнаружены тут же — на деревенской речке, под мостом. Так разворачивались в Алексеевке события, которые теперь можно считать историческими. К тому времени дочь и сын Виктора Ивановича уже пошли в школу, и он, человек, который ко всему в жизни относился очень серьезно, конечно же, стал членом родительского комитета, а потом и его председателем.

И Сенотов с Кондриным почему-то сразу восприняли Виктора Ивановича всерьез.

Хотелось настоящее боевое оружие в руках подержать, простодушно отвечали они на его расспросы. И правда, зачем деревенским мальчишкам пулемет? "Ну и озорники!" — внутренне улыбнулся Смолин. И неожиданно даже для себя вдруг предложил:

— А давайте соберем ребят, и я буду учить вас обращаться с оружием и всему, что я на границе узнал. Согласны?

Еще как мальчишки были согласны. Так было положено начало алексеевской пограничной заставе.

Алексеевские стражи

В Викторе Ивановиче легко угадать воина. Взгляд зоркий — стремится схватить суть. А суть происходящего такова, что большинству алексеевских добрых молодцев путь — в армию. И весь вопрос в том, как к этому относиться.

Смолин относился к этому очень серьезно. Мужчине естественно быть воином. Не воин чего в жизни добьется? Лучшей же школой воинской жизни он считал пограничную заставу.

А на него, человека испытанного, понимающего жизнь, смотрели определяющиеся в ней новобранцы.

"Что же это все значит? — думала я, сидя на празднике, который праздновали всем селом, а выходило это у них по-семейному. — Осознанное или неосознанное чувство родства? Почему так празднуют этот пограничный праздник — будто они все и есть алексеевская пограничная заставка?"

Понятно, что они успели осознать себя селом пограничным: за двадцать лет Смолин многим помог определиться в Пограничные войска. И, возвращаясь домой, эти надежные и для колхоза, и для семьи

своей люди, воспитанники Виктора Ивановича, как и он, продолжали понимать себя стражами границы.

Какая же это граница в Алексеевке?

Место тут родниковое, а кругом — солончаки. Как же не граница?

Нужно это понимать еще и так. Чувствует русский человек свое духовное Отечество — завет сыном быть и защитником родной земле, призвание к мужеству и долгу, добро и честь. И во времена, когда заповедных мест на Земле остается все меньше, пристало русскому человеку жить на своих родниках. И стражем быть живой земли заповедной.

А много ли в Алексеевке воинов?

— В Базарно-Карабулакском районе нет отказов идти в армию, — объясняли мне саратовские ветераны, приехавшие поздравить алексеевцев. — Авторитет Смолина свою роль играет.

Волновалась не только мама Саши Климова, ждавшая сына. Виктор Иванович писал письма, просил, чтобы и других ребят, служивших в армии, отпустили в свое село на пограничный праздник. Кто приедет? Что расскажут? Сколько раз подтверждалось: то, к чему готовил, что говорил Смолин, — все так и есть. А он говорит: "Вам ведь доверят всю страну. Вы хоть понимаете, какими надо для этого быть?"

А как выглядят те, которым уже доверили? Сидели в зале мужественные видом, крепкие люди — бывшие пограничники. Возвращаясь с далеких застав, они принесли в родное село чувство большой жизни. А Смолин, поднимая алексеевское дело воинское, помог своей Алексеевке себя осознать: мы не Богом и людьми забытая деревня, мы русские государственные люди. И вот такими прославились.

Хорошо в славном селе Алексеевке сидеть на празднике, среди дружелюбных и умеющих за себя постоять людей. Не в каждом селе так умеют чтить свое воинство. И был тут Вечный огонь. И хранили его строем русские березы.

В пограничном царстве, в березовом государстве

Главная улица вела в места заповедные и сказочные. И там была рощица берез, но еще юных. А в ней стоял белый домик старинной архитектуры — в нем хранилась граница. За рощицей высилась мельница, притом живая: дореволюционная старушка отлично работала. А Виктор Иванович Смолин был, оказывается, мельником.

Прекрасный белый дом, в котором теперь алексеевский музей пограничника, — это счастливый итог двадцатилетней непростой истории. Взяться помогать Се-

нотову с Кондриным и другим алексеевским мальчишкам, Виктор Иванович вынужден был снова стать сказочным героем. А разве на Руси совершишь доброе дело без подвига? Если не обращать внимания на громкое звучание этого слова, то вот смысл: есть в человеке возможность духовно себя подвигать — преодолевать беду, корысть, лень, бюрократические заслоны. А у Виктора Ивановича к подвигу была еще военная привычка.

Точнее, была привычка дело делать, за которое взялся по-настоящему. А о себе он опять же много не мечтал. Стал с ребятами каждую неделю заниматься. И денег ему все эти годы никто не платил. В прошлый только, юбилейный, год алексеевская школа официально утвердила его кружок. А в систему прежних, мелочных расценок его работа никак не вписывалась. Да и с теперешними несоизмерима.

Виктор Иванович не жалуется и, наверное, будет протестовать: зачем, мол, об этом говорить. Но я все-таки скажу. Этот вопрос неизбежно, не только у меня возникает. Отрадно было видеть, как односельчане, почетные гости из района, из Саратова воздавали честь бескорыстному подвижнику. Но почему мы, русские люди, друг к другу так невнимательны? Для всех же важное дело человек поднимал — неужели не было никакой возможности у колхоза ему помочь (на мельнице Смолин гроши зарабатывал)?

Видно, в голову никому не приходило, что пробивной, с характером Виктор Иванович, который ради дела неодолимые препятствия одолевал, от начальства не отступал, для себя-то ничего и не делал. Долго этого не замечали! Подвижники, они, конечно, единым духом живы. А здоровье — всегда ли выдержит?

Зато суть дела, которое затевал в своем селе Смолин, сразу поняли пограничники. Он написал на заставу, где служил, и бойцы стали присылать ребятам письма — о текущей у них там жизни, еще — посылки с отслужившим обмундированием, с пограничной землей и с кой-каким отобраным у нарушителей снаряжением: пусть мальчишки в свое будущее заглянут и как следует к нему готовятся.

И они занялись делом. Виктор Иванович устроил ребятам настоящую воинскую подготовку. Учил обращаться с оружием, точными, ловкими быть. Поставил для них турник, обзавелся гантелями.

А то, что присылали с границы, собиралось потихоньку в музей. Тем паче что и в Алексеевке есть своя пограничная история. Оказалось, почему-то именно здесь жило много пограничников (место такое): сто двадцать пять согласно списку, который составили ребята для музея, — половина

погибла в Великую Отечественную или при выполнении боевых заданий на заставах. Так Смолин и ребята открыли историю Алексеевки.

Музей стал ее памятью. Он хранит рассказы о ратных делах и героях, свидетельства и документы, памятные вещи. Многое и о многих узнали ребята. Первый в их списке — старинный пограничник Афанасий Аганин, в 1903 году служивший на русско-турецкой границе, в крепости Карс.

Согласитесь, место, у которого есть своя история, — это уже место историческое. И жители начинают и к нему, и к себе по-другому относиться.

А в Алексеевку уже приезжали гости, у Виктора Ивановича и ребят завязалась дружба и с другими заставами. И в музее появились вещи, прямо скажем, чудесные (я видела!). Например, воздушный шар, который, перелетев нашу границу, должен был сам собой испариться, потому что был пропитан специальным составом. Но не испарился: пограничники не растерялись — и пропитали его антисоставом. А потом воздушный шар оказался в Алексеевке, у Смолина (тут сказочным вещам самое место).

Виктору Ивановичу разрешили взять под музей одну из комнат в мельничной конторе — холодную, светившуюся щелями. Нынешний белый дом появился не так давно — и ох непросто было его добиться. Как непросто на самом деле было сохранить в Алексеевке отряд юных пограничников и их музей.

Пришло однажды из милиции начальство и говорит: "Сдайте оружие!" — "Да у нас только учебные пневматические винтовки и музейные экспонаты!" — "Все равно сдавайте, они у вас без сигнализации хранятся". — "Если мы не будем учиться стрелять, чем же я ребят в отряде удержу? Я ведь анекдотов рассказывать не умею!" — рассердился Виктор Иванович. "А сигнализации-то нет!" — твердила милиция. "Ну так сделайте!" — ответил Смолин. "А где деньги?" — не сдавалась милиция. "Давайте искать!" — не сдавался Смолин. И оружие не сдал.

— Вот что значит характер! — подмечали ребята. — Тут как на войне.

И милиция сделала сигнализацию.

Теперь Смолин живет совсем по-пограничному. Спит он на кухне, чтобы в случае "сработки" жену и внуков не беспокоить. Напротив, на стене — лампочка музейной сигнализации. Вспыхнет лампочка, загудит сирена — Виктор Иванович вскакивает и бежит через улицу к музею. Неведомо отчего сигнализация шалит — снег ли подтаивает? И так, бывает, по несколько раз в ночь.

А дни у Виктора Ивановича такие. Муку

молоть, по музейным делам хлопотать, посетителей принимать — особенно летом много экскурсий приходит. Само собой, с ребятами заниматься, а у них много проблем, и их мальчишки Виктору Ивановичу доверяют.

А еще в конце главной улицы, в царстве Виктора Ивановича, живут корова Субботка с теленком Мишкой, дворовый пес Тузик (он же Кузя), кот Юлька, белый петух, черный петух и другие. Растут тут огородные растения и возведено множество всяких построек, еще — дом. И все требует хозяйского глаза и хозяйских рук — Антонине Ивановне, труженице великой, все ж без Виктора Ивановича своего не управиться. Вот такая жизнь!

Не уронил огонь

А вот и другие герои этой истории — может, кому-то из них удастся стать сказочным? Мы разговаривали под березками у белого дома: ребята пришли на последнее в учебном году занятие.

Сидел на скамеечке и Александр Прошкин: его, по письму Виктора Ивановича, отпустили на несколько дней из армии. Он служит в Ракетных войсках под Челябинском, а на границу, куда так стремился, в последний момент не попал. Случай для ребят убедительный — Виктор Иванович очень точно соизмерял свои слова с жизнью, а он им говорил: "Один неверный шаг, кажется, пустяк — и можешь себе все испортить. От этого может зависеть вся твоя будущая жизнь".

Саша в Ракетных войсках был разочарован:

— Нет дисциплины. И к технике не допускают. В основном всех на цепину работать возят. Но самое для меня тяжелое — не дают дело закончить, с одного на другое перебрасывают. И твоей работы не видно.

— Знаете, — вмешался в разговор Смолин, — у нас, в деревне, ребята с детства в семье помогают, вон при деревенском доме какое хозяйство. И если в обычных войсках все для соседа сделают, то пограничная застава — это семья. Там порядок. Солдат и корову доит, и службу несет. И от каждого многое, а иногда и все зависит.

На пограничной заставе, объяснял нам Виктор Иванович, особый психологический настрой. Безответственный народ там не приживается. И дурному не научат...

Случись такое с кем-нибудь из его ребят, Смолину это было бы трудно перенести. Воспитанники его росли хорошими людьми, дурацких выходов за ними не водилось. "Хоть нашего участкового спросите", — предложил мне Виктор Иванович. И жизнь у молодцев добрых после службы ладно устраивалась.

413

Добро смолинское они восприняли душой по-своему. Была в них юношеская грубоватость, но за ней — живая, тонкая реакция на человека, внимательность. Было внутреннее спокойствие. И совсем не было желания кого-то поразить. Это была деревенская ли, просто ли человеческая, почти потерянная ныне культура, которую чувствовал и понимал Смолин. Впрочем, ее принимали не только ребята. С Виктором Ивановичем и можно было общаться лишь на свойственном ему языке: не принять его сердечности и искренности просто, наверное, было стыдно.

Всюду попевал за дедом девятилетний Андрюша, самый младший в отряде, повесив на каждое плечо по деревянному автомату (воинское у мальчишек в крови!). Повел меня по березовой аллее: "Это папина березка!" Под деревцем стояла табличка: "Смолин Вова. 1979 год". Рожица была памятной: каждый, уходя из отряда в армию, сажал свое дерево.

— А вот памятник пограничнику, видите? Я тоже туда, где дедушка служил, пойду. Он учит ребят ничего не бояться, к армии готовит. Здесь школа мужества! — запальчиво говорил мне Андрюша. — А еще мне здесь чего нравится? Из "воздушек" стреляем. И из малокалиберных — у нас есть тир. Делаем взрыв-пакеты — как рванет! Еще по веревке на руках вон через тот овраг перебираемся: может, там, на границе, горные речки будут, так там такие мостики — ничего себе! А мы нарушителей ловим, знаете? За околицей, в березках. Он убегает, а мы ищем следы, сигналим из ракетниц, по полевым телефонам передаем. И бежим в окружение.

Глаза у Андрюши горят. Как и у других мальчишек в отряде, которые помладше, не умеющих еще скрываться за невозмутимой повадкой — как у тех, что постарше. У старших такие заслуги: недавно на районных военных сборах себя лучшими показали. Такие в отряде люди! Нынешний пятиклассник Женя, как только в школу пошел, все рвался к Смолину, да не всех сюда берут, заведено: только двадцать человек. Год ходил в кандидатах. А теперь, тоже уже не просто так, — из автомата четыре раза стреляя!

А глаза горят: неужели на Легкий родник стрелять идем? И вот, когда мы пошли, произошел необыкновенный случай, и Женя тут оказался одним из главных героев.

Мы шли к стоявшему вдалеке лесу. Под ногами был уже не асфальт, а песок и, естественно, колдобины. Лихо подкатил сзади и прыгнул к нам на обочину мотоцикл — и, охватив нас головокружительной дугой, рванул вперед. Машинной-птицей невозмутимо правил молодой человек в раз-

вевающейся бархатной безрукавке. А в коляске у него умещалось в самых непринужденных позах человек пять юных пограничников во главе с железно невозмутимым командиром Сергеем Горановым.

Не дойдя до леса, мы остановились у знаменитого Алексеевского озера, чтобы погнаться из ракетниц. "Коров не перепугаем?" — улыбались ребята: от воды доносилась мычание. Снова лихо подлетела машина-птица, теперь уже со стороны леса. И остановилась.

И мы начали палить. Теперь уже горели глаза и у тех, невозмутимых (и я поняла, почему Смолин наотрез отказался сдавать милиции оружие). Кому-то не терпелось показать свое молодечество, и тогда красные, зеленые, желтые звездочки, сбиваясь, летели не прямо ввысь, а по низкой дуге падали на землю. Так получалось у многих, но Женина ракета полетела в сосенки, где стояла редкая сухая трава. Он просто не рассчитал своих сил: хотелось, как и старшие, выстрелить из тяжелой ракетницы одной рукой.

В сосенках за клубился дымок.

— Говорил же вам, вверх стреляйте! — закричал Виктор Иванович и что есть духу бросился на пожар. Конечно, за ним бросился похолодевший от ужаса Женя. И еще Коля Кривов. И я.

А больше никто не побежал. Видно, думали: не успеет разгореться, сейчас побегавшие и потушат. На Виктора Ивановича можно ли было не надеяться! И все же... Побежал Виктор Иванович.

По сухой траве расходился огненный круг. По такой суши перекинулось бы пламя и на низкие деревья — кабы не так быстро бегал пограничник. Вмиг был затоптан начинавшийся пожар. И мы пошли обратно, к дороге, где остались стоять здоровы молодцы.

Виктор Иванович, как было ему свойственно, очень точно определился в сложившейся ситуации.

— А вы что? — горячася, по-отечески тут же взялся он за парней. — А если бы там уже деревья горели? Я же звал вас, почему никто не побежал? А на заставе что делать будете? Там граница. Там, если поручение какое — умри, но выполни. Товарища подвести — нет ничего хуже. Хочу, чтобы вы себя научились преодолевать — лень, страх. Иждивенчество, равнодушие — вот что надо поганой метлой!

— Ведь вот что мне хочется в детишках воспитать, — уже немного успокоившись, говорил мне Смолин. — И самому соответствовать.

— А вы, несмотря на возраст, быстрее всех бегаете, — заметила я.

— Я же пограничник! — очень серьезно ответил он.

Легкий родник

И пошли дальше, к Легкому роднику.

— А почему он легкий? — спросила я Виктора Ивановича.

— Может, — задумчиво сказал он, — оттого, что пьешь из него не напьешься?

Мы вошли в лес. Вон впереди идет Женя, умеющий переживать и так всему радоваться — не наглядится на новенький фотоаппарат (самые надежные в отряде в честь праздника получили по такому подарку). И думала я, глядя на этого открытого жизни парнишку: "И нужно-то немного, чтобы жизнь была, как родник, — пьешь не напьешься. Просто — чтоб сердце было чистым".

И Коля Кривов, видно, такой человек. Подбежал тогда на пожаре: "Погасили?" — заботливо спросил. На нем и Сергее Горанове, командире, считает Виктор Иванович, держится весь отряд.

С Сергеем Горановым на Легком роднике у меня вышел такой разговор:

— Ну а что ты, Сережа, в этих занятиях находишь?

— Так ведь в армию придется идти, и нужно готовиться. Школьные-то предметы я запустил, теперь ничего уже не сделаешь.

— Почему же? Можно начать заниматься, учителя помогут.

Сережа мне ничего не ответил. А учителя потом объясняли ситуацию так: мальчик способный, да класс непростой — не хотят быть отличниками. Умные ребята, дружные, и не принято у них выделяться — много о себе понимать.

Тут вспомнила я, как ребята дружно не побежали на пожар. Может, каждый на других смотрел и — не хотел выделяться? А к чему такая позиция приводит? Тут же, как говорится, наглядно, Смолин это им объяснил. И когда в кустах задымила другая ракета, все как один бросились гасить: не из-за "разноса", конечно, — по убеждению.

Что же касается Сергея Горанова, то было здесь все не так просто. Ребята своего командира слушались, хотя в отряде, казалось, и было принято благородное равенство. Сергей не думал, можно ли тут выделяться — просто брал на себя отрядные дела, помогал Виктору Ивановичу. Ему здесь было хорошо.

— А может, Сергей сознательно выбрал такой путь — армию? — спросила я Смолина.

— В том-то все и дело! — горячо согласился он.

Чем же Виктор Иванович умел мальчишек убедить? Искренностью — они же не терпят фальши.

Мальчишки знали, он говорит от чистого

сердца. И была тут для них возможность — и им сохранить себя.

Мы шли от Легкого родника. Кончалась весна, листья были еще легкими и светлыми. И цвела сирень. В такое время кажется, что лето будет обязательно счастливым. Но как, в самом деле, сохранить в себе возможности весны? И как стать счастливым?

А вот как. Нужно среди сиреневых крестиков отыскать пятиконечную звездочку. Еще в древности этой звездочкой обозначали человека. И, может быть, тут нам подсказка: среди множества крестов, тяготятейских, ты и найдешь в себе человека? Только не убегай от них. И будешь счастливым.

Дорога уже подводила нас к селу. Еще не дошли до домов, стоят кусты сирени — следы былых садов: раньше Алексеевка до леса доходила. Но, видно, такое это место: вот возрождается. Фермеры домов понастроили, возвращается народ к земле. Уж три года, как в Алексеевке снова действует храм. Преогромный, редко такой увидишь, он здесь один на много деревень, посвящен преподобному Сергию Радонежскому, чудотворцу.

А места здесь, и правда, чудесные. Кругом солончаки, а тут земля родниковая.

Пожелание молодой звездочке

Да, я еще забыла рассказать: вечером 28 мая, в день праздника, был фейерверк. Юные пограничники поздравляли Алексеевку — палили из своих ракетниц. И зажигались над ней звездочки — красные, зеленые, золотые. Прибегали на огоньки степенные алексеевские мужи: "Дайте стрелнуть!" И все смотрели, чья звезда дальше полетит.

И почему так было? У нас, взрослых, они летели точно в небо: сверкнет звездочка — и скроется в вышине. Это же нетрудно — стрелять просто вверх, как объяснял Виктор Иванович, но что толкало парнишку под руку: мальчишеская независимость, дух противоречия, страх ошибиться? И вот падала нетвердая в полете молодая звездочка в березки.

Ну что вы, ребята? Секрет любого дела так прост: делай дело. Вот бескрайнее небо, а в руке у тебя твоя звезда. Захочешь в вышину — полетит.

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Елена СЕНЯВСКАЯ

Лицо в зеркале

Рассказ



Рис. Б. ПОЛЯНСКОГО.

Давно уже не верю в чудо,
 Хотя мечтательность — в крови.
 Но все зовут меня ОТТУДА
 Глаза суровые твои.
 Прости... Друг друга мы не знали,
 А пропасть — не перешагнуть.
 Почти полвека между нами
 И смерть, стреляющая в грудь.
 Не Беатриче и не Данте —
 Но мы в веках разлучены.
 ... Я полюбила лейтенанта,
 Который не пришел с войны.

Зеркало досталось ей от бабушки. Сколько Маринка себя помнила, оно стояло на комодe между двумя морскими раковинами, которые когда-то привез дядя, капитан дальнего плавания. В детстве, забираясь тайком к бабушке в комнату, Маринка придвигала к комоду тяжелый стул, влезала на него и, с трудом дотянувшись до одной из раковин, прикладывала ее к уху, готовая часами слушать, как шумит море. На зеркало в простой деревянной раме, с паутиной трещин по стеклу внимания не обращала: на стене в прихожей висело

еще одно, гораздо больше этого, да и смотреться в него было удобнее, трещины не мешали.

Бабушка зеркало берегла, покупать новое не хотела. В семье ее причуду объясняли привязанностью к старым вещам, с которыми связаны давние воспоминания.

Что именно связано с зеркалом, никто не знал, в этом была какая-то тайна.

И вот бабушки больше нет. На месте старого комода стоит книжный шкаф, да и сама комната теперь принадлежит Маринке. От прежней обстановки остались раковины да зеркало — выбросить не поднялась рука.

Как-то утром, вытирая в комнате пыль, заглянула случайно — и вздрогнула: сквозь сетку трещин смотрело на нее ЧУЖОЕ ЛИЦО. Всего лишь миг, а потом исчезло. В зеркальной поверхности отразились ее глаза — удивленные и испуганные. Почудилось, что ли?.. Маринка с опаской поставила все на место и больше к зеркалу не притрагивалась, но до самого вечера нет-нет да и возвращалась мыслями к странному происшествию. Два чувства боролись в душе — любопытство и страх. Первое оказалось сильнее. И вот, перед тем как ложиться спать, она снова сняла со шкафа невзрачный кусок стекла.

В командирском флигеле весь вечер играл патефон: отмечали день рождения Нины, розовощекой, смешливой дочки политрука, которой исполнилось семнадцать. Лейтенант Звягин, застенчивый, неуклюжий, с тонкими усиками над верхней губой, которые, увы, не прибавляли ему солидности, танцевал с виновницей торжества, прилагая отчаянные усилия, чтобы не отвалить ей ноги, и при этом неудержимо краснел. Глядя на него, с трудом верилось, что этот большой мальчик — начальник заставы, под его командой полсотни штыков, два станковых и три ручных пулемета и участок границы длиной в пятнадцать километров, который доверено охранять. Ему, лейтенанту Звягину, доверено. А обстановка на границе беспокойная. Немцы за рекой силы стягивают. Только не хочется думать об этом сегодня, когда так мирно, так весело жужжит пластинка под патефонной иглой...

Кончилась танго. Нина и Звягин вышли на крыльцо, под бледные июньские звезды. Стояли рядом и молчали. И Нина знала, что он хочет ее поцеловать. И Звя-

гин знал, что она это знает. Но смущался, робел и никак не мог решиться.

— Пойдем к тебе. — Нина взяла его за руку. — Ты обещал показать книги, которые получил из Москвы.

— Пойдем, — не сразу и почему-то шепотом откликнулся он.

Ему действительно пришла посылка из дому, и он давно собирался ее показать, но сейчас оба понимали, что это только предлог.

В комнату Звягина вела последняя дверь налево. Они проскользнули туда незаметно, миновав длинный пустой коридор, и замерли на пороге, глядя друг на друга сияющими глазами. Нина привстала на цыпочки и сама потянулась к нему, уцепившись за рукав гимнастерки, по-детски, смешно вытянув губы трубочкой. И Звягин, чуть наклонясь, обнял ее за плечи, принимая первый, еще неумелый поцелуй.

— Ой, мамочки! Там кто-то есть! — внезапно побледнев, вскрикнула Нина и ткнула дрожащим пальчиком за спину Звягина.

— Глупенькая! — тихо засмеялся он. — Кому тут быть... Это же зеркало!

Оглянулся — и улыбка сбежала с лица.

Что за наваждение? Откуда ты, незнакомка? Почему смотришь так странно из мерцающего стекла?..

— Юрочка! Нина! Где вы? Пирогі поспели, — донесся из кухни густой, сочный голос. Звала Галина Ивановна, жена политрука, единственный человек на заставе, допуславший подобное обращение к "товарищу лейтенанту".

— Мама, мы здесь! Мы сейчас!.. — Воспользовавшись удобным моментом, испуганная Нина выскочила за дверь, оставив Звягина одного. Вернее, один на один с зеркалом. Очень близко, глаза в глаза.

Он не заметил ее исчезновения. Стоял, боясь шевельнуться, неловким движением сплунуть хрупкое чудо, которому не искал объяснений, но впитывал жадно каждую черточку призрачного лица. Девушка была похожа на Нину — рисунком губ, изгибом бровей, большими удивленными глазами, но при этом чем-то неуловимым отличалась от нее. И когда стекло затуманилось, подернулось легкой рябью, Звягин понял, что этой, незнакомой ему Нины не сможет забыть никогда.

В комнате политрука опять завели патефон, по всему флигелю аппетитно пахло пирожками. Кинув последний взгляд в зеркало, лейтенант поправил португепю и вышел в коридор, чтобы присоединиться к остальным.

В тот вечер ни он, ни Нина больше не танцевали. Один думал про зеркало, другая — про поцелуи.

Спать разошлись уже за полночь. А в четыре ноль-ноль, на рассвете, грянули орудийные залпы и на маленькую заставу обрушился шквал огня.

* * *

Кончился артобстрел, оставив после себя обугленные скелеты зданий, перепаланный снарядами двор. Уцелевшие пограничники укрылись в траншеях, замерли у бойниц блокауза. Полчаса ожидания — и вот со стороны реки, из прибрежных зарослей, нагло, в рост двинулась в атаку пехота. Все слышнее лязг оружия, гортанные звуки чужих команд. Ближе... Еще ближе... Теперь пора!

Серая фигура качнулась в прорези прицела и медленно осела на глинистый склон. Одиночные выстрелы винтовки и карабинов смешались с треском пулеметных очередей. В воздухе стойко висел запах дыма и гари. Застава горела. Застава вела бой...

К полудню на них бросили танки.

Тяжелые гусеницы долго утюжили траншею, вгоняя в землю мертвых и живых. А потом наступила тишина...

Оглушенный, контуженный, выбрался лейтенант из завала и огляделся. Застава была мертва. Расстреляна в упор, добита немецкими штыками. И он, лейтенант Звягин, — последний ее защитник, единственный, кто уцелел.

Рядом, у входа в блокауз, скорчился политрук, вокруг головы растеклась кровавая лужица, но рука по-прежнему цепко держала пистолет. Звягин с трудом разжал мертвые пальцы, забрал оружие. Проверил обойму — осталось два патрона. Усмехнулся невесело: "Повоюем еще..."

Через изрытый воронками двор, шатаясь, побрел к развалинам флигеля — сам не зная зачем. Переступил порог, рискуя быть раздавленным внезапно рухнувшей балкой. Артиллерия постаралась: вывороченные взрывом двери, на полу — битые стекла, обломки кирпича, в углу слабо тлеет куча тряпья... Жалобно хрустнула под сапогом патефонная пластинка, и он, вздрогнув, сделал шаг в сторону, словно боялся причинить ей боль... Оглянувшись, обвел руины долгим ищущим взглядом — и замер, хрипло дыша: прямо перед ним, на иссеченной осколками стене, целехонькое, висело зеркало, и оттуда отчаянно и

нежно смотрели на Звягина знакомые девичьи глаза жемчужно-серого цвета.

— Ну здравствуй! Вот мы и свиделись... Во второй и последний раз...

Вымученная улыбка скользнула по губам лейтенанта, да так и застыла, не успев превратиться в крик. В оконном проеме внезапно вырос солдат в грязно-сером мундире, с рукавами, закатанными до локтей. Автоматная очередь ударила Звягина в спину, отбросила к стене. Мир опрокинулся, раскололся на части, рассыпался крошечным кирпичом. И лицо в зеркале стало медленно тягаться, затягиваясь розовой дымкой, густой и липкой, как кровь...

* * *

В сумерках на заставу пришли женщины из соседней деревни, а с ними — жены пограничников, нарушившие суровый приказ уходить в тыл. Молча, без слез хоронили убитых — там, где настигла их смерть.

Звягина нашла Нина. Он лежал навзничь, лицом к небу, видневшемуся сквозь разбитую кровлю, — на том месте, где целовались вчера. Но глаза ее и теперь остались сухими, как у мамы, хоронившей отца. Это потом, много дней спустя, они снова научатся плакать. А сегодня сил хватило только на то, чтобы снять со стены зеркало и завернуть в платок, унести с собой — последний осколок их довоенной жизни...

* * *

Сумерки за окном. Лето, конец июня.

С зеркалом в дрожащих руках сидит у стола Маринка. Озорные глаза повзрослели, состарились на тысячу лет. Слово не бабушка, а она прошла через все это. И смотрит на нее из Вечности, из горького сорок первого Юра Звягин, застенчивый лейтенант...

ПОГРАНИЧНАЯ ЗОРЬКА

Лилия НЕМЕНОВА



Рис. Б.ПОЛЯНСКОГО.

"ЩЕН ИЗ СОЗВЕЗДИЯ ГОНЧИХ ПСОВ" — фантастическая и приключенческая повесть. Хотя реалий в ней ничуть не меньше, чем приключений и фантастики. ... Из далекого созвездия Гончих Псов выпала звездочка. Пролетев сквозь иные миры и световые годы, звездочка упала в яму городского сада, где ютилась дворянка со своим потомством. Упала — и обернулась маленьким щенком по имени Щен.

Поскольку животные в отличие от нас, людей, не любят задавать лишних вопросов, дворянка приняла его как своего, и Щен исправно получал свою долю пищи и тепла.

Он ничем не отличался от названных братцев и сестриц, кроме одной особенности: когда Щен думал о чем-нибудь, люди и животные слышали его тоненький Внутренний Голос внутри себя. Вначале это его свойство годилось только для того, чтобы отпугивать нахальных котов, то и дело совавшихся в яму. Но потом...

Случилось так, что дворянка — прием-

ная мать Щена — погибла, его братцы и сестрицы разбежались кто куда. Щен остался совсем один.

Был промозглый, холодный февраль в большом городе над замерзшей рекой. В поисках еды и пристанища Щен побрел по бесконечным улицам. Ему было очень плохо, но никто не обращал на него внимания — у людей были другие дела и заботы.

Он шел целый день, пока без сил не свалился у булочной. Его толкали, пинали ногами, никто не бросил ему ни кусочка, и Щен бы, наверное, пропал, если бы его не подобрал молодой журналист Игорь Солдатов, которого Щен про себя назвал Рыжиком, потому что густая шебелюра Рыжика была рыжей и лохматой, как огонь...

О том, как началась дружба Рыжика со Щеном, как они пережили вместе множество приключений, иногда веселых, иногда трудных и опасных, как боролись с негодяем Мишкой-рокером, жестоко издевавшимся над животными, рассказывается в первой части повести. И еще о друзьях Щена — болонке Дзике, бульдоге Биндюжнике, бездомном песике Музыканте, черном коте Тритити... А также о друзьях Рыжика — журналистах, строгом Редакторе еженедельника "Зеленя", где работал Рыжик. И о молодой продавщице Лиде, которую Рыжик со Щеном вызволили из большой беды.

Лиде навсегда полюбила Рыжика и Щена. Она ушла из торговли, поступила в геологоразведочный техникум и после многих событий и жизненных поворотов вышла замуж за Рыжика, а Щен стал самым лучшим другом и любимцем их обоих.

Первая часть "Щена" вышла в издательстве "Детская литература" в 1988 году. И сразу пошли письма, телефонные звонки, даже телеграммы, где читатели просили рассказать, что случилось дальше с Рыжиком, Щеном, Лидой и другими персонажами повести. А когда в 1992 году на киностудии имени Горького сняли полнометражный художественный фильм "Щен из созвездия Гончих Псов", писем и звонков стало еще больше.

Поэтому автор, очень близко знакомый с Рыжиком, Щеном и Лидой, их друзьями и врагами, написал вторую часть повес-

ти, две главы из которой мы предлагаем вашему вниманию.

Как Щен бежал в Коста-Рику и что из этого вышло

После возвращения из Серегино, от родителей Рыжика, дни стали совсем короткими. Утром почти до полудня в квартире горело электричество, и с трех часов дня загоралось вновь. Щену совсем не нравились эти короткие темные дни, и он примирился с зимой только тогда, когда на землю лег снег, потому что на белизне очень интересно отпечатывались следы всех — собак, кошек, людей, и еще потому, что на свежем снегу было приятно, хотя и холодно, валяться.

Это была невеселая зима. Все стоило очень дорого, люди берегли каждый кусочек хлеба, и бездомным собакам и кошкам не оставалось почти ничего. Рыжик, Лиде и их друзья как могли поддерживали этих бедолаг, но это была, что называется, капля в море, и в конце концов еженедельник "Зеленя" создал фонд помощи бездомным животным. Перепадало им совсем немного, потому что люди, как говорила секретарь редакции Ниночка, стали черствые и злые, но несколько десятков бездомников все-таки спасли от голодной смерти, да еще на крошках подкармливались птицы.

Щен многое узнал за эти месяцы о трудностях жизни еще и потому, что Лиде ждала Кольку или Ольку и чувствовала себя неважно. Врачи упорно твердили, что ей нужны витамины — апельсины, лимоны, гранаты, которые стоили неслыханных денег. И хотя Рыжик взял дополнительную работу, а Борис с Ниночкой тоже старались помочь чем могли, на эти экзотические фрукты денег все равно не хватало. Из Серегино родители Рыжика присылали с оказией моченую бруснику, сухие грибы, варенье и очень переживали, что мандарины, урюк и хурма не растут в их северном краю.

Поэтому Щен стал всерьез задумываться, как помочь Лиде. И тут грянула Коста-Рика.

Еще полгода назад сосед Рыжика по лестничной клетке, электронщик Володя, подарил Рыжiku и Лиде на свадьбу маленький переносной телевизор, конструкцию которого он усовершенствовал, как и все, к чему прикасался. Телевизор действительно оказался замечательный — цветной, многоканальный, не знавший капризов и помех. По вечерам все собирались вокруг него и частенько спорили, какой канал включать. Только три передачи не вызывали разногласий: новости, футбол, клуб кинопутешественников. И еще брейн-

ринг с его замысловатыми вопросами и симпатичными ребятами, знавшими, казалось, все на свете...

На этот раз в клубе кинопутешественников передавали сюжет о Коста-Рике. Все примолкли, глядя на маленькую, сказочно красивую латиноамериканскую страну с ее горами, реками, синими озерами, деревьями, цветами и замечательными плодами земли.

Щен, который очень любил смотреть телевизор, как всегда, забрался на колени к Рыжику и, тихонько посапывая, представлял, как было бы здорово побегать по этой густой траве, полазить по горам, поваляться на мягких песчаных пляжах и есть все, что душе угодно. Он представил себя там с Дзизиком, Опросом и Биндюжником.

А диктор тем временем рассказывал, что в Коста-Рике круглый год растет клубника и всякие замечательные фрукты, а также множество невиданных в России овощей. Щен, как ни странно, любил сырую морковь, яблоки, сливы, а также щи из свежей капусты, которые так вкусно готовила Лида. Апельсины, грейпфруты и лимоны его не привлекали, но он относился к ним с почтением, потому что они нужны были Лиде.

Зато клубника была тайной страстью Щена: когда ему летом перепадала ягодка, он долго держал ее во рту, чтобы насладиться соком и ароматом, — ему казалось почему-то, что так должно пахнуть солнце...

И пока все смотрели передачу, изредка перебарщивая словами, Щену, который часто сочинял стихи, хотя редко признавался в этом, пришли на ум такие строчки:

*В государстве Коста-Рика
Круглый год растет клубника.
А у Лиды будет Колька,
То ли Колька, то ли Ольга —
Это ж денег надо сколько!
Днем покоя я не знаю,
Ночью голову ломаю:
Как добыть мне апельсины,
Апельсины, мандарины
И другие витамины?!*

Позже, когда передача закончилась, все поужинали, Лида пошла спать, а Рыжик уселся за работу, Щен не лег на свою подстилку, а принялся вертеться вокруг, пока Рыжик не поднял голову от бумаг.

— Почему не спишь? Заболел, что ли?

— Рыжик, — задумчиво произнес Щен, — почему бы тебе не взять командировку в Коста-Рику? Я полечу с тобой, и мы привезем Лиде много-много витаминов...

— Легко сказать, — ответил Рыжик и потрепал Щена между ушами, — в такие ко-

мандировки посылают очень редко, самые богатые газеты и журналы...

— А "Зеленя" разве не богатые?

— Ну... не очень. И потом, там надо знать испанский язык, а я немного владею только английским.

— Какая разница? — резонно возразил Щен, для которого все языки были одинаковы, поскольку Внутренний Голос не знает языковых различий. — Во-первых, я полечу с тобой и буду твоим — как это называется? — переводчиком. Во-вторых, витамины можно купить и так: просто ткнуть лапой и заплатить деньги.

— Вот именно, деньги, — вздохнул Рыжик. — Причем не наши рубли, а другие, которых у нас нет. Ладно, укладывайся, мне надо работать.

Щен послушно улегся на подстилку, но продолжал усиленно соображать. Коста-Рика, та, что показывали по телеку, ему очень понравилась. Если подружиться с местными собаками, там можно, наверное, раздобыть все что захочешь. Весь вопрос: как туда попасть?

Щен по натуре был мечтателем, но отличался от многих представителей этой славной породы весьма практичным складом ума и постоянной готовностью к действиям. Поэтому он обратился к Дзизу, хозяину которого, как известно, работал во Внешторге, но узнал, что тот только что вернулся из командировки и, судя по всему, в ближайшее время уезжать не собирался. Хозяева остальных знакомых собак тоже оказались большими домоседами, так что Коста-Рика с каждым днем уплывала все дальше, а Лида чувствовала себя все хуже...

И тут случилось чудо!

На утренней прогулке пудель Барбарис, раздуваясь от важности, сообщил Щену, что он со своим хозяином Володей уезжает на три года по контракту за границу. Что такое "контракт" Барбарис не ведал, но, судя по приподнятому настроению хозяина, утверждал, что это нечто вкусное. Насчет страны, куда лежит их путь, тоже ничего толком не знал, но был убежден, что его умный хозяин, то есть Володя, плохую страну не выберет.

Через пару дней, когда Рыжик и Лида обедали, а Щен в своем углу решал, съест ли молочную лапшу, которую он терпеть не мог, сейчас или оставить на потом, в дверь позвонили, и вошел Володя.

Он присел к столу, взял стакан чаю и поделился с друзьями ошеломляющей новостью: известная латиноамериканская фирма пригласила его, как талантливого электронщика, поработать три года в Коста-Рике. Сегодня он подписал контракт.

Услышав про Коста-Рику, Щен едва не подавился лапшой и, наспех проглотив ее,

бросился через площадку к Барбарису.

Барбарис уже готовился в дорогу — то есть обнюхивал все углы и стаскивал в центр комнаты под люстру все свои пожитки: поводок, намордник, подстилку, мисочку и резиновую кость со стойким запахом жареного мяса, которой особенно гордился. На Щена он посмотрел свысока, всем своим видом подчеркивая, что занят неотложными делами, но, услышав про витамины для Лиды, несколько оттаял.

Дело в том, что Лида нравилась Барбарису, он мечтал о такой хозяйке и очень боялся, что Володя выберет одну из легкомысленных девиц, которые постоянно крутились в их механизированной квартире.

Словом, Барбарис решил, что Лиде надо помочь. Поэтому он внимательно выслушал Щена, который во что бы то ни стало хотел уехать вместе с ними, и, поразмыслив немного, притащил большую клетчатую сумку на колесиках, на две трети наполненную Володяными тренировочными костюмами, массажерами, теннисными мячами и бадминтонными ракетками. Сумка была матерчатая, вся в мелких дырочках. Барбарис подтолкнул к ней Щена.

— Попробуй залезть сюда, — сказал он. — Сверху там лежит шапка, она большая и мохнатая. Если ты накроешься ею, тебя не будет заметно. Хозяин говорит, что зимой в этой шапке он будет подниматься в горы.

Не без труда забравшись в высокую сумку, Щен плюхнулся прямо на шапку, потом забрался под нее и с удовольствием установил, что там тепло и уютно. Поскольку отъезд был назначен через неделю, он вылез обратно. Они вдвоем оттащили сумку в самый дальний угол, чтобы Володя не вспомнил о ней до самого отъезда, и Щен вернулся домой.

Вся следующая неделя была трудной для Щена. Он понимал, что задумал нештатное предприятие, которое огорчит Рыжика, Лиду и всех остальных его друзей, но утешал себя тем, что Лиде очень нужны витамины и все образуется, когда он привезет их из Коста-Рики. В свой замысел Щен не посвятил даже Дзэкиа, Опроса и Биндюжника, и хотя ему нелегко было смотреть в честные глаза своих друзей, Щен считал, что игра стоит свеч.

Неделя пролетела быстро. Наступил день отъезда Володи. Рыжик простился с ним утром, отправляясь на работу, а Лида перед уходом в консультацию. Щен остался один и выбрался через свой ход на площадку.

Володина дверь была открыта настежь в связи с наплывом друзей, пришедших пожелать ему счастливого пути. Щен проскользнул в квартиру, не без труда отыскал в ворохе вещей знакомую сумку и, с облегчением убедившись, что она открыта, вска-

рабкался по ее вздутой стенке, плюхнулся внутрь, удачно накрылся шапкой и затих, досадуя на себя, что от волнения не успел даже как следует подкрепиться, поскольку неизвестно, когда придется есть и пить в следующий раз. Барбарис, который с тревогой следил за маневрами приятеля, старался держаться подалеже от сумки, всем своим видом подчеркивая, что он ничего не видел, не слышал и знать не знает.

Прошло два часа, которые показались Щену вечностью. В сумке было душно и жарко, но Щен терпел и надеялся только, что Володе не придет в голову в последний раз перетряхивать или набивать сумку до отказа. Но вот шум немного затих, кто-то внятно сказал: "Пора!", взвизгнула затянутая молния, и Щен почувствовал, как его катят на колесиках по площадке и вниз, по ступенькам. Потом сумку подняли и куда-то поставили. По тому, как сильно запахло бензином, Щен догадался, что это машина, в которой Володя поедет в аэропорт. Хлопнула дверца, раздался нестройный хор голосов, лай Барбариса, снова прощальные выкрики — и машина тронулась.

Ехали долго. Сумку трясло, качало, мотало на поворотах, но Щен, привыкший к тяготам походной жизни, переносил все это довольно легко. Мысль о витаминах, которые он привезет Лиде, была сильнее всех неудач и неприятностей.

Наконец машина остановилась. Послышался нервный лай Барбариса, который для Щена, несомненно, означал: "Готовься!". Сумка покатила по гладкому полу, ударила о какой-то угол и остановилась. Щен услышал незнакомый, властный, грубоватый голос, потом защелкали замки чемоданов, Володя горячо доказывал кому-то, что книги и записи ему необходимы для работы.

— Сумку на стол! — распорядился тот же голос. — Что у вас там?

— Спортивное снаряжение, — отвечал Володя. — Теннисные мячи, массажеры...

— Спортсмен, значит, — констатировал голос. — Собаку-то зачем везешь? Влетит она тебе в копеечку. Или не жаль валюты?

— Друг, — вздохнул Володя. — Не на кого оставить.

— Женой бы лучше обзавелся, — пробурчал мужчина. — Ну ладно...

— Петр Васильевич, — врезался в их разговор женский голос. — Смотрите, пятно на экране. Что бы это...

— Шапка, — поспешно заверил Володя. — Зимняя, волчья. Для прогулок в горы.

— Странная какая-то шапка, — настойчиво продолжал женский голос. — Вроде дышит...

Дальнейших слов Щен уже не слышал. Чья-то рука вытащила сверху шапку и свитер, которые так удобно его прикрывали,

весьма невежливо проехала по голове Щена, обхватила поперек туловища и вытащила на свет Божий.

— Собака! — воскликнула девушка в форме и разжала пальцы, так что Щен шлепнулся на высокий прилавок, где стоял аппарат, просвечивающий пассажиров. — Обратит внимание, товарищ майор! Хотел провезти контрабандой...

— Щен! — воскликнул Володя, изумленный до того, что его обычный баритон превратился в фальцет. — Что ты здесь делаешь?!

— Хочу поехать с вами за витаминами для Лиды, — ответил Щен Внутренним Голосом, доброжелательно оглядывая собравшихся.

Его Внутренний Голос, как всегда, отозвался внутри присутствующих. Володя, застонав, повалился на стул, в то время как таможенники молча переглядывались.

— Он у вас что, игрушечный? — осторожно спросил майор. — Так сказать, собака-робот?

— Какой там робот! — простонал Володя. — Просто это пес моего соседа-журналиста Игоря Солдатова. Собака уникальная, владеет даром передачи мыслей на расстоянии. Вы же сами слышали...

— И давно он им владеет? — строго осведомилась девушка, с особым вниманием разглядывая остальные Володины вещи.

— Не знаю, — честно признался Володя. — По-моему, с самого рождения. Впрочем, это лучше известно его хозяину. Вот его телефон...

— С телефоном мы разберемся, — заверил майор. — А вот наличие в багаже не внесенной в декларацию собаки... Кстати, а ваш пудель... может, он тоже того-этого?

— Ни того ни этого, — горячо заверил Володя. — Глуп, как... деревянная чурка (Барбарис возмущенно твякнул). Вот проверьте, попробуйте, ни одной команды не освоил, лентяй!

— Все-таки, пожалуй, придется задержать, — произнесла девушка, сбрасывая со стола Володины пожитки. — До выяснения всех обстоятельств.

Тут Володя застонал так громко, что Барбарис вздрогнул и зарычал, пытаясь защитить хозяина.

— Но он же ни в чем не виноват, — вмешался Щен. — Я потихоньку влез в сумку, честное слово!

Переговоры, перемежающиеся Володинами стонами по поводу возможного опоздания на самолет, длились довольно долго. Наконец майор, уразумев, что Володя действительно ни при чем, и вторично тщательнейшим образом проверив все его сумки и чемоданы, разрешил им пройти на посадку. Перепуганный вконец Барбарис

отвернулся от Щена, зато Володя, погладив его на прощание, тихонько промолвил:

— Передай ребятам — пусть ждут витамины.

Самолет, уносящий Володю и Барбариса в Коста-Рику, взлетел. Щену было видно из окна, как огромная серая птица долго катилась по дорожке, потом тяжело и величественно взмыла в воздух, пропарывая длинным острым клювом небесную синеву. Щен вздохнул и понурился.

И вдруг он услышал знакомые шаги. Дверь запахнулась, и в комнату влетел Рыжик. Щен радостно залаял и, спрыгнув со стола, бросился к нему.

— Ваша собака? — спросил майор, пристально глядя на встречу друзей.

— Моя, — отозвался Рыжик, подхватывая Щена на руки. — Как... что он тут натворил?

— Ничего особенного, — ледяным тоном отозвалась девица. — Хотел, знаете ли, улететь в Коста-Рику зайцем.

— Господи! — от изумления Рыжика даже качнуло. — Этого еще не хватало! Зачем тебе в Коста-Рику?

— Потому что там круглый год растет клубника и еще всякие витамины для Лиды, — ответил Щен. — Я бы ей привез много-много...

Он доверчиво взглянул на Рыжика, и тот ощутил какой-то комок в горле. Наверное, из всех проделок Щена эта была самая наивная и трогательная.

— Значит, он у вас с Внутренним Голосом, — задумчиво произнес майор, приглядываясь к Щену.

— Ага, — подтвердил Рыжик, крепче прижимая к себе верного друга. — Приношу вам свои глубокие извинения, но он хотел как лучше, честное слово. Он всегда хочет как лучше, просто иногда не получается. А теперь разрешите идти?

— Погодите, — сказал майор, указывая Рыжику на стул. — Попробуем договориться.

— О чем? — изумился Рыжик.

— Собачка у вас, конечно, необыкновенная. В нашей, например, службе ей бы цены не было. Может, продадите? Заплатим любую сумму хоть в рублях, хоть в СКВ. Начальство пойдет на затраты: это же не собака, а золотое дно!

— Спасибо, — серьезно ответил Рыжик. — Я очень польщен, но Щена не продам ни за какие деньги.

— Да брось ты. — Майор нетерпеливо отмахнулся. — В наше время все продается, тем более пес. Сам говоришь — жене на витамины не хватает. А тут... завалим витаминами, какими хошь! И за него не беспокойся — у нас служебные собаки сытно живут!

— У вас есть друзья? — вдруг спросил Рыжик, прерывая этот поток обещаний и уговоров.

— А как же, — откликнулся майор. — Нормальное дело...

— Вы бы согласились продать друга за витамины или СКВ? — спокойно спросил Рыжик и, поднявшись со стула, шагнул к двери. — Всего хорошего!

— Постой! — Майор встал, и Рыжик невольно остановился: так сурово прозвучал его голос. — Друзей не продают, это точно. Ну а хорошему делу друг послужить может?

— Какому делу? — осторожно спросил Рыжик. Майор кивнул девушке-контролеру на дверь, та, скорчив недовольную гримасу, вышла.

— Видишь ли, — майор тщательно подбирал слова, — время сейчас, сам знаешь, непростое. Очень напряженное время. Ты ведь журналист, должен понимать.

Рыжик молча кивнул. Майор вышел из-за стола, прошелся по длинной комнате, протянул сигареты Рыжику и закурил сам.

— Очень много дряни через границу хлынуло, — сказал он хмуро. — И от них, и от нас. Ты не подумай, я не против въезда-выезда, людям охота мир поглядеть, можно понять. Но ведь тащат из страны что ни попадя — от лома до старых дощечек. И все вроде законно: на лом — документы, дощечки так размалеваны — глазам больно... А копнешь глубже — не лом, а редкие металлы, под дурацкой мазней — иконы, да какие! Тринадцатый век, цены нет! Недавно вот из музея картины украли — Сезанн, Ренуар, Нестеров...

— Слышал, — сказал Рыжик.

— Ну если слышал — тем более... Конечно, у каждого свои взгляды да мнения, но Россия-то на всех одна, и отдать ее на разграбление — последнее дело! Вот почему мне твой песглянулся. У нас на границе замечательные собаки работают, тренированные на наркотики, взрывчатку... Но чтоб на картины или драгоценности — таких пока нет. А ведь твой-то, может, и разберется?

— Разберусь, — твердо сказал Щен. Его тоненький голосок прозвучал внутри них так внезапно, что оба вздрогнули. Рыжик укоризненно покачал головой, а майор просиял.

— Молодец! Видишь, какой он у тебя сознательный?

— Но... — начал было Рыжик.

— Минутку, — перебил майор. — Никто его у вас не отнимет. Зачислим его вольнонаемным, рабочее время согласно трудовому законодательству. Насчет зарплаты и пайка тоже не обидим. Годится?

— Годится, — вздохнул Рыжик. — Куда денешься?

— Ну вот и ладно. Порядок такой: утром увезем, вечером привезем. Ночевать будет дома. Инструктора дадим самого лучшего, Гошу Савельева. Есть еще вопросы?

— Можно мне взять с собой Дзэкика, Опроса и Тритити? — спросил Щен и, отвечая на недоуменный взгляд майора, пояснил: — Это мои самые лучшие друзья. Дзэкик и Опрос — собаки, Тритити — черный кот... Знаете, как он мышей ловит? И крыс?

— Поживем — увидим, — задумчиво ответил майор. — А пока, как говорится, вперед с песней!

Как Щен стал пограничником и познакомился с Сезанном, Ренуаром и Нестеровым

Каждое утро ровно в восемь ноль-ноль у дома, где жила семья Солдатовых, оставался пограничный "уазик" и сержант Гоша Савельев, невысокий, крепко сбитый, начищенный и отутюженный до блеска, поднимался в квартиру номер шестнадцать и принимал у Лиды с рук на руки Щена. Рыжик в это время обычно брился и, выглянув из ванной, делал напутственный жест, нечто среднее между приветствием римских легионеров и исконно русским "Счастливо!".

Иногда по вечерам, привозя Щена после трудового дня, Гоша засиживался у Солдатовых за стаканом чая, поскольку был еще холост и ему очень нравилась эта маленькая дружная семья. В свои двадцать два года Гоша больше всего на свете любил животных, в частности собак, так что эти чаепития превращались порой в настоящий кинологический, то есть собаководческий клуб, где каждый собеседник узнавал что-то новое и интересное. Но главной темой была, конечно, пограничная служба, которой Гоша серьезно и тщательно обучал Щена.

Щен оказался хорошим учеником — старательным, способным и веселым. Он быстро подружился со служебными собаками, особенно с красавицей-овчаркой Найдой, которая лучше всех на этом контрольно-пропускном пункте умела обнаруживать наркотики и еще кое-какие опасные вещества. Контрабандисты боялись ее как огня, несколько раз пытались пристрелить, заколоть, отравить... Но Найда с ножевым шрамом на боку и простреленным ухом все так же исправно несла свою службу, а ее инструктор Костя Рябинин, был до того привязан к своей питомице, что даже отпуск проводил в городе и не столько отдыхал, сколько, по выражению контролера Ларисы Фофановой, "околачивался на КПП".

Надо сказать, что Лариса Фофанова, та самая девушка-контролер, что выудила Щена из Володиной сумки, с первого же дня заняла по отношению к нему непримиримую позицию. Лариса вообще по характеру была, как говорится, не сахар, но начальство ценило ее редкостную дотошность при проверке документов пассажиров, отбывающих за кордон.

Щен, не ведая того, стал для Ларисы дополнительным раздражителем. Она считала, что его хваленые способности — сплошное шарлатанство, а потому нечего изводить на дворянку государственные средства. И хотя Щен в первые же дни проявил себя, столкнув во время проверки со стола керамическую чашу, где под слоем глины оказалось чистейшее серебро, а затем обнаружил в заурядном плюшевом зайце целый склад жемчуга, Лариса упорно твердила, что все это лишь везение и чистая случайность. Напрасно начальники и сослуживцы пытались ей втолковать, что этот маленький лопухий пес чрезвычайно полезен именно в силу своей незаметности. Ибо если пассажиры вздрагивали, когда вблизи появлялась могучая Найда, никому и в голову бы не пришло опасаться Щена. Поэтому, когда он, будто ненароком, смахивал со стола тяжеленную чашу или начинал драть зубами плюшевого зайца, всем, кроме потерпевших, это казалось милой шуткой. Ну а потерпевшим, то есть людям, пытавшимся провезти контрабанду, было, разумеется, не до шуток, и они проклинали Щена и собственное невезение...

Зато майор Дроздов всячески поощрял Щена и в день разоблачения плюшевого зайца наградил его свиной отбивной с косточкой, которую Щен по-братски разделил с Найдой. Следующая неделя прошла для Щена относительно спокойно, зато Найда обнаружила в багаже иностранного туриста пять килограммов наркотика. Теперь уже Щен был приглашен к трапезе, и ему досталась мясистая куриная нога.

Жизнь между тем шла своим чередом. Самолеты садились и взлетали, увозя и привозя пассажиров. Щену, любившему шум и движение, нравилась суета и толчея большого аэропорта, его интересовали пассажиры, проходящие таможеню, и он жалел только, что рядом не было Дзэкика, Опроса и Тритити... Музыканта, уезжавшего со своим цирком на зарубежные гастроли, Щен проводил до самого трапа самолета и долго глядел вслед лайнеру, растаявшему в опаловой дымке...

На втором месяце пограничной службы Щен снова отличился, углядев, что нижняя юбка покидавшей навсегда Россию рок-звезды расшита не какими-нибудь стразами и прочей бижутерией, а настоящими драгоценными камнями — сапфирами, ру-

бинами, изумрудами, которые, как выяснилось, достались ей далеко не честным путем...

После этого случая замолчала даже желчная Лариса, а Гоша привез Лиде в подарок от командования роскошный кондитерский набор.

Конечно, все гордились Щеном — Лидой, Рыжиком, Борисом, Ниночкой, не говоря уже об Опросе, Дзэкике и Тритити. Однако, как заметил эрудит Борис, роз без шипов не бывает. И Щену, увы, пришлось напороться на эти самые шипы...

В то утро все началось как обычно. Гоша Савельев привез Щена и передал его на попечение майора Дроздова и дотошной Ларисы.

День между тем обещал быть хлопотным, поскольку накануне стояла нелетная погода, и служба аэропорта торопилась отправить задержавшихся пассажиров.

Когда объявили рейс в одну из западных стран, Щен пристроился на своем посту — у стола для проверки — и принялся с интересом наблюдать за проходившими контроль людьми.

Вдруг он вздрогнул. Рядом с ним поставили высокую, прямоугольную, туго набитую сумку. Ничего особенного, на первый взгляд, в ней не было: стенки из узорного толстого пластика, такое же дно, крепкие металлические ручки. Сумка было доверху набита деревянными ложками, матрешками, солонками, расписными кухонными наборами, которые можно купить в любом магазине сувениров. Непонятно, правда, зачем было одному человеку такое количество этого добра, но, как говорится, что кому нравится.

Однако Щена заинтересовали не деревянные поделки, а сама сумка. От нее исходила какая-то сила, блеск, легкое сияние... И хотя он убедился, что сумка, после того как деревяшки оказались на столе, совершенно пуста, он никак не мог отделаться от странного наваждения. А потому непрерывно обнюхивал ее, трогал лапами, даже пробовал зубами... Но пластик был как железный, зубы Щена его даже не царапали.

Между тем хозяин сумки, солидный, прекрасно одетый мужчина, вдруг почему-то забеспокоился. Он подтянул сумку ближе и попытался ногой отодвинуть Щена, но тот, как привязанный, переместился следом, а когда острый носок ботинка уперся ему в грудь, слегка зарычал. Майор оглянулся и наклонился к Щену.

— В чем дело? — спросил он, но Щен никак не мог объяснить ощущение света и свежести, исходивших от этой странной сумки, и только негромко, но выразительно повизгивал. Тогда майор поднял сумку на стол, Лариса просветила ее, но на экране возникли лишь какие-то полосы и зигзаги,

которые вполне можно было объяснить фактурой пластика.

Пассажир между тем выразительно постукивал ногтем по стеклу наручных часов. Лариса, закончившая обследование сувениров и сумки, не без ехидства наблюдала за действиями майора, который все еще находился в нерешительности. "Опять влез этот дурацкий щенок!" — казалось, говорил ее выразительный взгляд.

Наконец майор неохотно отодвинул сумку, и пассажир принялся торопливо запихивать в нее деревянные. Но Щен вдруг залаял так яростно, что майор остановил пассажира и, нажав кнопку в столешнице, сказал возникшему в дверях сержанту:

— Пригласите понятых, произведем проверку.

Лариса испуганно взглянула на него, предвидя уйму разнообразных неприятностей.

— Это есть глубокий безобразия, — повысил голос пассажир. — Руссише хаос!

— А вот посмотрим, хаос или нет, — пробормотал майор, но тот возмущенно продолжал:

— Если я опоздать на самолет, фирма нести убытки!

— Возместим, — невозмутимо заверил майор.

Дверь зала распахнулась, вошли двое понятых — работники Аэрофлота.

— Прошу садиться, — сказал майор и, взяв острый нож и плоскогубцы, принялся осторожно отдирать обшивку сумки.

Напрасно пассажир, задохнувшись от ярости, требовал представителя посольства и грозил всяческими карами. Ловкие руки майора делали свое дело, располованная обшивка обнаружила каркас, за которым виднелись обернутые тончайшей свинцовой пленкой прямоугольники.

Все это время пассажир бурвил ненавидящим взглядом Щена, а Лариса зорко наблюдала за ними обоими.

Майор осторожно снял свинцовые прокладки, и на стол легли небольшие прекрасные полотна Сезанна, Ренуара, Нестерова...

Импозантный пассажир вдруг обмяк, как проколотый воздушный шар. Майор поднял глаза.

— Что же вы, господин хороший, наши музейные ценности умыкаете? — едко спросил он.

Услышав обвинение в краже, господин подскочил, словно его ошпарили. И вдруг со всей силой ненависти и несбывшихся надежд пнул Щена ногой так, что тот перелетел через зал, ударился головой о край стола, грохнулся о стену и в беспамятстве распластался на полу.

... Щен очнулся от того, что ему вливали

в рот что-то горькое. Он захлебнулся, закашлялся и, открыв глаза, увидел над собой бледные лица Рыжика, майора, Гоши Савельева и Ларисы. Он лежал на коленях у человека в белом халате. Услышав его кашель, человек выпрямился и улыбнулся.

— Очнулся, — сказал он. — Теперь, может, выкарабкается. Надо проверить рентгеном, не повреждены ли внутренние органы. А пока сделаем укол, пусть спит.

Он склонился над Щеном, тот почувствовал острый укус шприца и провалился в теплую темноту. Но и сквозь сон он чувствовал, как его осторожно подняли родные руки Рыжика, куда-то понесли, потом знакомо запахло обивкой пограничного "уазика" и наступил полный блаженный покой.

Когда Щен снова открыл глаза, под ним было уютное домашнее кресло, а сверху с двух сторон на него глядели Лида и Рыжик. И хотя в окно светило яркое морозное солнце, а в комнате было тепло и вкусно пахло, вид у обоих был такой, словно они пережили катастрофу и еще не пришли в себя.

Щен повел глазами и увидел, что из-под локтя Лиды выглядывает встревоженная мордочка Дзэика, а на спинке кресла, щуря зеленые бесстрашные глаза, сидит Тритити.

— Очнулся! — вскрикнула Лида, и по щекам ее заструились слезы. — Щен, как... как ты себя чувствуешь?

— Я хочу есть, — Внутренним Голосом ответил Щен. Лида бросилась на кухню и вернулась с мисочкой прекрасного бульона, в котором плавали кусочки мяса. Щена спустили на пол, а когда он наелся, остальное с удовольствием прикончили Дзэик и Тритити.

С этого дня Щен начал поправляться. По вечерам его часто навещал Гоша, дважды приезжал майор Дроздов с гостинцами, и даже Лариса прислала целый кулек пирожков с мясом.

Рыжик или Лида ежедневно водили Щена на процедуры, и хотя он уже чувствовал себя вполне здоровым и не прочь был вернуться в аэропорт, врач объяснил, что ушиб был очень сильный и пройдет еще много времени, прежде чем все придет в норму.

Но Щен не собирался так долго ждать. Он посоветовался с Дзэиком, Опросом и Тритити и решил совершить один потрясающий Поступок, о котором через несколько дней заговорил весь город...

ПОЭЗИЯ

Александр БОБРОВ

Российский проселок

Созревший ячмень
распушил золотые усы,
Слепят васильки,
По закрайкам полей выгорая,
Дорога старинная
средней моей полосы —
От бора до плеса,
От края земли и до края.
То холм, то низина,
То брошенный дом, то село.
Кузнечики вечные
в травах звенят телеграфно.
Так сколько же предков
По этой дороге прошло!
Туда и обратно.
Туда и — сквозь время — обратно.
Был путь их небросок?
По-моему, прям и высок.
Землицу топтали?
Нет, жили с размахом и толком.
И ежели время
сквозь пальцы уходит в песок,
То весок и плотен песок
По российским проселкам.
Застынь на юру —
На семи несмиранных ветрах
И вновь ощути
С нарастающим, горячим, тревожным,
Что если мы, странники,
все обращаемся в прах,
То самое лучшее —
Прахом вздыматься дорожным.
И как бы ни жил я,
Хочу не степенности, нет,
Когда, подустав,
говорят о заметном итоге,
А только надежды,
Что тоже оставлю свой след
На тающей в сумерках,
К звездам бегущей дороге.

Жизнь отца

Я подумал опять на седых берегах
Селигера,
Где отец все зовет меня издалека:
Как же мало узнал я о жизни
отца-офицера,
Подпоручика Кобринского полка.
Я стеснялся спросить и запутаться
в датах,

Безвозвратно казались они далеки:
Галицийские веси,
прорыв легендарный
в Карпатах
И раненье шрапнелью у горной реки.
В доме список хранился с печатью
деуглавою,
Где бои внесены за высоты Карпат,
Но они затмевались недавнею славой,
Той, которой оваян был
старший мой брат.
Героический сын его, павший недавно.
До того и скорбел, и гордился отец,
Что не помнил про орден с отличием —
"Анна" —
Про награду за бой у реки Коропец,
За лихой контрудар
от Поповой могилы.
Много шрамов в обычной отцовской
судьбе,
Он в российских просторах отыскивал
силы,
Чтобы молча сносить все осколки
в себе.
Я ведь помню седым его
и постаревшим,
Сколько шли по лесам и озерам
едвоем...
Вот он тихо сидит
над костром прогоревшим
И как будто не слышит о прошлом своем.
Но, быть может, без давнего боя
в Карпатах,
Если глянуть с позиций текущего дня,
Нет ни чести фамильной,
Ни старшего брата,
Ни меня...



Андрей БЕЛЯНИН

* * *

Мелькают минуты,
Часы обрезаются стрелками,
А жизнь впереди так предельно
И ясно видна,
За шиворот — дождь
С неприятными каплями мелкими,
И служба как служба,

И ночи как ночи без сна.
 Нет писем, нет слов.
 Значит, нет мне прощения, грешному,
 В осенние листья
 Уходит наряд торопясь,
 Я с вами, ребята,
 А губы смыкает по-прежнему
 Остынувших песен
 Слепая, ненужная вязь.
 Горелая накипь
 С души уже начисто сколота.
 А быть или не быть —
 Не тревожит сердца и умы.
 И осень готовит зиме
 Подвенечное золото.
 Не надо спешить.
 Все равно не уйти от зимы...
 Зимы наших чувств.
 Не открестись и не откупиться,
 Захочешь забыть.
 Только памяти голос суров.
 Наклещи шинель
 И в тоску, словно в женщину, влюбишься,
 А фото забудешь
 В какой-нибудь книге стихов.

Тамара ДУНАЕВСКАЯ

Девочка из санбата

Меня дразнили рыжей, конопатой
 В том дальнем детстве,
 В те еще года.
 И местные чижовские ребята
 Проходу не давали — вот беда!
 И Колька Спицин — первый заводила —
 Кричал: "А ну-ка, от забора кыш!
 Уронишь конопушку на перила —
 И запросто Чижовку подпалишь".
 Я плакала, резинкой щеки терла,
 Да разве их отмоешь, ототрешь...
 Но вот уже война берет за горло,
 И от разрывов польхает рожь.
 Сухие отголоски автомата,
 Ожесточенный ветер — мне в лицо,
 А я уже, девочка из санбата,
 Склонилась над израненным бойцом.
 Я ахнула.
 Да это ж Колька Спицин!
 А он, почти уж перестав дышать,
 Вдруг прошептал:
 "Ну вот и все, сестрица,
 Бинтов, родная, на меня не трать".
 И тишина. И горький дух полыни.
 Окраина заречного села.
 Года, года.
 Войны уж нет в помине.

На волосы мне изморозь легла.
 Хотя бы на день
 В детство возвратиться,
 Где шумный двор, веселый скрип ворот,
 И, встретив Кольку, вовсе не сердиться
 За то, что снова рыжей назовет.



Иван ЖУПАНОВ

На пограничной вышке

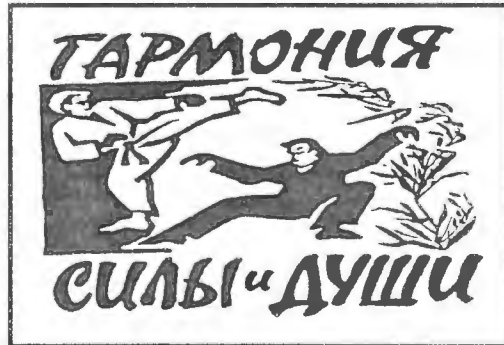
Обычный день в обычных красках,
 Подсолнух, гнущийся к кустам.
 Извив бурливого Аракса.
 Наш берег — тут,
 Их берег — там.
 Я — гость заставы пограничной,
 В регалиях фронтовика.
 А на посту
 Стоит парнишка
 В панаме горного стрелка.
 Он безотрывно смотрит в линзы.
 Там, за долиной, где жара,
 В снегу пузырьчатом, как брынза,
 Прохладно вздыбилась гора.
 Он на листок тетради серой
 Заносит зоркие слова:
 "Прошли в семь сорок
 Три сакера...
 Трава накошена у рва..."
 А мне без линз неважно видно,
 Что там, за дымкой, впереди.
 Но нестерпимо любопытно —
 Аж холодок сквозит в груди.
 И по-мальчишьи, как когда-то,
 Поглядывая на бинокль,
 Прошу серьезного солдата:
 — Дай поглядеть и мне,
 Сынок!



КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ

Сам себе тренер

Уроки дает
европейский
директор
Международной
тренинговой
ассоциации по боевой
подготовке
правоохранительных
органов
Иосиф ЛИНДЕР.



Тема занятия: специальные методы тренировки, начала самозащиты

Прежде всего отметим, что примечательна не только универсальность специальных упражнений и методов обучения в боевых искусствах Востока, но и сами истоки их широкой ориентации. Если вы помните, основываются они на идеалах "природной естественности", и "первозданной чистоты", которые и вдохновляли подлинных мастеров единоборств. Процесс обучения превращался в путь к совершенству, на котором лежал отблеск единого природного универсума. Не случайно в восточных методиках особое значение придавалось уподоблению природным стихиям. В многообразии окружающих предметов мастера видели неиссякаемый арсенал средств для профессионального роста, неиссякаемый источник психоэмоциональной энергии. Вот почему столь серьезное внимание уделялось тренировкам в полевых условиях – в горах и лесах, в жару и в холод. Общение и отождествление человека с природой позволяло как бы заимствовать и накапливать энергию солнца и ветра, деревьев и скал.

Исключительно важно отметить здесь одну общую особенность различных методик: неукоснительное следование природным ритмам человеческого организма, и в частности дыхания. Именно координация дыхания с движением становится источником эффективности любого физического действия, основой специальных методов психорегуляции. Рассмотрим это на примере равномерно ритмизованного бега. В боевых искусствах даже обычный бег превращается в специальное упражнение и существенно влияет на всю спортивную и физкультурно-оздоровительную практику.

Принцип равномерной ритмизации бега состоит в пропорциональном распределении числа шагов на выдох и вдох с преобладающим

нижним дыханием. Причем основное внимание уделяется выдоху, который акцентируется в конечной фазе, чтобы энергичный выброс остатков воздуха создал «вакуум», необходимый для рефлекторного вдоха. И тогда воздух не втягивается с усилием, а естественно «впускается», пока легкие не наполнятся. Следует осознанно контролировать этот процесс, для чего, например, японские спортсмены и их последователи озвучивают выдох, произнося отдельные словесные формулы с удобной фонетической структурой, как-то: «эй-се», или «тэн-се», (с акцентом на втором слоге).

Начинать освоение равномерно ритмизованного бега можно с ходьбы на месте, чтобы легче скоординировать дыхание и движение. Выдох — на 4 шага в умеренном темпе. Одновременно произносится словесная формула с растягиванием начального слога на первые 2 шага («э-эй») и акцентным завершением выдоха на следующие 2 шага с энергичным придыханием в конце («се-о»). В очередные 4 шага воздухом спокойно «впускается», в легкие. Затем весь двигательно-дыхательный цикл повторяется.

Когда ритм схвачен, можно переходить к бегу на месте в том же темпе, а затем к обычному бегу, начиная с небольших шагов. Увеличение длины шага повышает скорость движения и общую нагрузку. Чем больший объем воздуха циркулирует в одном дыхательном цикле, тем более активно мышцы живота вовлекаются в работу, чтобы обеспечить полный выброс воздуха. Постепенно «аппарат», координации дыхания и движения перейдет как бы в автоматический режим работы, при котором уже не обязательно произносить слова, достаточно только акцентированно озвучивать выдох. Стало быть, создаются реальные условия для освобождения сознания и перехода в состояние активной медитации, открывающие широкие возможности. Так, при достаточной общей физической подготовке и тренированности человек, переходя на «автопилот», способен преодолевать сверхмарафонские дистанции. Одним из тестов в некоторых японских школах является, к примеру, непрерывный бег в течение суток и более. Рациональный выбор определенного темпа и ритма проведения занятий позволяет в традиционной системе обучения выдерживать серьезные нагрузки и в то же время не работать на износ, обходиться без допингов и биостимуляторов. Более того, культура обучения в восточных единоборствах характеризуется также ритмизацией всего процесса деятельности человека, гармонизацией его образа жизни. В этом один из истоков той дисциплины духа и тела, того психофизиологического равновесия, которые (наряду с феноменальными профессио-

нальными достижениями) отличают полудлинных мастеров боевых искусств и характеризуют культурную традицию в целом.

Все эти фундаментальные принципы сохраняют значение и находят прямое продолжение во множестве узкоспециальных методов боевой подготовки. К ним относятся способы закаливания различных ударных поверхностей тела, освоения техники разбивания твердых предметов, упражнения на ударовыносливость и способность сопротивления огромным тяжестим, давящим и колющим воздействиям на слабые точки тела и т. п. И, конечно же, овладение подобным мастерством по своему значению гораздо шире военно-прикладного применения и проявляется в разных сторонах повседневной жизни.

А теперь поговорим об уникальных восточных методах обучения правильному взгляду и развитию периферийного зрения. Возможно, это кого-то и удивит, но в боевых искусствах взгляд — один из показателей мастерства, ибо в нем непосредственно отражается то или иное состояние сознания. Взгляд новичка обычно приковывается к рукам, ногам или глазам противника, выдавая неуверенность и растерянность. Недалеко отсюда и профессиональные шпионы древности учились по взгляду врага определять степень его готовности и намерения, а также использовали приемы гипноза, чтобы лишить его способности к серьезному сопротивлению.

В любом единоборстве рекомендуется воспринимать противника в целом, не отвлекаясь на детали. Для этого, держа глаза полужакрытыми, следует смотреть в глаза врага, но как бы не видеть их. Уже сам такой «пересекающий», взгляд может вывести неподготовленного человека из равновесия. В целях усиления психологического воздействия старые мастера придавали взгляду экспрессию. В одних случаях оружием становился холодный блеск в глазах, резкий, пронизывающий взгляд, вызывающий тревогу и опасения. В других, напротив, спокойный взгляд, проникающий в глубины души. Словом, ежедневная гимнастика для глаз считалась неотъемлемым атрибутом обучения. Для наглядности — простейшее упражнение: с «каменным», лицом вращайте глазами как можно дальше вверх, вниз, вправо, влево и по кругу. Выполняйте его с разной скоростью, с открытыми и закрытыми глазами. Если глазные мышцы устанут, зажмурьтесь крепко несколько раз и быстро поморгайте или, смежив веки, наложите на них основание ладоней и, слегка надавливая, выполните вращательные движения. Кстати, подобный массаж весьма полезен после пробуждения от сна для улучшения визуальной ясности.

Эффективное использование глаз и

формирование правильного «пересекающего», взгляда имеет отношение и к увеличению общего обзора, столь важного для ведения боевых действий. Известно, что через периферийное зрение проходит большая часть информации, и не случайно его развитию старые мастера боевых искусств придавали серьезное значение, ведь порой воину приходилось отражать нападение нескольких противников сразу, да еще и в темноте. Предлагаю простое специальное упражнение, совершенствующее периферийное зрение. Устремите спокойный взгляд вдаль и, не фиксируя его ни на чем, медленно поднимите руки вперед. Делая пальцами, кистями любые движения и постепенно разводя руки в стороны и далее чуть за спину, старайтесь фиксировать характер этих пасов, сначала простых и заметных, а затем более сложных. Не поддавайтесь искушению перевести взгляд, так как главное здесь — выработать способность улавливать на периферии малейшие движения и оценивать их.

И, наконец, рассмотрим элементарные приемы самозащиты, входящие в специальные разделы разных видов боевых искусств и необходимые в повседневной жизни. В частности, остановимся на приемах, применение которых позволяет контролировать ситуацию, не превышая пределов необходимой обороны. Они включают в себя освобождение от захватов противника с использованием болевых фиксации и толчков и входят в арсеналы дзюдо, традиционного самбо, джиу-джитсу и его китайской разновидности тайцзитушоу. По распространенной версии, легендарный основатель, точнее — первый систематизатор японского джиу-джитсу врач Акаяма Широки создал свою систему единоборств после поездки в Китай и знакомства с одним из вариантов системы тайцзитушоу. Девять основных принципов этого древнего искусства актуальны и сегодня, способствуя более осмысленному и целенаправленному изучению последующих приемов. А посему перечислим их.

1. Иметь острый глаз, как у орла.

Острота зрения помогает проникнуть в намерения противника, опередить его движение, перехватив в начальной фазе.

2. Работать руками быстро, как летящая стрела.

Точный захват возможен лишь при координации движений запястья, локтя, плеча и других частей тела. Быстрая, но беспорядочная работа рук — бессмысленна.

3. С шагом твердым, как крадется тигр.

Именно мягкая, крадущаяся манера передвижения, но с твердой постановкой ноги, сходная с походкой тигра,

помогает отработать тот незаметный внешне подшаг, который и составляет важнейший компонент техники опережающего движения.

4. С поясницей гибкой, как петля.

Гибкость поясницы определяет взаимную подвижность верхней и нижней половины тела, помогает включить в захват инерцию туловища или, наоборот, той же инерцией избежать сложной блокировки со стороны противника.

5. Цигун — база для концентрации силы.

Не овладев искусством правильного дыхания, невозможно концентрировать силу захвата длительного времени. «В поединке побеждает тот, кто глубже дышит и не сбивает дыхание», — говорили древние мастера.

6. Сила внезапная, как вспышка света.

Постоянное напряжение изматывает и лишает внутренних сил, поэтому в старину считали: «Твердое и крепкое — погибает, слабое и мягкое — разбивается». В поединке партнеры стараются с помощью уверток и ложных атак вынудить друг друга допустить ошибку, но воспользоваться ею можно, лишь приложив в нужный момент максимальное усилие, чтобы лишить противника шанса выскользнуть из захвата.

7. Знание и опыт совершенствуют мастерство.

Хотя не все знания напрямую связаны с единоборствами, мастер боевых искусств обязательно является знатоком жизни.

8. Разум — ключ к успешной работе.

Древняя поговорка гласит: «У кого выше мастерство, у того выше разум, у кого ниже мастерство, тот растерял свой разум». Длительные упорные занятия способствуют выработке разумных решений в той или иной ситуации, помогают правильно организовать учебно-тренировочный и образовательный процесс, ведь «знания, которые не пополняются, угасают».

9. Все прекрасное в едином.

Только гармоничное объединение всех основных правил дает возможность успешно пользоваться достижениями многовековой культурной традиции. Однако единого рецепта здесь нет.

Предлагаемая далее техника является учебно-тренировочной и отвечает как спортивным, так и лечебно-оздоровительным задачам. Она дается с некоторой адаптацией, чтобы облегчить самостоятельное познание биомеханики движений и предупредить возможность возникновения травм во время занятий.

Для описания учебных вариантов приемов приняты следующие обозначения: тори — нападающий, тот, на ком проводят контрприем; укэ — защищающийся, тот, кто проводит прием. Вначале — 14 вариантов из дзюдо и джиу-джитсу.

1. И. п. — тори спереди захватывает разноименную руку укэ в области запястья. Укэ освобождается из захвата, выкручивая свою руку в направлении большого пальца кисти тори. Главное — направить движение в область большого пальца атакующей руки как наиболее слабого места при блокировании кистью.

2. И. п. — тори захватывает одноименную руку укэ спереди в области запястья. Укэ высвобождает руку, выкручивая ее в направлении большого пальца кисти тори.

3. И. п. — то же. Укэ выворачивает свою захваченную руку вниз-внутрь-вверх так, что ее ладонь обращена вверх. Второй рукой он выворачивает локоть атакующей руки тори снизу-вверх-наружу-вниз и, продолжая движение кистью наружу-вниз, перехватывает запястье руки тори и обеими руками дожимает ее.

4. И. п. — тори захватывает запястье одноименной руки укэ сзади. Укэ, разворачиваясь в сторону захваченной руки, несколько подтягивает ее вверх за счет сгибания в локтевом суставе. И далее — см. вариант 3.

5. И. п. — тори захватывает запястья обеих рук укэ сзади. Укэ несколько приседает, сгибает локти, увеличивает воздействие предплечьями на большие пальцы рук тори, чем ослабляет силу захвата. Чуть разводя свои локти, укэ приподнимает руки тори, что позволяет ему проскользнуть под одной из них. При этом укэ левой рукой захватывает запястье тори и, продолжая движение за его спину, выводит руку тори на болевой прием.

6. И. п. — тори захватывает укэ сзади за корпус под руками. Укэ ослабляет захват, выкручивая палец одной из рук тори, освобождается, разворачиваясь в сторону захваченной руки тори, и проводит на нее болевой прием.

7. И. п. — тори захватывает укэ сзади за корпус, фиксируя при этом его руки. Укэ, раздвигая локти, несколько ослабляет захват. При этом он захватывает руку соперника и, разворачиваясь в ее сторону, проводит болевой прием.

8. И. п. — тори захватывает укэ спереди за корпус. Укэ освобождается из захвата, упираясь в подбородок соперника одной рукой, а другой обхватывает разноименную руку тори, фиксируя ее под локтем. Поджимая локоть руки тори вверх, он ослабляет захват и высвобождается из него, проводя болевой прием.

9. И. п. — тори захватывает укэ за шею сзади. Укэ захватывает обеими руками руку тори, закрывая свою шею

подбородком, отжимая руки соперника и подсаживаясь под него. Далее он выпрямляет ноги, поднимая тори и сгибая корпус вперед-в сторону захваченной руки, сваливает тори на землю.

10. И. п. — тори захватывает укэ за волосы спереди. Укэ накладывает свои кисти поверх кистей тори и, слегка прижимая их к голове, производит болевую фиксацию фаланг пальцев соперника, что помогает высвободиться из захвата и провести болевой прием.

11. И. п. — то же. Укэ накладывает свои кисти на кисть тори и, разворачиваясь внутрь, прижимает локтем локоть соперника вниз, проводя болевой прием.

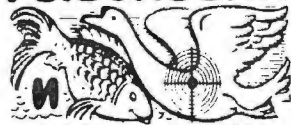
12. И. п. — тори захватывает одежду укэ спереди. Укэ, поджимая большой палец тори, ослабляет захват и высвобождается, продолжая болевую фиксацию пальца соперника.

13. И. п. — тори захватывает рукав одежды укэ спереди. Укэ свободной рукой захватывает кисть тори, а ребро ладони захваченной руки накладывает на локоть атакующей. Далее он вращает кисть соперника внутрь, а локоть наружу, надавливая на него ребром своей кисти, что вызывает болевой эффект и помогает высвободиться из захвата.

14. И. п. — тори захватывает отворот одежды укэ спереди. Укэ накладывает свою одноименную руку на кисть соперника сверху так, что четыре пальца лежат на тыльной стороне, а большой — с ладонной стороны. Вторую руку он также накладывает на кисть тори, но снизу и, вращая руку противника внутрь, прижимает локтем своей разноименной руки локоть атакующей руки тори, проводя болевой прием и высвобождаясь из захвата.

На следующем занятии мы рассмотрим другие приемы самозащиты.

РЫБОЛОВАМ И ОХОТНИКАМ



ЭТОТ ВЬЕЗД мы планировали давно. Мечтали о нем. Подгадали специально под него отпуска. Готовили снасти, экипировку, прочие причиндалы...

И вот наступил долгожданный день, когда наша тройца отправилась в путь — чуть ли не за триста километров от Москвы, на реку Осугу, что впадает в Вазузу, составную часть обширного Вазузского водохранилища. За разговорами, кажется, и не заметили, как одолели неблизкое расстояние. Разместились на пустыющей в этот предновогодний период рыболовно-охотничьей базе. Едва перетащив в отведенные нам апартаменты вещи из машины, вышли на лед, на рекогносцировку. Прямо напротив базы, не смотря на сгущающиеся сумерки, колдовали над лунками отец с сыном. Из общения с ними выяснили, что клев не ахти какой. Вот те на, мы-то настроены были на богатые трофеи. Тем более что оба моих спутника, два Геннадия: один — коллега, военный журналист, второй — офицер-пограничник, бывали здесь неоднократно в эту пору и якобы всякий раз отводили душу.

Впрочем, если честно, не-

утешительная информация неудачников нас не особенно расстроила. Впереди маячили целых десять дней, и мы их намеревались полностью посвятить рыбалке — что может быть замечательнее такой перспективы?! К тому же Геннадий Яковлевич и особенно Геннадий Иванович — “профессора”, если не “академики” по подледному лову. С такими не пропадешь. Одни

приличное число жерлиц. Увы, за целый день мы увидели всего четыре подъема флажков. В результате поймали только пару щук. К тому же на одной из удочек после поклевки случился глухой зацеп, пришлось оборвать леску вместе с отменной оснасткой.

Возвращались на базу несколько разочарованными. Правда, узица и жаренку на ужин мы себе обеспечили.

Редкий случай

снасти у них чего стоят — ну прямо-таки произведения искусства: все продумано, красиво, целесообразно. Иванович (его Яковлевич зовет любовно Генчиком), увидев мои жерлицы, тут же определил их в разряд учебных. А я-то гордился своими флажковыми удочками.

... Жерлицы поставили, когда на востоке еще не начало сереть. Работали, как на конвейере: один сверлил лунки, другой вымерял глубину в поисках бровки вдоль русла, а потом, подсвечивая фонариком, помогал настраивать снасти на нужную глубину третьему. Мне было немного непривычно, что всем этим мы занимались, не имея под рукой живцов. Только позже оценил, насколько это экономит время для заряжания удочек на хищников.

Короче, когда рассвело, у нас уже было установлено

Вселяло оптимизм и то, что сделали приличный запас живцов, которых в кане опустили в заранее прорубленную прорубь.

Обсудив за ужином ситуацию, решили сменить место и отправить подальше — километров за шесть, где, как утверждали ребята, наверняка должно повезти.

Их надежды, к сожалению, не оправдались. Возможно, причиной плохого клева была скверная погода, которая менялась чуть ли не каждые час-два. В итоге наши трофеи — одна средняя щука. К тому же мы израсходовали практически весь запас живцов, не воспользовавшись им. Потому-то на третий день своего пребывания на природе мы вновь оказались там, откуда начинали рыбачить.

И именно он, этот день, запомнился нам больше всего. И уловом. И необычным, редким случаем. Впрочем, все по порядку.

Жерлицы мы поставили строго по ранее разведанной бровке, рядом со старыми лунками. Лишь там, где случился зацеп, отступили метров на пять в сторону: зачем искушать судьбу?

Так получилось, что в поисках живца мы набрали на отличной пяточке, где после прикормки начался неплохой клев. Мы и жерлицы зарядили, и кану мелочишкой заполнили.

И флажки выстреливали поактивнее. Многие поклевки, правда, были пустыми, но случались и результативные. Генчик в самом начале рыбалки вытащил

Рассказы у костра

Разбой на рассвете

Развесив на сбросившие последний осенний лист березы тетеревиные чучела, я уселся в шалаш. В лесу царила полная тишина. Ее нарушало лишь отдаленное стрекотание доильного аппарата. Вдруг до моего слуха донесся быстро нарастающий шум. Схватившись за ружье, я выглянул в смотровую щель шалаша. В кружевом сплетении березовых ветвей, на фоне предрассветного неба бился какой-то живой силуэт. Быстро прицелился и выстрелил. Трофей повис на нижних ветвях. Выскочив из укрытия, я увидел крупного хищника. Одной лапой он держал сильно порванное чучело. Пока собирал подчучельник, чтоб снять птицу, она ослабла от потери крови и свалилась. Это был крупный ястреб-тетеревятник, купившийся на выставленные мной чучела.

Ф.ВАСИЛЬЕВ.

двухкилограммовую щуку. Потом я сподобился. Увы, мой трофей оказался поскромнее. А уже после обеда и третий наш товарищ поднял пятнистую. Да какую! И как!

... Загорелся флажок на жерлице, которая стояла в районе прошлого зацепа. Подбежали к снасти одновременно с Геннадием Яковлевичем. Он деловито начал выбирать леску. Какое-то время коллега работал молча, потом, вопросительно глядя на меня, предположил: что-то вроде есть, хотя сопротивление почти не чувствуется. Показался груз, поводок, наконец тройник с живцом. Живым и невредимым, как ни странно...

Но что это? С тройника свисала леска. Вот она уже в руках у Геннадия. Он начинает выбирать ее. Метр, два. Жилка неожиданно вытягивается до звона. Последовала подсечка. И началась борьба. А вскоре все было закончено. Рядом с жерлицей на снегу лежала настоящая "крокодила", как оказалось, без малого четырехкилограммовая. Из пасти ее торчала оснастка удочки, о потере которой мы так горевали.

Потом уже, проанализировав ситуацию в спокойной обстановке, мы пришли к выводу, что двое суток назад эта щука после поклевки засекалась, но ей удалось запутать снасть в коряжнике и остаться в родной стихии. Так и ходила она на кукуане, пока не перелестнула леску второй, поставленной рядом жерлицы. А может быть, живец новой удочки каким-то образом забагрил порванную снасть.

Как бы то ни было, а щука, однажды ушедшая от нас, во второй раз все же попалась.

В общей сложности в тот заезд на Осугу мы поймали на брата по четыре щуки. Немного за десять-то дней. Но сколько впечатлений осталось от той рыбалки. Мы и сейчас, перезваниваясь, обмениваемся ими: а помнишь?.. И все трое настроены выбраться на Осугу еще хоть разок. Начали уже понемногу готовиться.

Полковник
В.АФАНАСЬЕВ.

Сделай сам

На кружки... зимой

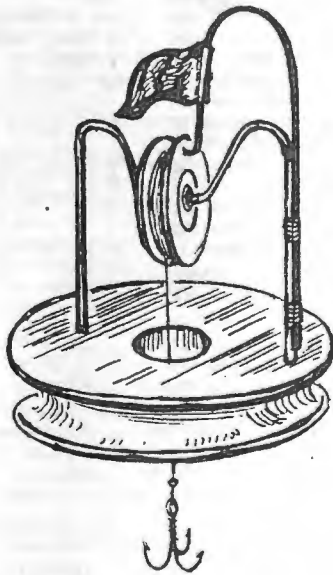
Обычно кружки после рыбалки по открытой воде лежат многие месяцы без дела. А ведь их вполне можно использовать и для подледного лова. Вот как, например, поступаю с ними я в осенне-зимний период. Беру пенопластовые осно-

вания (без стержней), на них устанавливаю проволочные рамки с катушками из-под лесок (оснащенные обычным образом грузиками, поводками, тройниками). К рамкам на резинках крепятся флажки. Вот и все.

Подобная снасть (см. рис.) удобна в эксплуатации, действует безотказно, хорошо фиксирует поклевки. И еще достоинство этой самоделки: она затекает лунку, под ней вода замерзает лишь в очень сильные морозы.

Если у вас есть кружки, считайте, что вы с зимними живцовыми удочками.

Капитан
медицинской службы
Е.ГОЛУБЕВ.



Природа и мы

Плен ради свободы

Второй день сидим мы безвылазно в охотничьем домике. Стекла окон монотонно звенят под ударами капель затяжного осеннего дождя. Скучно. Единственная наша отрада — верный тульский самовар, разогреваемый запасом сухих сосновых шишек. Прежде чем сесть к самовару, я взглянул в окно. Дождь немного поутих. "Кончается ненастье", — подумал я. Откуда-то из-под застрехи появилась стайка говорливых воробьев. Наблюдая за ними, я окончательно убедился, что ненастье кончается.

Вдруг шумливая воробьиная компания, прервав свои затеи, снялась и быстро опустилась в густой куст смородины. Лишь один из воробьев, вцепившись лапками в угол оконного косяка, плотно прижался к наличнику окна.

Вслед за этим с молниеносной быстротой последовал довольно сильный

удар в стекло желтых лап хищника. Воробьишка прижался еще плотней, как бы слившись с доской наличника. Через несколько секунд последовал второй налет. За воробьем охотился ястреб-перепелятник. Я быстро схватился за ружье, чтоб отпугнуть хищника, но стоявший за моей спиной товарищ принял более правильное решение: он быстро открыл форточку. Перепуганный воробьишка не замедлил воспользоваться этим — стремглав влетел в комнату, забился в щель между каминной и стеной. Мы не тревожили чудом спасшегося воробья. Уже через каких-то полчаса наш пленник с веселым чириканьем прыгал по столу, подбирая хлебные крошки и трудясь над корочкой сыра. Вскоре из-за туч брызнуло солнце. Услыхав через открытую форточку веселое чириканье своих собратьев, воробьишка задорно пискнул и вылетел на свободу.

Ф.САВИНСКИЙ.

Автодайджест

ВОЖДЕНИЕ АВТОМОБИЛЯ

Торможение в горах. Правилами дорожного движения на горных дорогах запрещается движение на спусках с выключенными сцеплением или передачей. В связи с этим у водителей иногда возникает вопрос — а чего ради существует такое ограничение? Ведь исправный ножной тормоз автомобиля действует несравненно эффективнее, чем двигатель в режиме торможения, и, нажав на тормозную педаль, можно остановить автомобиль на любом уклоне.

Это действительно верно, если потребуется затормозить машину всего 1 или 2 раза. Но если многочисленные спуски идут один за другим, то в результате частых торможений колодки сильно нагреваются и тормозной эффект значительно снижается, вплоть до полного отказа тормозов. Поэтому действуйте по правилу: спускаться следует на той же передаче, на которой преодолели бы этот подъем. В этом случае автомобиль не будет сильно разгоняться, и при необходимости его будет легко остановить обычным торможением.

Проезд водных препятствий. Если накладки тормозных колодок смочены водой, то эффективность торможения автомобиля резко снижается. Остерегайтесь недооценить это явление! Обязательно после проезда глубокой лужи или преодоления брода, после сильного дождя или мойки автомобиля проверьте действие тормозов и при необходимости просушите накладки, слегка нажимая на тормозную педаль при движении автомобиля.

Опытные водители рекомендуют перед проездом лужи слегка выжать педаль тормоза и так, немного притормаживая, преодолевать препятствие. При этом накладки тормозных колодок, прижатые к барабанам, почти не намокают.

Умейте маневрировать. Рулевое колесо включает в себе гораздо больше спасительных возможностей, чем тормозная педаль. Очень часто сложные дорожные ситуации можно устранить путем простого маневра. Однако многие водители, видя преграду на дороге, ничего не делают для того, чтобы ее объехать. Они не могут оторвать взгляд от препятствия, нажимая изо всех сил на тормозную педаль, не предпринимая попыток изменить курс при помощи руля, чтобы избежать столкновения с препятствием.

Очень трудно, но необходимо перебороть навязчивую мысль непременно удержаться на дороге, не съехать с проезжей части при наличии препятствия. Журнал "Моторвельт" (Германия) рекомендует специально тренироваться на съезд с дороги до тех пор, пока сознание необходимости и безопасности такого маневра не войдет вам в плоть и кровь.

Движение в тумане. Каждый водитель знает, насколько трудно движение в тумане. Стандартные фары только ухудшают видимость, потому что перед глазами водителя образуется "световая стена". Наилучшая видимость дости-

гается, когда все огни на автомобиле погашены, но это недопустимо, так как тогда ваш автомобиль становится невидимым для остальных участников движения.

Облегчить управление автомобилем в этом случае могут противотуманные фары. Но как ими пользоваться в разных погодных условиях, в каких сочетаниях с другими осветительными приборами?

Установлено, что в темное время суток следует применять следующие осветительные приборы:

- при слабом тумане (дымке), когда видимость дороги в дальнем свете не менее 100 м, — фары дальнего света вместе с противотуманными фарами; при разъездах со встречными автомобилями фары нужно переключить на ближний свет, а противотуманные погасить;

- при тумане средней плотности или ливневом дожде, когда при дальнем свете фар появляется "световая стена", — фары ближнего света вместе с противотуманными фарами; эти же приборы включены и при разъездах;

- при густом тумане или сильном снегопаде — только противотуманные фары, остальные приборы освещения погашены.

Прохождение поворотов. Специалисты по теории автомобиля рекомендуют следующий порядок прохождения поворотов, при котором опасность сноса автомобиля с трассы сводится к минимуму.

Во-первых, если скорость автомобиля слишком велика для прохождения поворота и ее нужно снизить, то торможение должно быть обязательно закончено до начала поворота. На самом повороте тормозить нельзя — это значительно снижает боковую устойчивость автомобиля. Во-вторых, желательнее сразу же после входа в поворот начинать разгон, плавно нажимая на педаль акселератора.

В-третьих, траектория движения автомобиля должна иметь наибольшую крутизну в начале поворота. Иными словами, в момент входа в поворот рулевое колесо следует повернуть на максимальный угол. По мере прохождения поворота рулевое колесо постепенно возвращают в исходное положение.

Движение в гололед. На скользкой дороге, особенно на подъеме, трудно тронуться с места из-за буксования колес. В таких случаях рекомендуется начинать движение не на первой, а на второй или даже на третьей передачах. Для успешного использования этой рекомендации на практике потребуются провести несколько специальных тренировок, чтобы научиться согласованно управлять педалями сцепления и акселератора.

Хорошая привычка. Выработайте привычку при езде на автомобиле бросать взгляд в зеркало заднего вида не реже чем через каждые 5 секунд, а также перед совершением маневра: при обгоне, торможении, перестроении, перед поворотом и т.п. Такая привычка убережет вас от многих неприятностей.

Полковник В. ЛИТВИНОВ.

Рецепты народной медицины

“Скорая помощь”

При сильных ушибах рекомендуется сразу наложить на ушибленное место лед, а позднее растереть камфорным спиртом или отваром цветов арники.

При ушибах суставов, при растяжении и вывихах (после вправления) после снятия льда в народе издавна пользовались отваром цветов арники.

Одним из лучших средств лечения ушибов считалось использование бодяги. Две столовые ложки бодяги, истолченной в порошок, развести четырьмя столовыми ложками кипяченой воды и немедленно наложить на ушибленное место. Действие бодяги начинается после испарения некоторого количества влаги. Положенная на ушибленное место немедленно, бодяга предохранит от возникновения кровоподтеков и гематом.

При растяжении суставов сибирские знахари пользовались своих больных компрессами из горячего молока. Сложенную вчетверо марлю намочить в горячем молоке и сделать компресс как обычно — с наложением сверху компрессной бумаги и ваты. Менять компресс по мере остывания марли.

Очень мелко нарезанный репчатый лук смешать с сахарным песком и растереть смесь в ступке. При растяжении сустава наложить на сустав марлю, поверх которой намазать слой приготовленной смеси.

Разрезать лист алоэ и резаной стороной приложить к порезу и прибинтовать. Через пять-шесть часов, как утверждали знахари, рана уже “схватится”.

Заполнить бутылку свежими листьями крапивы, залить спиртом и закрыть пробкой. Выставить на солнце на две недели. Смоченная в такой настойке марля и приложенная к ране или порезу ускорит заживление ран и предохранит от инфекции.

100 граммов оливкового масла, 8 граммов желтого воска, 5 граммов белого воска, 20 граммов сосновой смолы (канифоли) и одну столовую ложку свежего сливочного масла смешать, поставить на медленный огонь и нагревать десять минут. Смесь необходимо постоянно помешивать и снимать пену, появляющуюся на поверхности. Переложить в стеклянную банку. Намазать на марлю тонким слоем и прикладывать к ране.

Вскипятить две части оливкового масла и одну часть чистого пчелиного воска на небольшом огне. Полученную мазь остудить и переложить в банку. Промыть рану перекистью водорода, прикладывать повязку с описанной мазью.

При старых, гнойных ранах для очищения раны и ускорения ее заживления русские знахари рекомендовали следующую мазь: столовую ложку козьего или овечьего жира, половину столовой ложки поваренной соли и столовую ложку мелко нарезанного лука сложить в крепкую посуду или ступку и тщательно растереть. Смесь наложить на рану

на сутки. Первое время при наложении смеси боль будет сильная, но по мере очищения раны и ее эпителизации боль прекратится. Менять повязку ежедневно до полного очищения раны.

При флегмонах, долго не заживающих язвах и ранах рекомендуется применять примочки из отвара листьев эвкалипта. 30 граммов измельченных сухих листьев залить стаканом крутого кипятка и кипятить при постоянном помешивании 30 минут. Остудить и процедить.

Как кровоостанавливающее и противовоспалительное средство рекомендуется водный настой тысячелистника. Одну столовую ложку травы залить стаканом крутого кипятка и кипятить на медленном огне 15—20 минут. Процедить и применять для обмываний и примочек.

Примочки, протирания и компрессы из отвара березовых почек — хорошее средство для лечения прыщей, раздражения кожи, помогают они и при болезнях суставов. Взять одну столовую ложку березовых почек, залить их стаканом крутого кипятка и кипятить 15—20 минут. Дать настояться до остывания и процедить.

При кровоточивости десен полезно полоскать рот чуть теплым отваром коры дуба и липового цвета. Смешать две части коры дуба и одну часть липового цвета. Чайную ложку смеси заварить стаканом кипятка, процедить и остудить.

Для заживления ран, при ушибах, ломоте применяли припарки из травы зверобоя. Столовую ложку измельченной травы зверобоя залить половиной литра водки и настаивать в течение недели. Хранить в плотно закупоренной бутылке. Применяется для втирания в кожу головы 1—2 раза в неделю для укрепления и оздоровления волос. Сорок капель настойки в половине стакана воды — хорошее средство для полоскания рта при дурном запахе.

При раздражении кожи, при угревой сыпи применяют водный раствор листьев алоэ. Листья, предварительно выдержанные 10 дней в темном и холодном месте, измельчить до кашицеобразного состояния и залить холодной кипяченой водой, взяв на одну часть измельченных листьев пять частей воды. Настаивать смесь в течение часа, а затем прокипятить, но не более 2—3 минут. Процедить. Протирать лицо при жирной коже.

Траву зверобоя применяют в народной медицине с древнейших времен для лечения ожогов, ран, воспалительных процессов. Из зверобоя готовят настои, отвары, зверобойное масло. Одну часть измельченного в мелкий порошок зверобоя залить двумя частями оливкового масла. Настаивать 2—3 недели и процедить. Марлю, смоченную зверобойным маслом, прикладывать при ожогах и раздражениях.

При воспалительных заболеваниях кожи, раздражениях, ушибах и царапинах помогает смесь из листьев подорожника и тысячелистника. Тщательно промытые листья подорожника и тысячелистника измельчить, смешать в равных пропорциях, завернуть в марлю и прикладывать к больному месту. Смесь обладает кровоостанавливающим, асептическим действием.

Б. ЛОМОВ,
майор медицинской службы.

Сад-огород

ХРЕН

Многолетнее корневищное растение. Хрен — наиболее острая из всех пряно-вкусовых культур. В нашей стране возделывается повсеместно. Как овощную культуру его выращивают на значительных площадях в Европе и Северной Америке. Дикие формы встречаются в средней полосе России, на Кавказе и в Западной Сибири.

Хрен отличается острым вкусом, что связано с наличием в нем гликозида синигрина, который под воздействием ферментов при размельчении корней расщепляется и выделяет эфирное горчичное масло с резким запахом. Растение содержит большое количество аскорбиновой кислоты (до 90 мг%), каротин, витамины группы В, минеральные соли (калий, кальций, фосфор), смолистые и азотистые вещества. Благодаря высокому содержанию витаминов, особенно витамина С, хрен является хорошим противогрибковым средством. Другое ценное свойство хрена — наличие в нем фитонцидов, что способствует уничтожению бактерий и микроорганизмов. Поэтому издавна хрен используют при хранении продуктов. Их пересыпают нарезанными кусочками корней хрена. Корни хрена используют в сыром, консервированном и вареном виде. Молодые нежные светло-зеленые листочки добавляют в салаты, супы, кладут на бутерброды. Листья и корни взрослых растений используют как приправу при консервировании и засолке огурцов и помидоров.

Хрен возбуждает аппетит, улучшает вкус пищи и способствует лучшему пищеварению. Однако при воспалительных процессах в системе пищеварения употребление хрена не рекомендуется. Хрен находит широкое применение в народной медицине. Из корней готовят средство от радикулита. Водный настой хрена, обладающий антимикробными свойствами, используют для полосканий и компрессов при воспалительных процессах в полости рта и носа.

Особенности выращивания. Размещают хрен на специально отведенном участке. Почву перекапывают глубоко с осени, не менее чем на 30 см. Под осеннюю обработку почвы вносят до 6-8 кг торфокомпоста или навоза, 30-40 г суперфосфата, 25-30 г калийной соли и 20-30 г аммиачной селитры на 1 м². Выращивают его на ровной поверхности. В местности с близким уровнем грунтовых вод возделывают его на грядах и гребнях. Посадку хрена производят из расчета

четыре-шесть черенков на 1 м². Черенки обычно заготавливают осенью при уборке урожая. Их высаживают рано весной в рыхлую почву (в конце апреля—начале мая) с расстоянием между рядами от 45 до 60 см или ленточным способом — между лентами 50 см, рядами — 30 см. Посадку черенков проводят в рядки на 25-30 см, раскладывая их под углом 45°, лучше с помощью сажальных колышков. Колышек втыкают наклонно в почву и в образовавшуюся лунку вставляют косым срезом вниз черенок. Верхние концы черенков присыпают почвой слоем около 3 см на тяжелых и до 5-6 см на легких почвах. Глубина лунки должна превышать длину черенка на 3-5 см.

При посадке на гребнях черенки раскладывают на боку гребня на расстоянии 25-30 см, наклонно косым срезом вниз, а прямым срезом к поверхности почвы. Почву после посадки уплотняют (прихлопывают). Этот прием способствует лучшему и быстрому укоренению черенков.

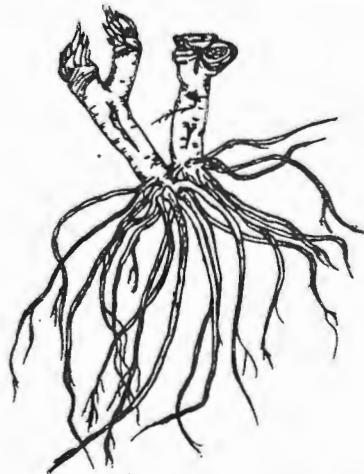
При слабом росте растения подкармливают полным минеральным удобрением (5-7 г аммиачной селитры, 7-9 г суперфосфата, 4-5 г калийной соли на 1 м²) или раствором навозной жижи (1:10). Для того чтобы растение не истощалось, образующиеся на второй год цветочные стебли срезают. Если хрен выращивают в течение одного года, то его убирают осенью, при двухгодичном выращивании — осенью второго года.

Убирают хрен и заготавливают черенки поздней осенью (конец октября—начало ноября). Приступают к уборке, когда начнут отмирать нижние листья. Корни выкапывают вилами или лопатами на глубине 35-40 см. На участке тщательно выбирают все остатки хрена, иначе хрен сильно разрастется на огороде и засорит почву. Поэтому целесообразно сажать его

вдоль забора или по углам садового участка. Затем, после срезы листьев с растений, чтобы корни не подвяли, их сразу затаривают и переносят в хранилище (подвал, подполье). Здесь их сортируют на товарную продукцию и готовят посадочный материал. Самой качественной продукцией являются молодые корневища. Урожай корней хрена достигает 1,3-1,5 кг/м² и выше.

Для подготовки посадочного материала черенки нарезают из боковых корней от нижней части корневища. Установлено, что они образуют меньше цветочных стеблей и дают лучшие по товарным качествам корни. От одного растения можно заготовить три-пять черенков. Длина черенка должна быть 15-20 см, а толщина — не менее 1 см. На нижней части делают косой срез, с тем чтобы не перепутать верхнюю и нижнюю части при посадке. Подготовленные черенки связывают в пучки и хранят в зимний период в хранилищах (подвалах), так же как и корни товарного продолжительного хрена, с пересыпкой песком.

Валентина ГУЩИНА,
садовод-любитель.

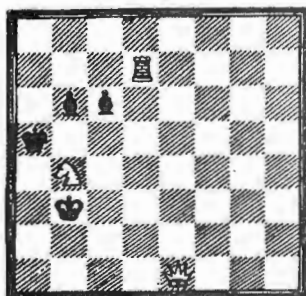




Под редакцией
мастера спорта
А. Калинина

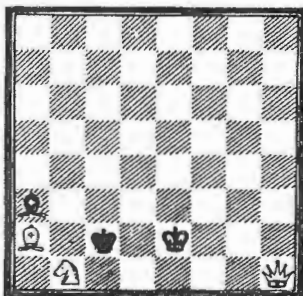
ШАХМАТНЫЕ ЗАГАДКИ

№ 13. В.Вовнейко, 1971



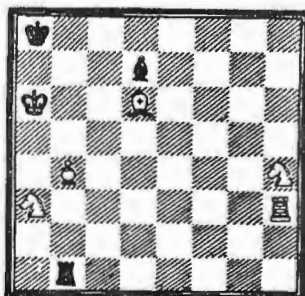
Мат в 2 хода

№ 14. И.Агапов, 1986



Мат в 3 хода

№ 15. А.Кременской



Мат в 4 хода

Надеемся, наши читатели заинтересуются секретами публикуемых задач и попытаются раскрыть их. В четырехходовке № 15 у белых пять одинаковых попыток начать атаку, у черных же пять одинаковых возражений: 1.Лс3? Лс1!, 1.Ле3? Ле1!, 1.Лf3? Лf1!, 1.Лg3? Лg1! 1.Кh—любой? Лh1! Одна из этих попыток есть решение. Какая?

Наряду с ортодоксальной композицией популярны сейчас так называемые гетеро-доксальные жанры — задачи на кооперативный и обратный маты. Приводим примеры таких задач.

Крd1, Лf6, Лf8, Са4 /4/ — Крг2, Фh5, Лf3, Лf7, Сg4, пп.d2,e3,g3 /8/, кооперативный мат в 3 хода. Как известно, в задачах на коопмат первый ход делают черные: 1.Лf2+ Лf3 2.Лf4 Лf5 3.Кр:f3 Сс6X! "Ладейные догонялки" — такое название получила эта трехходовка.

А вот задача на обратный мат: Крс3, Лb2, Лh8, пп.a6,d2 /5/ — Кра1, Ла8, пп.a2,a7,c4,c5 /6/, обратный мат в 3 хода, т.е. белые начинают и заставляют черных дать мат белому королю в 3 хода. Решение нетрудное, предлагаем найти его. Задачи эти оригинальные, нигде не публиковались.

ШАХМАТНАЯ АЗБУКА

В шахматной партии различают три стадии: дебют, или начало игры (обычно первые 5—10 ходов), миттельшпиль, или середина игры, и эндшпиль — конец игры. Дебют — это мобилизация сил, вывод фигур на выгодные позиции, захват центра пешками, противодействие противнику в его развитии. Ошибки в дебюте ведут обычно к поражению.

Дебютная теория обширна, печатные

труды о дебютах появились еще в XVI веке. Знать тонкости дебютов, конечно, хорошо, но для любителей шахмат неосуществимо. Однако логические правила борьбы надо знать твердо. Главное правило тут таково: в дебюте не терять темпа!

Чаще всего потеря темпа связана с преждевременным выводом ферзя на боевую позицию. В этом случае противник начинает атаковать его, развивая при этом свои силы, а ферзь делает бесполезные ходы. Посмотрите короткую партию, иллюстрирующую изложенное.

1.e4 e5 2.Кf3 Фf6? 3.Сс4 Фg6? Ферзь напал на пешки e4 и g2, но выигрыш пешки только тормоз в развитии. 4.0-0 Ф:e4? 5.С:f7+! Кре7. Брать слона нельзя из-за вилки 6.Кg5+. Черные лишились рокировки, а это потеря огромная. 6.Ле1 Фf4 7.Л:e5+ Кр:f7 8.d4 Фf6. Ферзь делает пятый ход, теряя нужные темпы в развитии. 9.Кg5+ Крг6 10.Фd3+ Крh5 11.g4+ Кр:g4 12.Фh3X. Такова плата за потерю темпа!

В любительских партиях встречаются и такие горе-дебюты: 1.e4 e5 2.f4 Фh4+?, ненужный шах, ведущий к потере темпа, как и в приведенной выше партии.

ПРОВЕРЬТЕ СВОИ РЕШЕНИЯ (На боевом посту, 1994, № 10)

№ 10. Л.Куббель. Крд2, Фf3, Кd7, п.с3 — Кра5, п.a4, мат в 2 хода. 1.c4!, цугцванг; 1...a3 2.Ф:a3X, 1...Крb4 2.Ф:c3X, 1...Кра6 2.Ф:a8X.

№ 11. А.Галицкий. Крh2, Фс3, Сс2 — Кра1, Са2, пп.b2,h3, мат в 3 хода. 1.Фe5! Сb1 2.Фe1 Кра2 3.Ф:a5X, 1...Сb3 2.С:b3 Крb1 3.Фe1X, 1...Сс4 2.Фe1+ Кра2 3.Ф:a5X.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

7. Документальная повесть Героя Советского Союза П.Вершигоры. 8. Жизнеописание. 10. Персонаж романа А.Фадеева "Разгром". 11. Драматург, автор пьесы "Вечно живые", по которой был снят кинофильм "Летят журавли". 12. Роман С.Крутилина. 15. Персонаж повести Б.Дубровина "Вдали и рядом". 18. Роман А.Караваевой, являющийся составной частью трилогии "Родина". 19. Автор известного стихотворения "Жди меня", романа "Живые и мертвые". 20. Персонаж повести И.Стаднюка "Человек не сдаётся". 21. Персонаж повести В.Карпова "Маршальский жезл". 25. Автор книги "Повесть о настоящем человеке". 26. Автор романов "Полководец", "Вечный бой", "Взять живым" и др. 27. Автор политического романа "Реквием каравану PQ-17". 31. Герой повести В.Некрасова "В окопах Сталинграда". 33. Заключительная часть любого произведения. 34. Прототип персонажа книги С.Смирнова "Брестская крепость". 35. Персонаж повести Ю.Бондарева "Последние залпы". 36. Автор романа "Туда и обратно".

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Воспоминания военачальника Л.Сандалова,

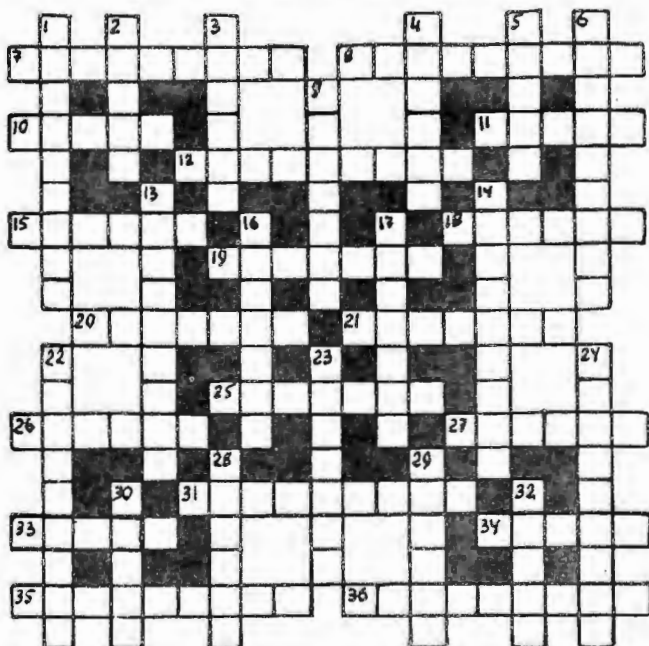
Ответы на кроссворд, опубликованный в № 10

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

4. Лермонтов. 7. Минин. 8. Гомер. 11. Ювенал. 14. Со-крат. 15. Никитин. 16. Наполеон. 17. Некрасов. 20. Поле-вой. 22. Платон. 23. Гоголь. 26. Ибсен. 27. Чосер. 28. Пастернак.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Есенин. 2. Леонов. 3. Фонвизин. 5. Низар. 6. Чехов. 9. Веспасиан. 10. Грибоедов. 12. Симонов. 13. Цицерон. 18. Бетховен. 19. Гоббс. 21. Рошер. 24. Цезарь. 25. Мо-царт.

КРОССВОРД**ЛИТЕРАТУРНЫЙ****Посвящен 50-летию Победы**

участника битвы под Мос-квой и Курской битвы. 2. Поэма А.Жарова. 3. Пер-сонаж романа А.Фадеева "Молодая гвардия". 4. Поэма А.Прокофьева. 5. Персонаж повести А.Пан-ферова "Плен". 6. Автор новеллы "Гибель коман-

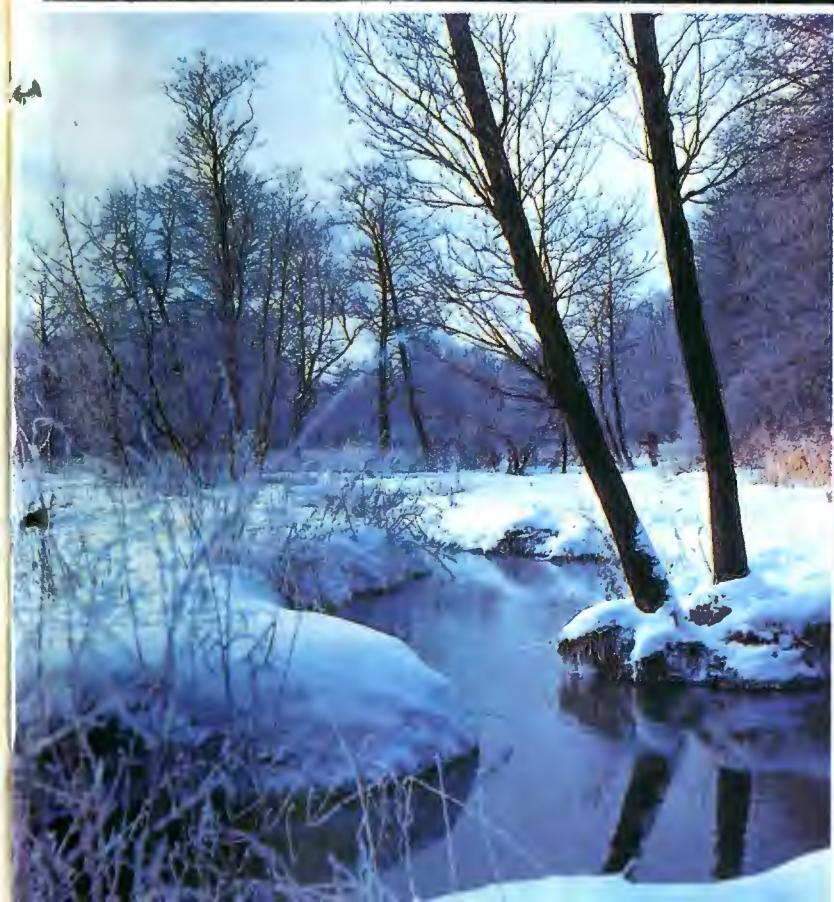
дарма". 9. Персонаж по-вести Б.Дубровина "О годах забвения". 13. Одно из стихотворений М.Дуди-на. 14. Автор драмы "Бара-банщица". 16. Автор поэмы "Киров с нами". 17. Автор романа "Они сража-лись за Родину". 22. Автор поэм "Гвардии рядовой", "Проводы" и др. 23. Рас-сказ И.Эренбурга. 24. Пер-сонаж романа Б.Василье-ва "В списках не значился". 28. Автор романа "Русский лес" и пьесы "Нашествие". 29. Стихотворение О.Берг-гольц. 30. Автор песен "За-ветный камень", "Ходили мы походами" и др. 32. Персонаж повести В.Бого-молова "Иван".

Составил
Е.КУЛИКОВ.



М. ЧЕБЫШЕВА

*Какие нынче
яркие березы!
И даже в дождь
так праздничны леса...
Восход осенний
холоден и розов,
А днем
прозрачно-льдисты
небеса.*



*Уйдут под снег
пылающие кроны,
Светящей
не утратив
желтизны.*

*Береза
свой последний лист
уронит*

*Лишь в феврале,
в предчувствии
весны.*

**Фото
А.АЛЕКСАНДРОВА**



АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО
ОТКРЫТОГО ТИПА

NOVO

ВАШУ БЕЗОПАСНОСТЬ ОБЕСПЕЧИТ
ТЕХНИКА "НОВО"! 

127434,
г. Москва,
ул. Дубки, д.6.
Телефоны:
(095)211-24-22,
976-30-83
Факс:
(095)211-24-22
Телекс: 411700
"CorpNOVO",
бокс № 13741.



Акционерное общество открытого типа "НОВО", имеющее большой опыт в оснащении техникой правоохранительных органов и негосударственных служб безопасности, а также защите объектов,

ПРЕДЛАГАЕТ:

— устройство съема информации из помещений и с линий связи, поисково-обнаружительные системы, аппаратуру защиты и противодействия утечке информации, средства общей и индивидуальной защиты, радиостанции (персональные, автомобильные и офисные), приборы ночного видения (в т.ч. совмещенные с фотоаппаратами и видеокамерами), технику обнаружения диверсионно-террористических средств и защиты от них, а также многое другое из арсенала индустрии безопасности.

ОРГАНИЗУЕТ:

— обучение руководителей и технического персонала служб безопасности обслуживанию систем защиты объектов, работе с техническими средствами поиска каналов утечки информации и их закрытия, а также противодействия диверсионно-террористическим акциям.